

ОК
ВОЛШЕБНОГО
ДЕРЕВА

**ОК
ВОЛШЕБНОГО
ДЕРЕВА**

*Сказки
Владимирских
писателей*

Ярославль
Верхне-Волжское книжное издательство
1988

Рецензент Б. Т. Ягловский

Сказки Ивана Никитича КЛИМОВА,
муромского сказочника,
в записи В. А. СВЕТОЗАРОВА

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Илья Муромец и три странника

Как во городе во Муроме,
Во селе-то Карачарове
Жил да был старый казак
Илья Муромец, сын Иванович.

Он лежал в постели тридцать лет и три года, не мог даже руки протянуть.

Вот однажды под Карачаровом, недалеко от Муромы, изменилось русло Оки, сделался прорыв, оторвала вода часть берега. На прорыве оба села работали — Карачарово и Панфилово, дома оставались только старые да малые.

В один из тех дней появились в Карачарове три странника — калики перехожие. Входят в дом, видят Илью Муромца и просят:

— Напой, Илюша, нас!

Илья Муромец отвечает:

— Эх, страннички! Калики вы перехожие! Рад бы я вас напоить, да не могу с кровати встать, лежу тридцать лет и три года!

Переглянулись странники и говорят:

— А ты, Илюшечка, нас не обманывай, встань и принеси нам попить!

C59 Сок волшебного дерева: Сказки владимирских писателей. — Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1988. — 176 с.

30 к. 150 000 экз.

Сборник сказок владимирских писателей для детей младшего школьного возраста.

C $\frac{4803010102-71}{M139-(03)-88}$ 47-88

P2

© Верхне-Волжское книжное издательство, 1988.

Только услышал это Илья, как к нему будто огонь прикоснулся, и пошевелились пальцы. Встает на резвы поженьки Илюшенька, берет кувшин, идет за квасом в погреб. Налил кувшин и подает странникам. А те отвечают:

— Ну-ка, Илюшенька, выпей сначала сам!

Илюшенька выпил полную кружку до дна. Странники спрашивают:

— Чувешь ли ты теперь, Илюшенька, в себе силушку?

— Теперь чувю! Спасибо вам за благодать.

Странники переглянулись и говорят:

— Налей себе еще кружечку!

Налил Илюшенька и выпил до дна.

Спрашивают странники:

— А теперь много ли чувешь в себе силушки?

— А теперь я чувю в себе силушки столько, что если бы врыть в землю столб до неба и было на том столбе кольцо, я бы всю Вселенную поворотил!

Странники ответили:

— Тебя земля не станет держать такого! Выпей-ка еще кружечку!

Илюша выпил и говорит:

— А теперь наполовину силушки убавилось!

— Ну и хватит, Илюшенька, с тебя и этого! И с этой силушкой тебе не будет спорщиков и в бою тебе смерти не будет!

Поклонились, поблагодарили Илюшеньку странники — калики перехожие — и подарили ему уздечку.

— Вот тебе уздечка. Сходи на базар, коня себе выбери, да такого, чтобы уздечка ни велика ни мала была!

Илюшенька им в ноги поклонился. Распростились калики перехожие и ушли.

Взял Илюшенька веревку, спустился в погреб. Перевязал бочонок с квасом, взвалил его на спину и пошел туда, где работали отец и мать.

Увидели Илюшеньку люди, закричали его отцу и матери:

— Посмотрите, ваш Илюшенька идет!

Отец и мать бросили работу, навстречу Илюшеньке побежали.

А он молвил:

— Вы, верно, батюшка и матушка, устали?

Снял с себя Илюшенька бочонок квасу и говорит всему люду:

— Попейте кваску и поешьте, а я поработаю!

Принялся он за работу, стал лес таскать. Столько за день набросал бревен и столько земли насыпал, что Ока потекла по старому руслу! Но и сейчас есть на Оке прорва.

Илья Муромец и Соловей-Разбойник

Дожил Илья до субботы, взял уздечку, пошел в город коня покупать.

Прежде-то в Муроме маркитаны-перекупщики много лошадей приводили.

Целый день ходит Илюшенька, а подходящей лошади нет. На одну уздечка не входит, на другую — велика. Так и воротился Муромец ни с чем.

Дождался другой субботы, а коня подходящего не купил. Только на третью субботу вывели коня. Конь был, правда, очень сморен, но уздечка пришлась ему впору, словно на него и была шита.

Месяц Илюша кормит коня. Через месяц выходит в поле погулять и проехаться. Прыгнул в седло, а конь присел от тяжести.

Слез Илюшенька с коня и опять кормит его. Вывел через месяц в поле погулять и проехаться. А конь от тяжести опять прогнулся под Илей Муромцем.

А третий раз вывел в поле коня Илюша, прыгнул в седло, и конь даже не вздрогнул!

Пришел Илья Муромец домой, сказал отцу с матерью:

— Ну, пришло время мне в стольный град Киев ехать! — Вооружился доспехами богатырскими и до свету отправился в путь.

В первый скак вскочил он за пять верст¹. Во второй скак — на десять верст. А после третьего скаку Илью Муромца и найти не могли!

Ехал Илья Муромец дорогой прямоезжею. А та дорога была занята разбойниками. Не только людей — зверя не пропускали!

А самый главный был Соловей-Разбойник. И имел он большую силу. Ежели, бывало, заметит всадника, издает такой сильный свист, что ни один конь не мог устоять, а у всадника барабанные перепонки лопались.

По этой по дороге прямоезжей поехал наш Илюшенька. Напали на Илью разбойники — натянул он тетиву и пустил калену стрелу. Завизжала стрела, запела и ударилась в дерево. Расщепилось дерево на мелкие части. Все разбойники со страху разбежались.

Переехал спокойно Илья через реку Калинку и остановился. Стояло тут двенадцать дубов, и на них свил себе гнездо Соловей-Разбойник.

Заметил Соловей-Разбойник Илью Муромца и сильно засвистел. Конь под Муромцем зашатался.

Натянул тетиву Илья и пустил стрелу. Попала стрела в правый глаз Соловья и вышибла из гнезда, как овсяный сноп!

Илья Муромец связал Соловья-Разбойника, приторочил к седлу и дальше едет.

Было у Соловья двенадцать сыновей, и все они считались богатырями. Один из них завидел издали всадника и закричал:

— Посмотрите-ка, матушка, вон едет батюшка и пленника везет!

¹ Верста — старинная русская мера длины, больше километра.

Поглядела мать и сказала:

— Детки мои родимые! Собирайтесь и в бой отправляйтесь! Чужой вашего батюшку везет, притороченного к седлу!

Илья Муромец натянул тетиву и пустил калену стрелу. Расщепила стрела дерево на мелкие части, все дети Соловья-Разбойника за смертью попадали.

Жена Соловья-Разбойника вышла с хлебом-солью встречать Илью Муромца. А Илья-то Муромец прищиприл коня, конь взвился... Только она его и видела!

Долго ли, коротко ли, прибыл Илья Муромец, сын Иванович, во Киев-град, пришел поклониться князю Владимиру стольнокиевскому.

— Кто ты такой и откуда приехал? — спрашивает князь Владимир.

— Я Илья Муромец, родом из села Карачарова. А ехал я дорогой прямоезжею.

— Как же ты мог проехать, ежели там засел Соловей-Разбойник? Ведь там человек не прохаживал, всадник не проезживал, зверь не прорыскивал!

Показал Илья на притороченного к седлу Соловья-Разбойника. Удивился князь и сказал:

— А ну, пускай он посвистит, как свистел, когда сидел на двенадцати дубах!

Илюшенька взял князя под правую руку, а княжину — под левую и велел Соловью посвистеть вполголоса. Соловей-Разбойник свистнул во весь голос. С деревьев листья посыпались, люди оглохли.

Илья Муромец привязал Разбойника к хвосту коня, сделал три круга и отрубил Соловью-Разбойнику голову!

Илья Муромец, Кидрил Обжора и Идолище Поганое

Князь Владимир устроил пир. Старый казак сын Иванович приглашен был в княжеские палаты. За дубовым столом сидел татарский богатырь Кидрил Об-

жора. Голова у него с пивной котел, а в плечах — сажень¹.

Князь Владимир попросил Илью Муромца придвинуться ближе к княжескому месту. Подвинулся Илья Муромец на лавке и так прижал татарского богатыря, что из того выступил кровавой пот.

Со всей силы Кидрил Обжора бросил в русского богатыря нож. Поймал этот нож Илья Муромец, бросил в Кидрила Обжору и убил его.

Узнал об этом татарский хан и написал князю Владимиру: «Выдай мне Илью Муромца!»

Князь Владимир одарил Илью Муромца собольей шубой со своего плеча. Илья начал бить шубу и приговаривать:

— Не нужна мне царская шуба! Я не боярский сын! Разгневался князь Владимир и приказал:

— Илью Муромца заточить в темницу!

Обиделись на это киевские богатыри, уехали на Сарацинскую гору и стали там лагерем.

А татарский хан собрал большое полчище и двинулся на Киев. Обложили город.

Князь Владимир послал гонцов выпустить из темницы богатыря. А Илья Муромец был в такой обиде на князя Владимира, что не хотел выходить из темницы. Пришла к нему княгиня и стала умолять:

— Защити Киев-град! Не ради нас, а ради сирот и детей, ради вдовиц и ради всех русских людей!

Илья Муромец вышел на свет, надел богатырские доспехи и поехал на вражескую рать.

То не сокол на стаю гусей налетает, то Илья Муромец на силу-рать вражескую наезжает! Где мечом махнет — улица делается, где коня повернет — площадь делается! Увидал Идолища Поганого и так ударил, что тот взлетел под облака и упал на землю.

¹ Сажень — старинная русская мера длины, немного больше двух метров.

Встал Илья Муромец на свои резвые ноженки и отрубил Идолищу Поганому голову! А вражеское полчище бросилось бежать.

Много было врагов. Илья Муромец не успевал рубить их мечом и топтать конем. Натянул тетиву и пустил стрелу на Сарацинскую гору. И упала стрела на грудь Святогору-богатырю.

Святогор крикнул громким голосом:

— Вставайте, братья, седлайте коней и едемте на помощь Илье Муромцу!

Подоспели на место битвы киевские богатыри и помогли Илье Муромцу. Рубились до позднего вечера.

Князь Владимир стольнокиевский отворил городские ворота, обнял Илью Муромца и просил у него прощения. И устроил князь Владимир пир. И были тут все русские богатыри.

А татарский хан с тех пор дал зарок не ходить больше на Русскую землю!

СТАРИК И ЖУРАВЛЬ

Жили-были старик со старухой. Земли у них не было. Был только дом да на потолке земля.

Вот старик и говорит старухе:

— Как-нито перебиваться надо! Давай посеем наверху горох. Может быть, вырастим что-нибудь!

— Ну что ж! — согласилась старуха.

Посеяли. Горох уродился хороший. И проведал о том журавль: стал летать на потолок и клевать горох.

Старику обидно стало. Призадумался: как бы журавля отвадить? Дай-ка сделаю пленицу!¹ Сделал и поставил.

Ночь приходит. Старик полез на потолок: «Не попал ли кто?» Глядит — в пленицу попался журавль.

¹ Пленица — здесь: петля из конского волоса для ловли птиц.

Говорит журавль человеческим голосом:

— Отпусти меня, старик! Да приходи ко мне в гости, я тебе подарков припасу.

Отпустил старик журавля. Говорит старухе:

— Журавль горох воровал да ко мне в пленицу попал. Завтра в гости к журавлю пойду. Свари мне горохового киселя.

Утром старуха сварила киселя, старик отправился на болото, где жил журавль. Журавль спрашивает:

— Пришел?
— Пришел!
— А чего принес?
— Чарку киселя.

— Ну, спасибо! Вот тебе за это жерновки². Выйдешь на поляну и скажешь: «Жерновки, повернитесь!» Они повернутся, и ты сам увидишь, что перед тобой будет! Потом скажи: «Жерновки, свернитесь!»

Старик поблагодарил журавля, вышел на поля-

² Жёрновки (жерновки) — маленькая, в два камня, ручная мельница, в которой медлят зерно, обдирают просо, гречиху.

ну, вынул из мешка жерновки, говорит:

— Жерновки, повернитесь!

Жерновки повернулись, и в них оказались мука и крупа.

«Надолго нам со старухой хватит!» — подумал старик, облизал губы и говорит:

— Жерновки, свернитесь!

Жерновки свернулись, старик положил их в мешок и пошел домой.

На перепутье в избушке жила кума. Увидала старика, приглашает:

— Зайди, куманек, ты, наверно, запурхался, запачкался, болото сырое да грязное. Я для тебя баньку истоплю.

Старик рассказал куме, куда и зачем ходил. Она истопила баню, посылает старика мыться. А старик ей и говорит:

— Кума! У меня в мешке жерновки. Пока я моюсь, ты смотри не говори им: «Жерновки, повернитесь!»

А куме только того и надо было.

Старик ушел в баню. А кума вынула из мешка жерновки, положила на пол и говорит:

— Жерновки, повернитесь!

Жерновки повернулись. В них оказались мука и крупа.

Увидала кума муку и крупу, положила в мешок свои новые жерновки, а стариковы себе взяла.

Старик помылся, поблагодарил куму, взял мешок и пошел домой. Приходит к старухе и говорит:

— Ну-ка, скажи: «Жерновки, повернитесь!»

Старуха достает из мешка жерновки и говорит:

— Жерновки, повернитесь!

А жерновки ни тпру ни ну!

— Ох, ты не умеешь!

Сам стал говорить:

— Жерновки, повернитесь!

А они опять ни тпру ни ну!

— Ах, кума! Обманула ты меня, — говорит старик. — Ну что ж, в другой раз пойду, не найду к куме! Сварила мне киселя. Опять к журавлю пойду.

Старуха варила. Старик пошел.

Приходит к болоту опять. А журавль идет навстречу — шаг, шаг, шаг.

— Что, мужик, пришел? — спрашивает журавль.

— Пришел!

— Что принес?

— Чарку киселя!

— Вот спасибо. На тебе за это новую скатерть. Выйдешь на полянку и скажешь: «Скатерть, раскатись-развернись!» Сам все увидишь, что перед тобой откроется. Потом скажи: «Скатерть, свернись!»

Старик поблагодарил журавля за подарок, выходит на поляну, достает из мешка скатерть, кладет на землю и говорит:

— Скатерть, раскатись-развернись!

Скатерть раскатилась-развернулась, а в ней оказалось мясо, яйца и много всего другого.

Старик сказал:

— Скатерть, свернись!

Скатерть свернулась. Старик кладет ее в мешок, дальше идет.

Опять встретила ему кума:

— Зайди, куманек. Ты, чай, запурхался, заморился, я для тебя баньку истоплю, помою, попарю и накормлю!

Старик рад с устатку попариться в баньке да поесть. Говорит:

— В мешке у меня скатерка. Ты смотри не говори: «Скатерть, раскатись-развернись!»

Только он ушел в баню, а кума вынула скатерку из мешка на пол и говорит:

— Скатерка, раскатись-развернись!

Раскатилась-развернулась скатерка. Видит кума: мясо, масло — и говорит:

— Скатерть, свернись!

Положила свою скатерку в мешок, а старикову себе взяла.

Старик попарился, пообедал, берет свой мешок и идет домой. Приходит и говорит жене:

— Ну, старуха, скажи: «Скатерть, раскатись-развернись!»

Старуха взяла скатерть, положила на пол и говорит:

— Скатерть, раскатись-развернись!

А скатерть ни тпру ни ну.

— Ах, опять кума обманула! Ну, теперь ни за что не найду к куме!

Потом говорит старухе:

— Свари мне киселя, я еще к журавлю схожу.

Старуха наутро варила киселя, и пошел старик к болоту.

Журавль ему навстречу идет — шаг, шаг, шаг.

— Что, старик, пришел?

— Пришел!

— А чего принес?

— Чарку киселя!

— Ну, спасибо! Вот тебе за это сумку, выйдешь на поляну, скажешь: «Из сумки двое!» Что увидишь и услышишь, сам узнаешь. А потом скажи: «В сумку двое!»

Старик так и сделал. Вышел на поляну, сказал:

— Из сумки двое!

Выскакивают два молодца и давай старика бить. Бьют да приговаривают:

— Не ходи к журавлю, не носи киселя!

Старика били, били, а он и вспомнил, что ему журавль велел. Говорит:

— В сумку двое!

Молодцы спрятались, словно их и не бывало.

— Крепко они меня напоролы, — сказал старик и побрел домой.

— Куманек, куманек, — опять встретила его кума, —

ты, чай, запурхался, ты, чай, заморился. Я тебе баньку истоплю, помою, попарю, покормлю!

Старик рад больные бока отпарить. Снимает сумку и говорит куме:

— Вот тебе моя сумка, только ее не трожь да не говори: «Из сумки двое!»

А куме только того и надо было.

Только он ушел париться в баньку, кума говорит:

— Из сумки двое!

Выскакивают два молодца и давай ее дубасить да приговаривать:

— Не обманывай старика, не обманывай старика!

Идет из бани старик, а молодцы все еще колотят ее, словно цепами молотят. Он и кричит:

— В сумку двое!

Молодцы убрались, словно их тут и не бывало.

— Ох, куманек, пришел ты нынче, видать, не с добрым словом! — говорит кума. — Вот тебе твои жерновки, вот тебе твоя скатерть!

— Ну, то-то же! — отвечает старик. — Давно бы так сделать надо!

Берет, все кладет в мешок и идет домой. Приходит к старухе и говорит:

— На-ка вот тебе жерновки!

Старуха жерновки кладет на стол и говорит:

— Жерновки, повернитесь!

Жерновки повернулись, и там оказались мука и крупа.

Старуха сказала:

— Жерновки, свернитесь!

Жерновки свернулись.

— Ну вот, на еще скатерть! — сказал старик.

Старуха положила скатерть и говорит:

— Скатерть, раскатысь-развернись!

Скатерть раскатилась-развернулась, и там оказались мясо, масло, яйца.

Потом старуха говорит:

— Скатерть, скатерть, свернись!

Скатерть свернулась.

— Ну вот, на еще сумку да скажи: «Из сумки двое!»

А сам посмеивается.

Старуха говорит:

— Из сумки двое!

Как выскочат два молодца и давай старуху бить да приговаривать:

— Не вари киселя! Не вари киселя, не посылай старика к журавлю!

Старик жене пожалел, сказал:

— В сумку двое!

Два молодца убрались, словно их и не бывало.

Старуха говорит:

— Эх ты, старый грех! Что наделал? Все бока проколотили, словно в дырах!

Старик отвечает:

— Не только тебе, а и мне, и куме досталось!

С тех пор и зажили старик со старухой на славу.

МАТРЕШКА И МЕДВЕДЬ

Жил старик со старухой. Было у них три дочери. Одну звали Варькой, другую — Танькой, а младшую — Матрешкой.

Собрался старик в лес идти — для пашни чащобу чистить, говорит старухе:

— Пускай Варька обед принесет!

— А где она тебя найдет?

— Я пойду по дороге, потом сверну на чащобу и буду веточки заламывать. По этим веточкам и найдет!

Идет старик — веточки заламывает. А медведь углядел, что мужик в лесу делает, и тоже стал веточки заламывать к своей берлоге.

Понесла Варька отцу обед да забрела к берлоге.

Медведь говорит:

— Добро пожаловать, девушка. Как тебя звать?

— Меня зовут Варькой!

— Ну вот и хорошо! Будешь ты у меня женой Варварой!

Стал показывать Варьке свое хозяйство. Говорит:

— Вот тебе ключи от всех моих кладовых. Пеки, вари что вздумается. Только вон в ту кладовую не ходи. Она лыком заперта, землей запечатана. Там нет ничего, и делать там нечего! А я уйду на работу!

Ушел медведь на работу. Варвара взяла ключи и стала ходить по кладовым, смотреть, где что есть: где крупа, где мука, где мед.

«Откуда у медведя столько добра?» — подумала Варька.

Затопила печку, напекла, наварила, нажарила, отдохнула. А потом захотелось ей посмотреть кладовую, в которую медведь не велел ходить. Лыко сорвала, земля отвалилась, дверь открылась.

Видит Варька: стоит на полу чан, а в чану расплавленное золото. Пару нету от него.

«Наверно, не горячо!» — подумала Варька и окунула в котел палец.

Палец не сожгла, но он высох и стал золотым. Она испугалась. Заперла кладовую, стала мыть руку: песком чистит, ножом скребет, а палец все золотой остается. Завязала тряпкой, чтобы медведь не увидел.

Пришел медведь с работы. Варька обед на стол подала. Медведь увидел, что палец завязан, спрашивает:

— Что с пальцем сделала, жена Варвара?

— Стала чистить чугун и занозила. Болит очень!

— Давай погляжу. Я его вылечу!

Медведь повязку сорвал, увидел золотой палец и зарычал:

— За это я тебя съем!

К супу не притронулся, а Варьку съел.

Пришел старик из лесу домой, спрашивает жену:

— Почему обед не прислала?

А старуха запричитала:

— Послала Варьку, а она до сих пор не пришла. Уж не забрела ли к медведю в берлогу?

На другой день старик снова собрался чащобу чистить, говорит:

— Пускай мне Танька обед принесет!

— А как она тебя найдет?

— На этот раз я буду на деревьях лысочки зачищать. Старик ушел.

Старуха истопила печку, всего настряпала и говорит дочери:

— Танька, отец велел обед принести!

Собралась Танька, пошла. А медведь опять подглядывал, что мужик в лесу делал. Увидал: лысочки зачищает, замазал их грязью и новых зачистил до своей берлоги.

Шла Танька по дороге, видит: лысочки — и пришла к берлоге. Медведь увидел ее и вышел навстречу:

— Добро пожаловать, красная девица! Как тебя звать?

— Меня зовут Танькой!

— Ну вот и хорошо! Будешь моей женой Татьяной! — Дал ей ключи от кладовых. — Пеки, вари, жарь, по всем кладовым ходи, бери что надо, только в ту кладовую не ходи! Там нет ничего! Она лыком заперта, а землей запечатана! — И сам ушел.

Танька затопила печку, нажарила, наварила, позавтракала и думает: «Дай посмотрю, что в той кладовой за секрет!» Лыко сорвала. Земля отвалилась, дверь открылась.

Видит Танька: стоит посредине чан. Захотела узнать, что там, и окунула палец. Сделался палец золотым. Мыла — не отмывается, тряпкой терла — не оттирается, ножом скребла, а палец таким же остался. Завязала тряпкой, чтобы медведь не заметил.

Приходит медведь обедать. Увидал, что у Таньки палец завязан, спрашивает:

-- Что у тебя с пальцем?

— Вот щепала лучину да и запозила!

— Ну-кось я занозу-то вытащу!

— Да я уж сама вытащила!

— Дай погляжу!

Сорвал тряпку, видит: золотой палец. И съел Таньку.

Пришел старик домой, спрашивает жену, почему обед не прислала.

— Да как же! Танька тебе давно обед унесла, да самой что-то нет. Наверно, к медведю в берлогу попала!

На третий день старик опять собирается в лес чащобу чистить. Насыпал в мешок золы и говорит:

— Пускай Матрешка мне обед принесет! Я свою тропу золой посыплю!

С утра медведь поглядывал, что мужик в лесу делает. Взял грабли, мужикову золу зашвырял, а на своей тропе другой золы насыпал.

Понесла Матрешка отцу обед, увидела золу и пошла по этой тропинке. Шла, шла и к медведю в берлогу зашла. Медведь ее и спрашивает:

— Как тебя зовут?

— Матрешкой!

— Хорошо! Будешь моей женой Матреной, — говорит медведь. — Вот тебе ключи от всех кладовых. Что нужно — бери: вари, жарь, леки. Только вон в ту кладовую не ходи: она лыком заперта, землей запечатана. Тебе там делать нечего!

Ушел медведь на работу.

Матрешка стала обед готовить. Наварила, нажарила, наелась. А потом думает: «Интересно поглядеть, какой секрет в той кладовой?» Лыко сорвала, земля отвалилась, кладовая открылась. Видит: стоит посредине чан, полный золота.

Матрешка сунула в котел палочку, и сделалась палочка золотой. Хотела ее очистить, мыла, скребла — ничего не выходит. Зарыла палочку в землю.

Явился медведь. Собрала ему на стол обед. Медведь наелся и повалился спать.

Матрешка стала пироги печь. Много напекла пирогов. Разбудила медведя и говорит:

— Мишенька! Сходил бы к моим батюшке с матушкой, отнес бы им пирожков.

— Ну что же, завтра на работу не пойду! — сказал Мишка. — Приготовь гостинцы!

Матрешка сделала чучело, поставила его на берлоге и на него платье свое надела. Потом приготовила короб, залезла в него и обложила пирогами.

Медведь утром встал, взвалил на спину короб и пошел.

Шел, шел, показался ему тяжел короб, встряхнул им и говорит:

— Сесть бы на кочку, съесть бы лепешку, сесть бы на пенек, съесть бы пирожок!

Матрешка потихоньку ему из короба кричит:

— Вижу, ви-и-ижу, Мишенька, что хочешь делать! «Ах, жена Матрена, далеко видит!» — подумал Мишенька. И побежал быстрее. Устал и говорит:

— Сесть бы на кочку, съесть бы лепешку, сесть бы на пенек, съесть бы пирожок!

Матрешка опять из короба тихонько кричит:

— Вижу, ви-и-ижу, Мишенька, что хочешь делать! Не садись на кочку, не ешь лепешку, не садись на пенек, не ешь пирожок!

«Эх, жена Матрена, высоко залезла, далеко видит!» — подумал Мишка и зашагал еще быстрее.

Прибежал в деревню, нашел стариков дом, бросил короб через ворота, крикнул:

— Дедушка с бабушкой, примите гостинец от жены моей Матрены!

Повернулся и убежал.

Короб за воротами развалился, пироги из короба вывалились, вылезла Матрешка и домой пришла.

Старик со старухой обрадовались.

Подошел медведь к берлоге, думает, что Матрешка его встречает, кричит:

— Отнес гостинцы старикам!

Жена Матрена молчит. Мишка залез на крышу, а там — чучело!

ВАСИЛИСА ПРЕМУДРАЯ

Жил-был воевода, и было у него три дочери. Много он прожил лет, а ни одного сына не вырастил. Вот однажды он проснулся утром, тяжело вздохнул и промолвил:

— Эх ты, старость, старость! Пришла ты не на радость! Воевать надо, а меня заменить некому! Нет у меня сыновей.

Услыхала это старшая дочь и говорит:

— Эх, батюшка! Дай мне коня неезженного, седельце неседланое, сбрую богатырскую. Я поеду воевать!

Отец обрадовался ее словам. Снарядил дочку в дорогу, а сам вышел на задний двор и оборотился серым волком.

Дочь только стала подъезжать к лесу, как волк бросился на нее. Она в испуге повернула коня домой. Встречает ее отец и спрашивает:

— Что, дочка, вернулась?

Она отвечает:

— Только я подъехала к лесу, на меня набросился волк. Конь шарахнулся в сторону, и я еле усидела.

— Плохой был бы из тебя вояка! — ответил отец.

На другой день встал утром, стал сам собираться, вздохнул и говорит:

— Эх ты, старость, старость! Пришла ты не на радость. Воевать надо, а меня заменить некому!

Услыхала вторая дочь, говорит:

— Благослови меня, батюшка, я поеду. Дай мне ко-

ня неезженного, седельце неседланое, сбрую богатырскую!

Отец и эту дочь благословил. А сам оборотился волком и встретил ее в лесу. Дочка струсила. Конь шарахнулся в сторону, и она еле усидела. Вернулась домой.

Отец спрашивает:

— Что с тобой, дочка, случилось?

Она рассказала.

— Плохой был бы из тебя вояка!

На третий день стал отец собираться, пришла к нему младшая дочка, Василиса Премудрая, и говорит:

— Дай мне коня неезженного, седельце неседланое, сбрую богатырскую. Я поеду воевать!

Отец и младшую дочь благословил.

Стала она подъезжать к лесу, а оттуда выскочил серый волк. Василиса Премудрая не растерялась: сняла с плеча ружье, выстрелила и попала волку прямо в глаз. Волк убежал. А Василиса Премудрая поехала дальше.

Отец пришел домой и говорит старшим дочерям:

— Из Василисы может получиться хороший вояка!

Оделась Василиса по-солдатски, пошла служить-воевать. Подружилась там с солдатом, которого звали Василием Васильевичем. Может, и не расстались бы, да пришел их службе конец.

Приехали в город, откуда родом Василий Васильевич.

Он и говорит:

— Зайдем ко мне в гости. Отдохнешь и домой отправись.

Согласилась Василиса.

А у Василия Васильевича была мать — хитрая-прехитрая старуха. Василиса за столом чай пьет, а старуха с нее глаз не сводит.

Василиса уехала, а мать и говорит сыну:

— Хорошего ты себе друга нашел — не солдат, а девка!

— Мы вместе три года служили, во всяких переделках бывали, и я этого не замечал. А ежели ты правду говоришь, то как же мне теперь быть? — затужил солдат.

— Ты не печалься. Ежели она тебе нравится, то непременно будет твоей женой! — отвечает старуха и вдогонку за Василисой Премудрой посылает своих голубей.

Голуби влетели в открытые двери воеводского дома, сели на полаты, воркуют и приговаривают:

Ворку, ворку, голуби,
Ворку, ворку, сизые!
Унесем, унесем
Василису Васильевну
К Василию Васильевичу!

Василиса Премудрая со своими сестрами за столом чай пьет, веселится, новости рассказывает. А на полатах ее голуби воркуют и приговаривают:

Ворку, ворку, голуби,
Ворку, ворку, сизые!
Не дадим, не дадим
Василису Васильевну
Унести к Василию Васильевичу!

Старухины голуби улетели и снова прилетели. Сидят на полатах и приговаривают:

Ворку, ворку, голуби,
Ворку, ворку, сизые!
Унесем, унесем
Василису Премудрую
К Василию Васильевичу!

Василиса уснула на полатах и забыла покормить своих голубей. Они ворковать перестали, опустили голы на крыло.

Старухины голуби подхватили под руки Василису Премудрую и унесли в дом к Василию Васильевичу.

Проснулась Василиса и рассердилась на Василия Васильевича. Развязала свой шелковый пояс, сняла перстень с руки, положила их под ступеньку и говорит:

— Когда пояс оборвется, а перстень распаяется, тогда и услышишь слово от меня!

— Все одно ты от нас никуда не уйдешь! — говорит старуха и приказывает Василисе пойти остричь овец.

Василиса взяла ножницы и мешок и вышла. А Василий Васильевич вышел за ней следом и говорит тихоньку:

— Василиса Васильевна, промолвь хоть словечко, обрадуй мое сердечко! У моей-то матушки овцы-то серы волки. Придешь на полянку, будешь кликать их, они тебя разорвут. А ты положи ножницы в мешок, залезь на дерево и покричи:

Матушки овечушки!
Соберитесь, подстригитесь,
Шерстку уложите
И опять кто куда разбежитесь!

Василиса пришла в лес, положила мешок на землю, залезла на дерево и кличет:

Матушки овечушки!
Соберитесь, подстригитесь,
Шерстку уложите
И опять разбежитесь!

И вот со всех сторон прибежали волки и начали с себя шерсть сдирать. Надрали целый мешок и разбежались кто куда.

Василиса с дерева слезла и отнесла мешок с шерстью старухе.

А старуха пряла пряжу и приговаривала:

Напряжем шерстки,
Наткнем сукна,
Нашьем одежды!

Поглядела на Василису и говорит:

— Пойди в стадо, подои моих коров!

Взяла Василиса ведро и отправилась коров доить. А Василий Васильевич за ней. Говорит он ей тихонько:

— Промолвь словечко, обрадуй сердечко... А у моей-то матушки коровы-то медведи. Придешь на поляну и станешь их звать, они тебя разорвут. А ты влезь на дерево и покричи:

Коровушки-матушки!
Соберитесь, подоитесь
И опять разбежитесь!

Василиса пришла в лес, поставила ведро на полянке, влезла на дерево и закричала:

Коровушки-матушки!
Соберитесь,
Друг дружку подоите
И опять разбежитесь!

И только успела прокричать, как медведи собрались, надоили полное ведро и разбежались кто куда.

Василиса принесла молоко, а старуха сердито жмурится.

— Шерстку, — говорит, — спряли, надо ткать, а берда¹ нету. Сходи к моей сестрице, она живет недалеко. Принеси бердо!

Утром Василиса пошла, а Василий Васильевич опять за ней:

— Промолвь словечко, обрадуй сердечко... А у моей-то матушки сестрица-то Бура-Яга. Как придешь, она тебя съест!.. Вот тебе мешок. В нем донце-веретенце, гребешок и мочечка². Да еще я тут положил мясо, масло и овес.

¹ Бердо — часть старинного деревенского ткацкого станка, деревянный гребень.

² Это части деревенской прялки: на донце, в которое втыкался гребень, садилась пряжа, на гребень надевалась мочка — пучок шерсти, льна, из которого пряли нить.

Пришла Василиса к тетке, с ней поздоровалась и говорит:

— Твоя сестрица меня к тебе за бердом прислала!

— Садись, красавица, потки, а я для тебя баньку истоплю! — сказала Бура-Яга и ушла.

Василиса взяла бердо, плюнула на прошесть¹ и сказала:

— Тетушка, тку-тку... Тетушка, тку-тку! — а сама бежать.

Дверь ее не пускает. Подлила ей под пятку маслица.

В сенях Василису гуси не пускают. Посыпала им овсеца.

На дворе собака залаяла. Василиса бросила ей мяса.

На улице ворота не пускают. Василиса подлила им под пятки маслица.

На улице береза хлещет. Василиса березу подпоясала.

Бежит по дороге Василиса, а слюнка кричит на прошесть:

— Тетушка, тку-тку... Тетушка, тку-тку!

И до тех пор кричала слюнка, пока совсем не высохла.

Явилась Бура-Яга, а Василисы Премудрой нет. На дверь покосилась.

— Зачем девицу выпустила?

Дверь жалобно ей отвечает:

— Ты мною каждый день хлопаешь — ни разу не смазала. А Василиса Премудрая под пятку маслица подлила!

Выбежала Бура-Яга в сени и давай гусей колотить. Гуси заготовали:

— Сколько годов живем, ты и крошечек нам не бросала. А Василиса Премудрая сколько овсеца посыпала!

На дворе Бура-Яга собаку колотит. Скулит собака и говорит:

¹ Прошесть — ткань, еще не святая с ткацкого станка.

— Я тебе сколько годов служу, ты и кусочка хлеба не выбросила. А Василиса Премудрая мясом накормила!

Набросилась Бура-Яга на ворота, а те ей отвечают:

— Сколько годов ты нами хлопаешь, никогда и водички не подливала. А Василиса Премудрая нас маслицем смазала.

На улице Бура-Яга стала березу бить. А береза отвечает:

— Сколько времени я тебе служу — и ниточкой не подпоясала. А Василиса Премудрая шелковым пояском подвязала.

Бура-Яга села в ступу, схватила пест, бьет и приговаривает:

Ступа, ступа, поскачи,
Пест, пест, погоняй,
Василису догоняй.
Василиса ушла
И бердо унесла!

А Василиса уже далеко убежала. Оглянулась, а Бура-Яга догоняет ее. Выбросила за плечо гребешок. И выросла на этом месте роща, да такая густая, что тут могла бы только мышь пробежать.

Выскочила из ступы Бура-Яга и давай березняк грызть. Прочистила дорогу, села в ступу, бьет пестом, приговаривает:

Ступа, ступа, поскачи,
Пест, пест, погоняй,
Василису догоняй.
Она ушла
И бердо унесла!

Бежит Василиса, оглянулась, а Бура-Яга опять догоняет. Выбросила донце-веретенце. На этом месте выросла такая гора, что ни пройти, ни проехать.

Бура-Яга в гору скачет-поскачет и опять съедет.

А в это время Василиса Васильевна продолжала

свой путь. Устала немного, села, хлебца поела и снова бежит. Обернулась назад и видит: Бура-Яга снова ее догоняет. Выбросила мочечку. И вдруг разлилась широкая река. Василиса Премудрая — на одном берегу, Бура-Яга — на другом.

Буре-Яге нельзя в ступе по воде ехать. Стала воду лакать. Лакала, лакала и до тех пор лакала, пока не лопнула.

Василиса Васильевна домой прибежала. Смотрит под ступеньку: пояс пополам перервался, перстень распаялся. Подает она старухе бердо и говорит:

— На вот, возьми, матушка!

Василий Васильевич обрадовался, что Василиса Васильевна явилась невредима. И скоро они сыграли свадьбу.

И я там был, мед-пиво пил, поехал домой, а подо мной был конь ледяной. Я подъезжаю, а, хватя, дом-то горит. Я на коне ближе, а конь все ниже. Я к огню-то вплоть, а конь-то лег и растаял, а меня в горнице оставил.

Вот тут и сидим да сказки говорим!

О СИЛЬНОМ РУССКОМ БОГАТЫРЕ ЗЕЛЕНОМ

За долами, за горами, за широкими морями жил-был царь Картаус, надевал на голову картуз, а на ночь скидал его. И была у царя прекрасная дочка, только ее похитила какая-то неведомая сила. Царь опечалился и объявил:

— Может быть, кто выищется разыскать ее и спасти?

Узнал об этом русский богатырь Зеленый.

— Я отыщу твою дочку! — сказал он царю, а сам не знает, куда идти, где ее искать. Пришел к одной воровке.

— Тебе придется иметь дело с чародеем Черномором Кощеем Бессмертным, — говорит она. — Но прежде чем с ним сразиться, надо достать его смерть, а она далеко запрятана. Черномор в огне не горит, в воде не тонет. И меч его не берет. Идти тебе нужно за тридевять земель, в тридевятое царство, в Кощеево государство. Далека дорога, много встретишь трудностей. Да и коня у тебя хорошего нет. На твоём коне далеко не уедешь.

Своего коня богатырь оставил на лугу и отправился пешком. Долго шел. Забрался на одну гору, видит — на опушке леса избушка стоит. Подошел к ней. Входит в избушку: сидит старушка и прядет пряжу.

— Куда путь держишь? — спрашивает она.

Зеленый рассказал.

— До Кощеева царства надо много годов идти, — отвечает старушка. — Если хочешь стать победителем, то послушайся моего совета. Нужен тебе конь, да такой, чтобы бегал он быстрее ветра. И на таком коне придется тебе не один год скакать. Вон на той горе есть пещера. В ней за двенадцатью дверями, за двенадцатью замками стоит конь. Он привязан железными цепями. Первые двери ты разломаешь. Конь услышит седока, остальные двери сам разобьет и с цепей сорвется. Сумей этого коня удержать, тогда достигнешь Кощеева царства.

Взобрался Зеленый на эту гору, отыскал пещеру, начал ломать первые двери. Конь почувал седока, цепи разорвал, двери разломал и, как зверь, бросился на волю. Видит Зеленый — силы у коня много и ретивости он непомерной. Что делать, как удержать его? Размахнулся и ударил коня кулаком по груди. Конь почувал силу богатыря и присел на задние ноги. Зеленый накиннул на коня уздечку, оседлал и поехал.

Долго ехал богатырь. Подъехал к дремучему лесу. Видит — в тенетах¹ запутался лев. Подъехал, переру-

¹ Тенета — сеть для ловли птиц и зверей, развешивается на деревьях и кустарниках.

бил тенета и освободил его. Лев поблагодарил богатыря и сказал:

— Вспомни обо мне в трудный час. Я тебе помогу.

Зеленый дальше отправился. Опять подъехал к дремучему лесу. Видит — в тенетах запутался сокол. И сокола освободил. Поблагодарил богатыря сокол и сказал:

— В трудный час вспомни обо мне! Я тебе помогу!

Подъехал богатырь к морю, видит — в сети попала щука. Освободил ее. Щука сказала:

— Вспомни обо мне, когда трудно будет!

Поехал Зеленый вдоль берега, видит — в тенетах заяц запутался. Освободил его. И стал заяц благодарить богатыря:

— В нужный час обещаю помочь тебе!

Встретил Зеленый старичка:

— Скажи, старичок, далеко ли до Кощеева царства?

— До Кощеева царства придется по морю плыть. Доплывешь до этого царства, потом пойдешь по берегу. А там далеко-далеко стоит одинокий могучий дуб. Тебе этот дуб нужно будет свалить. Под корнями дуба найдешь ящик, в нем сидит заяц, а в зайце — утка. Утка будет с яйцом, и в том яйце игла, а в игле — Кощеева смерть. Иглу переломи, иди в терем, а в том терему ты отыщешь царевну.

Богатырь поблагодарил старика за добрый совет. Доехал до переправы, вместе с конем сел на корабль и пустился в далекий путь. Приплыл в Кощеево царство, вывел на берег коня, запрыгнул на него и поехал дальше. Попадает ему ветхая хижина, в которой жила старушка. Соскакивает богатырь Зеленый с коня, входит в хижину, спрашивает:

— Далеко ли отсюда растет одиноко могучий дуб?

— Дуб-то недалеко, да зачем он тебе понадобился?

— Мне нужно его во что бы то ни стало повалить. Под корнями этого дуба ящик, а в ящике сидит Кощеева смерть!

— Будь осторожен, это дело нешуточное! — предупредила богатыря Зеленого старушка. — В любое время Кощей может напасть на тебя не только с земли, но и с воздуха.

Дала она Зеленому железную лопату с гнилым черенищем и топор с гнилым топоричем.

Зеленый поблагодарил старуху, дальше поехал. И вскоре увидел могучий дуб. Подъехал к нему, слез с коня, взял лопату, хотел подкопать корни. Сделал первый копок, а черенок у лопаты рассыпался. За топор вьялся. Только успел коснуться дерева — в прах рассыпалось топориче. «Чем же теперь копать землю и подрубать корни у дуба?» — задумался Зеленый. Про льва вспомнил, лев тут же явился и стал помогать Зеленому валить дерево. Дерево покачнулось и вздрогнуло. Со всей силой ухватился богатырь за нижнюю ветку, а лев за другую, и повалили могучее дерево.

Под корнями дуба действительно оказался ящик. Едва Зеленый отломил верхнюю доску, как из ящика выскочил заяц и помчался что есть мочи. Разве теперь догонишь его? Вспомнил богатырь про зайца, которого освободил из тенета. Тот заяц появился, мигом догнал убежавшего и растерзал.

Из растерзанного зайца вдруг вылетела и взвилась высоко утка. Зеленый опешил, подумал: «Как же ее поймать?» Вспомнил о соколе. Откуда ни возьмись появился и взмыл вверх сокол. Он нагнал утку и клюнул так сильно, что из нее вылетело яйцо и упало в море.

Зеленый вспомнил о щуке. Вынырнула из воды щука, во рту яйцо держит и говорит:

— Возьми!

Положил богатырь яйцо в карман, сел на коня и поехал в Кощеево владение. Кощей и близко не подпустил его, подхватил и поднял под облака.

Зеленый не растерялся, достал из кармана яйцо и сказал Кощей Бессмертному:

— Если ты меня на землю не спустишь, я разобью яйцо, переломлю иглу, и тогда придет твоя смерть.

Понял Кощей Вессмертный, что дело плохо, и хотел убить богатыря, но Зеленый разбил яйцо, схватил иглу и переломил ее.

Почувствовал Кощей, что наступает час его смерти, заколдовал своими чарами всех девушек, какие были у него в тереме, и мертвым упал на землю.

Зеленый пошел к терему, у ворот на него напали Кощеевы сторожа.

— Раз! — и одним взмахом убил наповал троих.

— Два! — и одним взмахом четверых убил.

— Три! — и одним взмахом убил остальных сторожей.

Вошел богатырь Зеленый в терем, видит: все красавицы мертвые.

Опечаленный Зеленый вышел в сад, подошел к колодцу с такой прозрачной водой, что в ней увидел себя, как в зеркале. Зачерпнул богатырь воды и побрызгал на девушек. Все девушки проснулись от мертвого сна.

Стал Зеленый искать красавицу, какую надо спасать. То к одной подойдет, то к другой.

— Не та, не та, — говорил он.

Увидел на руке одной красавицы золотое кольцо с вензелем того государства, откуда сам приехал.

— А помнишь ли ты своего отца? — спросил ее богатырь Зеленый.

— Помню! — ответила она.

— А хочешь ли ты с ним повидаться?

— Хочу.

— А не забыла ли ты родной язык?

— Разве можно забыть родину? — ответила красавица. — Мы давно изнываем тут, в неволе.

— Дарю вам всем свободу, — сказал богатырь Зеленый.

— А куда мы пойдем, больные, немощные? — заго-

лосили пленницы и стали просить богатыря взять их с собой.

— Хоть и не было мне такого приказа, только вижу, исстрадались вы, измучились. Собирайтесь. Возьму!

Богатырь Зеленый всех пленниц Кощей посадил на корабль. После долгого, трудного плавания возвратился корабль на родину. Привел богатырь царевну во дворец.

Царь сказал богатырю Зеленому:

— Спасибо тебе за твою отвагу, за твою силу и за твою русскую сметку. С сего дня я передаю в твои руки все царство! Бери себе в жены мою любимую дочку!

И тут был такой пир, какого не видел мир. Долго пели и плясали. Наконец, плясать перестали, потому что у всех ноги устали. И я там был, мед-пиво пил за здоровье богатыря!

БУРА-ЯГ'А И ВНУЧКА

Жили-были старик со старухой. Была у них дочка. А недалеко от села, в лесу, жила бабушка, которую звали Руся-Маруся.

Однажды дочка говорит отцу с матерью:

— Батюшка с матушкой, я хочу навестить Русю-Марусю. Отпустите меня к ней ненадолго!

Старики отговаривали, а дочка на своем настояла. Пошла.

Идет по дороге. Навстречу едет мужичок на лошадке на серенькой и сам серенький. Спросил:

— Куда ты, девочка, идешь?

— К Русе-Марусе!

— Не ходи, она тебя съест!

— Нет, не съест, она мне бабушка! — отвечает девочка.

Серенький мужичок уехал.

Девочка дальше идет. Попадается навстречу другой

мужичок, на черненькой лошадке и сам черненький. Поравнялся с девочкой и спрашивает:

— Ты куда идешь?

— К Русе-Марусе!

— Не ходи, она тебя съест, ведь она Бура-Яга!

— Нет, не съест. Она мне бабушка!

Дальше поехал мужичок, а девочка пошла своей дорогой. Встретил ее третий мужичок, на красненькой лошадке, сам красненький. спрашивает:

— Куда идешь?

— К Русе-Марусе.

— Не ходи, Руся-Маруся — Бура-Яга, она тебя съест.

— Нет, она мне бабушка! — отвечает девочка.

Поехал мужичок, а девочка своей дорогой пошла.

Попадается ей четвертый мужичок, на лошадке беленькой и сам беленький. спрашивает:

— Ты куда идешь?

— К Русе-Марусе!

— Не ходи, она тебя съест!

— Нет, не съест, она мне бабушка!

Беленький мужичок уехал, а девочка своей дорогой пошла.

Подходит девочка к дому, где Руся-Маруся живет. Вошла в избу.

Бура-Яга на скамье сидит, и нос у нее в потолок врос.

— Добро пожаловать, внучка! А как живут твои родители? — спрашивает Руся-Маруся.

— Живут ничего, бабушка!

— Ты, наверно, устала? — говорит Руся-Маруся. — Пообедай, а я пойду баньку истоплю, тебя вымою. А прежде всего Расскажи, когда ты шла ко мне, что видела и что слышала?

Девочка отвечает:

— Ехал мне навстречу мужик, сам серенький и лошадка серенькая. спрашивает: «Куда идешь, девоч-

ка?» Я отвечаю: «К Русе-Марусе!» — «Не ходи, говорит, она тебя съест!» А я отвечаю: «Нет, она мне бабушка!»

— Бай, бай, да не проговаривайся, — молвила Руся-Маруся. — Это мой серый день. А я тебя, девка, съем.

Девочка испугалась, а Руся-Маруся опять спрашивает:

— Расскажи, что еще видела?

Девочка отвечает:

— Попался мне навстречу мужичок, весь черненький и лошадка у него черненькая. Поравнялся со мной и спрашивает: «Куда идешь, девочка?» — «К Русе-Марусе!» — «Не ходи, девочка, она тебя съест!» А я сказала: «Нет, она мне бабушка!»

— Бай, бай, да не проговаривайся! — молвила Руся-Маруся. — Это моя темная ночь. А ты, девка, от меня далеко не уйдешь!

Девочка испугалась еще больше. А Руся-Маруся опять спрашивает:

— Расскажи, что еще видела?

— А еще попался мне навстречу мужичок, весь красненький и лошадка у него красненькая. Спрашивает: «Далеко ли идешь?» — «К Русе-Марусе!» — «Не ходи. Она тебя съест!» А я говорю: «Не съест, она мне бабушка!»

— Бай, бай, да не проговаривайся! — молвила Руся-Маруся. — Это мой красный день. Сказывай, что еще видела?

— Попался мне навстречу мужичок, сам весь беленький и лошадка у него беленькая. Спрашивает: «Куда идешь?» — «К Русе-Марусе!» — «Не ходи, она тебя съест!» — «Нет, говорю, не съест, она мне бабушка!»

— Вай, бай, да не проговаривайся! — молвила Руся-Маруся. — Это мой белый день. А я тебя, девка, съем!

— Бабушка, бабушка, а мне спать хочется!

— Ложись, внучка, а я пойду баньку истоплю.

Бура-Яга ушла баню топить.

Девочка заглянула в чулан, а там полным-полно людей.

— Скорее беги! — говорят они девочке. — А то Бура-Яга тебя уведет в баню и уж оттуда ни за что не выпустит.

Когда Бура-Яга из бани явилась, девочки уж и след простыл.

Пустилась за ней Бура-Яга. А ночь-то была темная. Бура-Яга с дороги сбилась и в колодец провалилась.

Прибежала девочка домой и обо всем рассказала своим старикам. Отправились они Буру-Ягу искать, да не нашли. Отворили чулан и говорят подневольным людям:

— Идите на все четыре стороны!

Вот тут-то и сказке конец, а делу венец!

ЛИСА, ВОЛК, МЕДВЕДЬ И ЗАЯЦ

Жил-был крестьянин со своей женой, и была у них девочка. Но вот пришло время, жена померла, а крестьянин на другой женился. А у другой жены тоже была дочка, только строптивая и ни с кем не ладила.

Мачеха возненавидела падчерицу и говорит мужу:

— Вези ее в лес на съедение волкам!

Погоревал старик, но делать было нечего. Запряг лошадь, собрал украдкой от жены сухарей в мешочек и повез свою дочку в дремучий лес. Оставил ее в избушке лесника, распрощался и уехал.

Девушка набрала сучьев, затопила печку, стала кашу варить. Сварила кашу, села у окошка, ест.

Мимо избенки бежит заяц, учуял запах каши, подбежал под окошечко, увидел девушку и говорит:

— Красна девица, пирожна мастерица, дай кашки на красной ложке!

Добрая девушка поддела полную ложку и подала зайцу. Заяц съел кашу и говорит:

— Спаси-и-и-бо, красна девица, пирожна мастерица, на кашке, на красной ложке. И я тебе пригожусь! — И убежал.

Бежит мимо лиса. Увидала девушку, просит:

— Красна девица, пирожна мастерица, дай кашки на красной ложке!

Девушка задела полную-полную ложку и подала лисе. Лиса съела кашку и говорит:

— Спаси-и-и-бо, красна девица, пирожна мастерица, на кашке, на красной ложке. Я тебе по времени пригожусь! — И убежала.

Бежит мимо избушки волк. Учужал запах каши, увидел девицу и тоже просит:

— Красна девица, пирожна мастерица, дай кашки на красной ложке!

Девушка задела кашки, сколько может поместиться в ложке, и подала волку.

Он съел и говорит:

— Спаси-и-и-бо, красна девица, пирожна мастерица, на кашке, на красной ложке! Я тебе по времечку сам пригожусь! — И убежал.

Время стало клониться к вечеру. Идет мимо избушки медведь. Учужал кашу, подбежал к окошечку, тоже говорит:

— Красна девица, пирожна мастерица, дай кашки на красной ложке!

Девушка задела, сколько в ложку положить можно, подала медведю. Тот съел кашу и говорит:

— Спаси-и-и-бо, красна девица, пирожна мастерица, на кашке, на красной ложке. Я тебе по времечку пригожусь! — И убежал.

А девушка поужинала, убрала избушку и легла спать.

Ночью собрались в лесу волк, медведь, лиса и заяц. Один другого спрашивает:

— Хороша девушка?

— Очень хороша!

Заяц говорит:

— Мне кашки дала!

И остальные все отвечают:

— И нам кашки дала!

Стали они совет держать, как отблагодарить девушку.

Лиса говорит:

— Ты, волк, иди к помещику, увези тарантас с упряжью. Ты, медведь, уведи из конюшни коней. Ты, заяц, унеси у помещика шубку, юбку с золотой мониской!¹ А я принесу сундук с добром!

Уговорились и разошлись.

Утром проснулась девушка. А под окошком звери. Лиса говорит:

— Не бойся, красна девица. За добро добром отплатим!

В это время дома мачеха говорит старику:

— Поезжай в лес за своей дочерью. Там от нее, наверно, остались одни косточки!

Старик запряг лошадь и отправился в лес.

Увидел старик — стоят около избушки кони, запряженные в тарантас. В тарантасе стоит сундук, на сундуке сидит старикова дочка в шубке, в юбке с золотой мониской.

Звери окружили подводу, и лиса сказала старику:

— Ты поезжай впереди, показывай дорогу к своему дому!

Старик поехал обратно на своей лошаденке, а за ним тройка, запряженная в барскую сбрую с колокольцами, с прозвонками. А звери следом идут.

В это время старуха блины пекла. Вот кочет на порог как вскочит, как закричит:

¹ Мониска — украшение: жемчуг и дорогие камни, пришитые на разноцветные ленточки, которые прикрепляются к кофтам, юбкам и пр.

— Кукка-рекуу! Дедкина дочка в шубке, в юбке, золотой мониске едет!

Старуха схватила ухват, побежала за петухом:

— Кыш ты! На блин да скажи, что дедкину дочку волки съели!

Петух съел блин и опять как на порог вскочит, как запоет:

— Кукка-рекуу! Дедкина дочка в шубке, в юбке, золотой мониске едет с колокольцами, с прозвонками!

Старуха бросилась с ухватом за петухом и услышала, что к дому подъезжает тройка.

Старик кричит:

— Старуха, отворяй ворота!

Старуха отворила ворота. Во двор въехал старик на своей лошади, а за ней — тройка. В тарантасе сидит девушка в шубке, в юбке, золотой мониске.

Старик с радости накормил зверей, напоил, в лес отпустил.

Прошел день-другой, соседи стали сватать старикову дочку. А старуха еще пуще на нее сердится, говорят:

— Проваливайте, проваливайте! Ей еще рано замуж идти!

А потом говорит старику:

— Теперь вези мою дочку на то же место!

Старик запряг лошадь, а старуха положила своей дочери мяса, крупы, муки. Увез старик ее в лес, оставил в избушке лесника и уехал.

Истопила девушка печку, сварила кашу, села у окошка, стала есть.

Бежит мимо избушки заяц, учуял кашу и стал просить:

— Красна девица, пирожна мастерица, дай кашки на красной ложке!

— Ах ты, зайчище, косые твои глазищи, пошел прочь! Мне и самой-то мало! — отвечает девушка.

Заяц покосился на нее и убежал.

Прибежала лиса и тоже с этим ушла.

Прибежал волк и тоже просит кашки на красной ложке.

— Пошел прочь, волчище, толстый твой лобище. Мне и самой мало! — отвечает девушка.

Волк покосился и тоже ушел.

Пришел медведь, стал под окошко и просит:

— Красна девица, пирожна мастерица, дай кашки на красной ложке!

— Поди прочь, медведище, здоровые твои лапищи! Мне и самой мало! — отвечает девушка.

Мишка ушел.

Пришла ночь, девушка дом заперла, спать легла.

Собрались звери в лесу, стали совет держать, как наказать скупую старухину дочку, и решили ее съесть. Забрались в избушку, девушку съели, кости положили в короб и ушли.

Наутро старуха говорит старику:

— Поезжай за моей дочерью. Она, наверно, скучает, нас поджидает да добро собирает!

Приехал старик к избушке, видит: двери раскрыты, окон нет, а в углу короб стоит. Положил его на телегу — домой везет.

В это время старуха блины печет, ждет дочку. А петух на порог как вскочит, как закричит:

— Ку-кка-рекуу! Старикову дочку женихи берут, а старухиной дочки в коробе косточки везут!

Старуха ухват схватила:

— Кыш ты! На блин! Да скажи, что мою дочку в злате-серебре везут!

А петух съел блин, опять вскочил на порог, кричит:

— Ку-ккаре-кууу! Старикову дочку женихи возьмут, а старухиной дочки в коробе косточки везут!

Старуха бросилась было за петухом, да тут старик приехал:

— Старуха, отвори ворота!

Отдал жене короб с косточками.

Старуха не стерпела и тут же померла. А старик в скором времени просватал свою дочку и сыграл свадьбу, на которой все звери были, мед-пиво пили.

Вот вам и сказка, а мне калачей связка. Мне меду горшок, а вам сказок мешок.

КОТ СЕМИХВОСТЫЙ

У одного крестьянина был презанятный кот о семи хвостах. Он ходил в сапогах, воду носил, рубил дрова и охотился на уток. Потом разленился, надоело ему в доме даже мышей ловить. А однажды стащил у хозяина сваренное мясо.

Хозяин посадил кота в мешок, отнес в глухой дремучий лес, вытряхнул из мешка, пригрозил палкой и ушел.

Кот побродил, побродил по лесу, набрел на избушку, а в ней лиса жила. Кот оцетинился, хвосты распушились, шерсть встала дыбом. Вышла лиса, увидала кота семихвостого, отскочила в сторону и говорит ласковым голосом:

— Здравствуй, Котофей Иваныч! Откуда пожаловал?

— Я кот в сапогах, имею семь хвостов и острые когти. Я прибыл из сибирских лесов. Хочу навести в вашем лесу порядок.

Лиса позвала кота в сапогах к себе в гости, угостила на славу и напросилась к нему в жены.

— Что ж, я не против! — ответил кот.

Пошла лиса приглашать зверей на свадьбу. Только вышла — встретила волка.

— Здравствуй, куманек! Я хочу пригласить тебя на свадьбу!

— А за кого ты замуж выходишь? — спросил волк.

— За кота в сапогах о семи хвостах. Зовут его Котофей Иваныч. Прибыл он из сибирских лесов, хочет в наших лесах навести порядок.

— Я пойти на вашу свадьбу не прочь, только сперва надо бы поглядеть на твоего Котофея Иваныча!

— Посмотреть на него можно, только на глаза ему не показывайся — сердитый очень! Я тебе, волченька, такой совет дам. Ты завтра притащи барана, положи перед моим крыльцом, а сам спрячься под грудку хвоста. Когда Котофей Иваныч будет кушать, ты поглядишь на него. А потом и придешь на нашу свадьбу.

Волк убежал искать барана. А в скором времени к избушке подошел медведь.

Лиса говорит:

— Куманек, куманек, прошу милости прибыть ко мне на свадьбу!

— А за кого ты замуж выходишь?

— За Котофея Иваныча в сапогах о семи хвостах. Прибыл из сибирских лесов. Хочет в нашем лесу порядок навести.

— Я не против прийти. Только сперва хотелось бы посмотреть на твоего Котофея Иваныча!

— Ну что же. Приходи хоть сегодня, хоть завтра, только он очень сердитый. Ты принеси ему бычка в подарок, положи около крыльца, а сам залезай на елку. Оттуда тебе моего жениха хорошо видно будет. Ты лазить по деревьям мастак, мне тебя не учить. Поглядишь на Котофея Иваныча и приходи на свадьбу. Второго приглашения не жди!

Медведь убежал искать бычка.

На другой день утром вышла лиса во двор, видит — подарки Котофею Иванычу лежат перед крыльцом. Лиса вернулась обратно в избушку, говорит своему жениху:

— Пойдем, прогуляемся.

Вышел Котофей Иваныч на крыльцо, распушил хвосты, повел усами, сразу мясо учуял. Вцепился в барана, замурыкал:

— Ма-алло, ма-алло, ма-алло!

Потом увидел быка и на него набросился. Лиса то-

же лакомится подарками Котофею Иванычу. А он опять кричит:

— Ма-алло, ма-алло, мало!

Глядит волк из-под хвоста на Котофея Иваныча, думает: «Вроде не велик семихвостый кот в сапогах, а до чего прожорливый!» И медведь с елки глядит на Котофея Иваныча и тоже думает: «Все ему мало да мало! Какой обжора!»

Тут волк завозился, хвост зашевелился, а Котофею Иванычу кажется, что там мыши возятся. Уж давно соскучился по мышам Котофей Иваныч. С быка соскочил, прыгнул на хвост и вцепился волку в нос. Волк подумал: «Ну и ко мне смерть пришла». И что было силы рванулся в сторону. А Котофей Иваныч сам испугался и бросился на ель, где медведь сидел.

Медведь не на шутку струсил, шлепнулся наземь. К нему подбежал волк и говорит:

— Вот что, куманек, давай удирать отсюда подобру-поздорову!

— Как бы нам не нажить беды! — согласился медведь.

И они убежали в лес.

Так вот и стал кот о семи хвостах в лесу верховодить.

КРЕСТЬЯНИН И МЕДВЕДЬ

В одной деревне жил крестьянин. Земли у него было мало. Нашел он в лесу уголок, какой не затопляло водой в весеннюю пору. Решил уголок расчистить, а на этом месте посеять репу.

Пришел на место, стал срубать деревья. Медведь услышал стук топора, вышел на порубу, спрашивает:

— Крестьянинушко, что ты тут делаешь?

— Сечу чищу. Хочу посеять репу.

— Возьми меня в товарищи.

— Я товарищам рад!

Крестьянин срубает деревья, а медведь таскает их в сторону и кладет в груды. Когда они сечу очистили, крестьянин приехал с плугом, землю вспахал и посеял репу. Репка уродилась на славу. Все лето ее стерег медведь. Не подпускал ни людей, ни зверей, даже птицам не позволял садиться.

Пришло время, крестьянин и медведь стали убирать урожай. Выдирают репу, обрезают, клубни кладут в одну груды, а ботву — в другую.

Крестьянин был хитрый, сразу смекнул, что медведь репы не пробовал:

— Ну, давай, Мишенька, я возьму корешки, а ты возьми верхки.

Медведь обрадовался, начал таскать ботву в берлогу. А крестьянин собирает репу на телегу и возит домой.

Зиму перезимовали. Крестьянин жил припеваючи.

И медведь не жаловался, сосал лапу, мягко ему было лежать на ботве. Но вот началась весна, в берлогу пришла вода, ботва стала преть. Медведь выбросил ее и решил не появляться в берлоге, пока там сыро. А в это время крестьянину нечем стало печку топить. Вот он собирается за дровами и говорит жене:

— Хозяйка, наклади-ка мне репки. Наверно медведя встречу, так угощу его!

Жена напарила в чугуне репы, положила ее в кошель. Крестьянин этот кошель взял, запряг лошадь, приехал на свою чищобу¹, накладывает на телегу дрова. К нему подходит медведь и спрашивает:

— Крестьянинушко, чего ты тут делаешь?

— Да вот, печку топить нечем, дрова понадобились!

— Ну, а какова у тебя новинка-то?

Крестьянин открыл кошель, подает медведю репы:

— Попробуй, сам узнаешь, какая моя новинка!

Медведь съел репу и говорит:

— У тебя новинка-то хороша, сама во рту тает.

А моя никуда не годится. Вся сопрела. Я ее выбросил.

— Ты, Мишенька, видно, не умеешь ее беречь!

— Нет, крестьянинушко, ты меня обманул!

— Тогда, Мишенька, вот что! Давай посеем пшеницу! Ты возьмешь корешки, а я возьму верхки.

Медведь обрадовался. Посеяли пшеницу. Она росла хорошо. Ее все лето медведь сторожил. Никого не подпуская близко — ни людей, ни зверей. Даже птицам не давал садиться.

Когда созрела пшеница, крестьянин берет себе верхки, жнет, вяжет снопы, а медведь дерет жнив и таскает к себе в берлогу. Каждому работы хватает. Крестьянин снопы перевозил в гумно, обмолотил, зерно провеял, намолот муки и зиму спокойно поживает со своей женой. Медведь зимой сосал лапу, тепло и мягко было ему. А весной опять пришла вода, в берлоге

¹ Чищоба — место, где лес вырублен и выкорчеван под посев.

образовалась топь, жнива сопрела. Медведь решил не появляться в берлоге, пока там сыро. А у крестьянина опять нечем топить печку, стал собираться на чищобу, говорит жене:

— Испеки-ка лепешечек, увижу медведя, так угощу его!

Жена напекла лепешечек, поклала в кошель. Крестьянин взял этот кошель, поехал. Приехал в чищобу, начал накладывать дрова. Появился медведь и говорит:

— Здорово, крестьянинушко!

— Здорово, Мишенька!

— А скажи, какова у тебя новинка-то? У меня плохая — навоз навозом!

— Да ты, Мишенька, не умеешь ее беречь!

Крестьянин достал кошель, вынул оттуда лепешек, дает медведю.

Медведь поел лепешек и говорит:

— А ты меня, крестьянинушко, второй раз обманул. Я тебя съем.

— Ну что же, Мишенька? Давай накладем воз дров, увяжем их, выведем лошадь на дорогу. Я ее пушу одну домой. А ты меня уж и съешь!

А в это время их разговор подслушала лиса и задумала выручить крестьянина из беды. Вот крестьянин и медведь наложили на телегу дров, увязали их, лошадь пустили вперед, а сами пешком идут. Дорога сырая, кое-где еще не растаял снежок.

А лиса забежала вперед и кричит:

— Гай, гай, государевы охотнички ходят, бьют волков и медведей!

Потом обежала кругом и опять кричит:

— Эй, эй, государевы охотнички идут, бьют волков и медведей!

Медведь спрашивает:

— Что это матка лиса кричит?

— Она говорит — государевы охотнички ходят, бьют волков и медведей!

Медведь испугался и говорит:

— Крестьянинушко! Свали дрова-то, положи меня на телегу да увези подальше в лес, чтобы моих следов охотнички не заметили!

Крестьянин развязал веревки, столкнул дрова, навалил медведя и поехал обратно в лес. Недалеко отъехали от дороги, как их опять догоняет лиса:

— Мир дорогой, крестьянинушко.

— Добро пожаловать, матка лиса!

— Что ты везешь?

— Колоду.

— Э-э-э, крестьянинушко! Неправда твоя. Кабы колода была, она бы привязана была!

Лиса убежала, а медведь говорит:

— Крестьянинушко! Увяжи-ка меня тихонько, чтобы никто не заметил.

Крестьянин прикрутил медведя веревкой к телеге, а лиса снова догоняет:

— Мир дорогой, крестьянинушко!

— Добро пожаловать, матка лиса!

— А чего везешь?

— Колоду, матка лиса!

— Эх, крестьянинушко! Неправда твоя. Кабы колода была, так в ней бы и топор торчал. — Лиса убежала, а медведь говорит:

— Крестьянинушко! Воткни-ка рядом со мной топор тихонько, чтобы никто не заметил. А я притворюсь мертвым.

Крестьянин так и сделал. Медведь притворился мертвым.

Лиса догнала крестьянина и говорит:

— Мир дорогой, крестьянинушко!

— Добро пожаловать, матка лиса!

— Ну вот, я тебя и спасла. Ты меня должен отблагодарить за это.

— Ну что же, матка лиса. Поедем со мной, до дому. Есть у меня курочки жирные, пестренькие. Они тот год вовсе яиц не клали. Так и быть, Я их тебе подарю.

Лиса согласилась поехать за курочками. Запрыгнула на телегу, прижалась к медведю, лежит. А вот и деревня показалась. Крестьянин жил на самом краю. Остановился около своего гумна и говорит лисе:

— На улицу тебе выходить нельзя. Тебя, пожалуй, собаки заедят. Давай сделаем так: я приотворю дверку, оставлю для тебя щелку, ты проберешься на гумно, зароешься в сенной омет. Я тебя долго не заставлю ждать. Сейчас приеду к своему дому, распрягу лошадь и принесу курочек.

Так они и решили.

А крестьянин хитрый, курочек пожалел. На дворе у него была большая пестрая собака. Он ее отвязал, посадил в мешок, донес до гумна, спрашивает:

— Матка лиса, сидишь?

— Сижу, крестьянинушко!

— Ну вот, я тебе и принес курочек!

А сам отворил дверку, вытряхнул из мешка собаку, прокричал: «Лю, лю, лю! Возы, возы!» — и пошел домой. Лиса кричит:

— Ах ты, такой-сякой, намазанный, сухой! Я тебя спасла, а ты меня хочешь собакой затравить!

Собака увидела лису и давай за ней гоняться. Еле-еле лиса нашла щелку, изловчилась, выскочила из гумна и побежала в лес. А собака за ней. Лиса спряталась в дупло и глядит вниз. Собака крутится вокруг дерева, а лису не видит. Задумала лиса подразнить собаку. Высунулась, хвостом мотает, кричит:

— Возы, возы! Все одно меня не достанешь!

А собака присела на задние лапы, прыгнула, схватила лису и принесла хозяину. Он очень доволен: и медведя и лису обманул. Только напрасно хитрый радовался. Пока он привязывал собаку на цепь, лиса выскочила со двора и убежала. А тут и Мишка разгрыз

на себе веревки, спрыгнул с телеги и говорит крестьянину:

— Если бы я знал, что ты обманщик, ни за что бы не стал проситься к тебе в товарищи!

Отвернулся и пошагал к своей берлоге.

— Ах, ах! Вот я и остался в дураках, — загоревал крестьянин. — Не надо было мне кумушку и куманьку обманывать!

ИВАНУШКА-ПРОКАТИСЬ ГОРОШИНКА

Пошла вдова по воду. Видит — через дорогу горошина катится. Подняла ее и проглотила. А через положенное время родила сына и назвала его Иванушка-прокатись горошинка.

С годами сын возмужал, и ему захотелось показать свою удаль и смелость.

А в это время в том государстве случилась большая беда: пропали у царя три дочери. Царь объявил:

— Кто отыщет их, тому все царство отдам!

— Я пойду искать царских дочерей! — сказал Иванушка своей матери. Она сначала отговаривала его, а потом отпустила.

Шел день, другой, неделю, другую шел. Нагоняет его незнакомый мужичок, спрашивает:

— Куда, милый человек, путь держишь?

— А ты кто такой? — спрашивает Иванушка.

— Я Маши-дорога! — отвечает мужичок. — Возьми меня с собой, может быть, пригожусь!

— Ну, идем!

Идут день, другой, неделю, другую. Нагоняет их второй мужичок и тоже просится:

— Иванушка-прокатись горошинка, возьми меня с собой!

— А кто ты такой?

— Я Спихни-гора. Может, пригожусь!

— Ну, идем!

Через несколько дней под вечер подошли к дремучему лесу. Иванушка говорит:

— Эй, Маша-дорога! Пришло время лес валить. Это, брат, твоя работа!

Мужичок руками машет — лес по обе стороны валится. Сели на поваленные деревья, отдохнули, поели и дальше пошли, по готовой дорожке. Идут день, другой, на третий день им дорогу загородила высокая крутая гора.

— Эй, Спихни-гора! Нелегко подниматься в гору. Надо ее убрать! Это, брат, твоя работа!

Спихни-гора присел на колени и с такой силой толкнул гору, что она укатилась неизвестно куда.

Видят: в поле сарай стоит. Вошли. На перекладинах сушатся шкуры телячьи, а посреди сарая — колодец. Напиться бы надо, да воды достать нечем. На земле стояли бочки с водой. Мужики напились и легли отдохнуть. Только один Иванушка не спал.

День стал клониться к ночи. Вдруг слышит Иванушка: кто-то свистит и хлопает кнутом. Это пастушок — старичок с ноготок, борода с локоток — пригнал стадо молодых бычков.

Увидал старичок непрошенных гостей, рассердился и поднял на Иванушку кнут.

— Ах, вот ты на что горазд! — в сердцах воскликнул Иванушка, схватил старичка, подтащил к чурбану и заклинил бороду.

Старичок с ноготок, борода с локоток испугался, спрашивает:

— Как же я теперь буду бычков пасти?

Иванушка-прокатись горошинка отвечает:

— До тех пор не отпущу, пока не скажешь, где находятся царские дочери!

— Сейчас они в подземелье, и туда можно попасть только через колодец. Колодец этот пустой и глубокий.

Иванушка-прокатись горошинка отпустил старика. А мужичкам приказал снять с перекладки сарая шкуры, нарезать ремней и сшить их покрепче. Потом он прикрепил к нижнему ремню сиденье, устроился на нем и говорит:

— Теперь спускайте меня в подземелье. А сами дождитесь, когда вернусь!

Маши-дорога и Спихни-гора так и сделали.

В подземелье было темно. Лишь в одной стороне мерцал огонек. Шел Иванушка на этот огонек день, другой, а на третий день пришел к дому. Видит: дом оловянный. Выходит из него старшая царская дочка и говорит:

— Я рада тебе, Иванушка-прокатись горошинка. Только ты скорее уходи, а то прилетит змей, и нам плохо будет!

— Мы должны уйти отсюда живы и невредимы. И ты мне помоги.

Старшая царева дочка три раза махнула платочком, и Иванушка превратился в булавочку. Она приколола ее к сарафану. Прилетел змей, повел носом и говорит:

— Эх, как здесь русским духом пахнет!

— Это тебе так кажется, — отвечает пленница. — Поешь да отдохни!

Змей наелся, уснул. Пленница махнула три раза платочком и отстегнула булавочку. Из булавочки вырос Иванушка-прокатись горошинка и одним взмахом меча отсек змею голову.

— А теперь скажи, где находится твоя средняя сестра? — спрашивает Иванушка.

— Иди вон в ту сторону! — указала она ему дорогу по подземелью.

Долго шел Иванушка. Вдруг видит: серебряный домик. Выходит из него средняя царская дочка:

— Я рада тебе, Иванушка-прокатись горошинка!

Только ты уходи скорее, а то прилетит трехглавый змей, и нам плохо будет.

— Мы должны уйти отсюда живы и невредимы. И ты мне помоги, как можешь!

— Сейчас я тебя превращу в иголочку и воткну в клубочек. — Только это сделала, прилетел трехглавый змей, повел носом, говорит:

— Эх, как здесь русским духом пахнет!

— Ах, полно! — отвечает пленница. — Это тебе с устатку так показалось. Поешь и отдохни!

Трехглавый змей наелся и уснул. Она махнула платочком, вынула из клубочка иголочку. Из иголки вырос Иванушка и одним взмахом меча отсек змею все три головы.

— А теперь скажи, как мне найти твою младшую сестру, — спрашивает Иванушка.

— Вот тебе мой клубочек, брось его на землю, куда покатится, туда и иди!

Долго шел Иванушка за клубочком по подземелью. Вдруг видит: золотой домик. Выходит из этого домика младшая царская дочка, самая красивая из всех. Бросилась она к Иванушке на шею и просит его уйти.

— Скоро прилетит шестиглавыи змей, и нам плохо будет!

Иванушка отвечает:

— Мы с тобой должны уйти отсюда живы и невредимы. Можешь ли ты мне помочь?

— Я тебя превращу в гребешок!

Царская дочка три раза махнула платочком и превратила Иванушку в гребешок. Воткнула его в волосы и говорит:

— В правом крыле у шестиглавого змея есть перо. Ты его сразу заметишь: оно шевелится, как живое, даже когда он спит. Ты это перо выдерни, а потом отсечешь три головы. Змей бросится в подвал, где стоят бочки с пивом. Справа — бочка с сильным пивом, слева — с бессильным. Ты перекинь эти бочки с места

на место. Змей напьется бессильного пива, а ты напейся сильного. И тогда уж тебе ничего не страшно!

Появился шестиглавый змей и говорит:

— Эх, как здесь русским духом пахнет!

— Полно, — отвечает царская дочка. — Это тебе так с устатку кажется. Поешь и отдохни!

Шестиглавый змей наелся и крепко уснул. Младшая царская дочка махнула три раза платочком и вынула из волос гребешок. Вырос из него Иванушка. Он выдернул из правого крыла у змея живое перо, одним взмахом меча отсек три головы. Побежал в подвал и переставил с места на место бочки с пивом.

Почувствовав слабость, змей бросился в подвал, напился бессильного пива и вовсе ослаб. Иванушка-прокатись горошинка напился сильного пива, отсек змею еще три головы. Выходит к красавице и говорит:

— Теперь нам пора выбираться из подземелья!

Красавица из всех красавиц махнула платочком — и золотой домик обратился в золотое яичко. Она завернула его в платочек, отдала Иванушке. И они пошли к средней сестре. Вторая красавица махнула платочком — и серебряный домик превратился в серебряное яичко. Завернула его в платочек, отдала Иванушке, и они пошли к старшей сестре. Третья красавица махнула платочком — и оловянный домик превратился в оловянное яичко. Она завернула его в платочек и отдала Иванушке.

Пришли к колодцу.

Иванушка-прокатись горошинка кричит Спихни-горе и Маши-дороге: — Опускайте чалку!

Мужики опустили ремни, подняли на них из колодца двух пленниц одну за другой. Подивились их красоте и заспорили, кому какую в жены взять. Они спорят, а Иванушка-прокатись горошинка снова кричит: — Опускайте чалку!

Третью пленницу подняли мужички и еще пуще заспорили, кому какую взять в жены. Спорили, спори-

ли да и увели за собой всех красавиц, а Иванушку в колодеце оставили.

Ходил, ходил опечаленный Иванушка-прокатись горошинка по подземелью. Вдруг видит: громадное дерево. Взобрался на макушку, а там — гнездо, и в нем птенцы неоперившиеся. Прилетел коршун и хотел птенцов унести. Иванушка-прокатись горошинка прогнал коршуна.

Вскоре к птенцам прилетела их мать — Жар-птица. Она стала жечь Иванушку своими горячими перьями. Птенцы запищали, не велели матери жечь Иванушку. Жар-птица узнала, что он спас ее детей от смерти, спросила, чей он и откуда и как попал в подземелье.

Иванушка-прокатись горошинка рассказал о своей горе.

— Не печалься, я тебе помогу. Слезай с дерева и иди по прямой дорожке. Эта дорожка далекая, и она приведет тебя в поле. В этом поле стоят две бочки с мясом по сорок ведер каждая. Придешь к этому месту — я тебе скажу, что надо делать.

Когда Иванушка-прокатись горошинка очутился в поле и подошел к бочкам с мясом, прилетела Жар-птица и говорит:

— Ставь на мои крылья бочки и сам садись между ними. Лететь далеко. Когда я устану, ты меня будешь кормить. В правую сторону поверну голову, давай мне мясо из правой бочки, в левую поверну — из левой бочки мясо давай!

Летел Иванушка на крыльях Жар-птицы. Когда она уставала, то вправо, то влево поворачивала голову, и Иванушка-прокатись горошинка кормил Жар-птицу мясом.

Долго ли, коротко ли, низко ли, высоко ли летел Иванушка — никто не помнит. Только мясо в бочках все вышло, и Жар-птица стала опускаться на землю.

Иванушка с крыльев Жар-птицы слез. Голова кру-

жится, и ноги на земле не держат. Насилу пришел в себя.

— Ты сам во всем виноват! — говорит Жар-птица. — Когда бочки стали пустыми, надо было их сбросить, а ты не догадывался. Тебя одного-то мне было бы легко нести!

Иванушка-прокатись горошинка поклонился в пояс всеильной Жар-птице и пошел домой.

Матери и в живых уже не было. Знакомые люди рассказывали Иванушке-прокатись горошинка, что царь решил выдать двух старших дочерей замуж: одну за Машин-дорогу, другую — за Спихни-гору. И каждому зятю отдает полцарства.

Перед свадьбой невесты приказали своим женихам принести им туфельки не шиты, не кроены. Никто не знал, где такие туфельки можно взять.

Тогда Иванушка-прокатись горошинка достал три ящичка, помахал платочком — и перед ним встали три домика: оловянный, серебряный и золотой. А в каждом домике было по туфелькам не шитым, не кроеным. Пошел он их на базар и запросил такую цену, что купить их могли только царские дочери. Они узнали Иванушку, привели к себе домой и обо всем рассказали отцу.

Царь разгневался на Машин-дорогу и Спихни-гору и свое решение выдать за них своих старших дочерей отменил. А младшую дочь выдал за Иванушку-прокатись горошинка и отдал ему все царство.

Паталья СУЗДАЛЬЦЕВА

Сказки старого Мурома

ЖАДНЫЙ ПОП

Жили поп с попадьею, и был у них работник Иван. Вот задумал поп заставить батрака работать бесплатно. Заключение они между собой договорили. В случае, если который-нибудь из них осердится на другого, тот должен уплатить пятьдесят рублей. Вот и стал поп вынуждать работника, чтобы он на него озлился и поработал бесплатно.

Настал сенокос. Поп с Иваном пошли косить, как и все односельчане, а поест с собой не взяли. Докосили до полдня. Стали люди садиться полудневать. Видит поп, что все за еду принялись, и говорит: «Давай, Иван, посидим, отдохнем». Люди поели, опять стали косить. Поп говорит: «Вставай, Иван, будто бы поели и мы», — и сам пошел косить первым.

Работник, не будь упрям, пошел, а сам вывязал кошу и давай косить пустым окосьем, и кричит попу: «Хозяин, пятки береги, а не то срежу». Оглянулся поп, увидел, что работник попусту машет: «Ты что, Иван, делаешь?» А Иван отвечает: «Ладно, батюшка, как будто бы кошу».

Невыгодно вид показывать, что осерчал, поп и говорит: «Пошли домой». Пришли — он и спрашивает: «Ты что, Иван, или сердиться на меня?» — «Нет, батюшка, что мне на тебя сердиться».

На другой день послал поп работника в лес за дровами. Лес далеко был, вряд ли и к вечеру вернутся, а поесть опять не дал, думал, работник придет из лесу голодный и рассердится. Поехал Иван за дровами через соседнюю деревню, которая должна была попу за молебн. Приехал и прямо к старосте: «Батюшка, слышь, мне велел долг привезти».

Отдал староста Ивану что причитается, накормил да еще на дорогу лепешек дал.

Нарочно поздно-напоздно вернулся работник из лесу. Спрашивает поп: «Что так долго?» — «Ты сам, батюшка, знаешь — оголодал, обессилел, потому и долго». — «Ты что, работничек, аль сердишься?» — «Нет, батюшка, что мне на тебя сердиться, все хорошо».

Живут дальше.

В базарный день поехали поп с попадьею на базар и приказали Ивану делать все, что в соседях делать будут.

Видит Иван — напротив дом ломают, давай и сам крышу ломать на поповском доме. Возвращается поп да так и ахнул: «Что ты наделал, нехристы!» А Иван говорит: «Сами, батюшка, приказали делать все, что люди будут, — ну я и начал ломать. А что, батюшка, али осерчал?» — «Нет, — говорит поп, — что мне на тебя сердиться».

Починили крышу. Живут дальше. Решил поп куда-то не уезжать. Меньше разговора будет. Настало воскресенье, пошел хозяин обедню служить, и матушка с ним, и наказали Ивану замесить опару, пока хозяйка в церкви.

Высыпал Иван всю муку, что была у попа, в колодец, да еще у соседей занял мешка три, а муки все мало. Приходит поп от обедни, спрашивает: «Ну что, тесто замесил, хорошо подходит?» — «Нет, батюшка, ничего не вышло, всю муку высыпал и у шабров занял, а теста все нет», — и указал попу на колодец. Ужаснулся поп, не вытерпел, забыл весь уговор, набросился

на Ивана, а Иван спокойно говорит: «Что ты, батюшка, али осерчал?» — «Как же мне на тебя не злиться, ведь ты меня в разор разорил, окаянный».

Работник только этого и ждал. Взял выпоренные деньги и ушел в город на заработки.

МЛАДШИЙ БРАТ, БОГАТЫРЬ МУРОМСКИЙ

На краю леса дремучего Муромского стояла крепкая изба, и жила в ней семья старого богатыря. Было у него три сына, и все силу имели непомерную, никто в кулачный бой с ними не шел, всех они на лопатки клали, а сами победителями выходили. Гордился старик сыновьями, все три один другого краше, что силой, что красотой взяли.

И вот повадился на их родину Змей летать и девушек утаскивать в свое царство змеиное. Всех перетаскал, дошла очередь до царской дочери. Прослышал царь, что под Муромом живет старый богатырь с тремя сыновьями. Вызывает царь старшего сына и говорит:

— Завтра, как солнце встанет, прилетит Змей за моей старшей дочкой. Отобьешь ее от Горыныча, женю тебя на ней.

Попросил старший у отца коня сильного, булаву богатырскую. Поклонился родителям и выехал из дома родительского.

Едет лесом, попадаетея ему навстречу старуха.

— Здравствуй, добрый молодец! Далеко ли путь держишь?

— Да хочу со Змеем Горынычем силой померяться, а то он всех девушек перетаскал, всех поел.

— Доброе дело молодец задумал, заходи в мою избушку, подкрепишься и дальше поедешь.

— Спасибо, бабушка, на добром слове!

Напоила его старуха, накормила и спать уложила. А когда молодец заснул богатырским сном, хлестнула шелковой плеточкой. Превратила богатыря и коня в камни. Один камень большой, а другой — чуть поменьше.

Ждали, ждали его дома, а все нет да нет. Стал второй брат проситься в путь разыскивать брата, померяться силой со Змеем. Едет день, едет другой, на третий день попадаетея ему старуха.

— Далеко ли путь держишь?

— Да хочу со Змеем Горынычем силой померяться! Родные места спасти от напастей.

— Доброе дело, молодец, задумал! Заходи в мою избушку, подкрепишься, с новой силой дальше поедешь.

— Спасибо, бабушка, на добром слове.

Напоила его старуха, накормила и спать уложила. Коню овса дала, а когда молодец заснул крепким сном, хлестнула шелковой плеточкой и превратила второго брата и его коня в камни.

Много ли, мало ли времени прошло — стал младший брат проситься у отца: «Отпусти, батюшка, братьев найду да со Змеем Горынычем сражусь».

Отпустил его отец. Поехал младший брат и взял с собой собаку. Едет день, едет другой. Навстречу ему медведь; натянул молодец лук, хотел выстрелить. Взмолился медведь человеческим голосом:

— Не убивай меня, богатырь, я тебе пригожусь! Возьми меня с собой!

Поехали дальше с собакой и медведем. Вдруг слышит, сороки затрещали, заяц пробежал испуганный, а за ним выскочил волк. Вскинул богатырь лук, хотел в волка выстрелить. Взмолился волк человеческим голосом:

— Не убивай меня, богатырь, я тебе пригожусь!

Поехали дальше богатырь, собака, медведь и волк. Долго ли, коротко ли ехали, только приехали к могучей реке. И видит молодец, сидит на берегу красавица

и горько плачет. Спрашивает богатырь девушку:

— Что ты, красавица, плачешь? О чем слезы льешь?

— Как же мне не плакать? Должен меня Змей проглотить!

— Не плачь, красавица царевна, выручу! Вот посплю немного, а как река заволнуется, гуси серые подымутся, ты меня и буди.

Заснул богатырь. Сидит девушка, плачет. Вдруг черная туча небо закрыла, заволновалась река, гуси серые пролетели. Жаль ей молодца, капнула слеза горючая на щеку богатырскую. Проснулся молодец, видит, из воды выходит Змей.

Зарыкал Змей страшным голосом:

— Пахнет людским духом! Съем обоих!

— А ну попробуй, не подавился бы!

Поднялся Змей высоко и жаром дышит, норовит богатыря с коня сбросить. Изловчился богатырь и двенадцатипудовой палицей сшиб Змея. Изрубил на мелкие куски и велел своим зверям-помощникам спустить змеиное мясо в синие волны.

Царская дочь извлекла из косы ленточку белую и повязала на шею собаке. Обрадовалась собака, а медведь с волком обиделись.

Идет домой красавица, а навстречу ей царева защита — кривой барин. Приставил меч к груди девушки и говорит:

— Сказывай батюшке, что я тебя от Змея отбил!

А богатырь тем временем ушел на постоянный двор сил понабраться, щей мясных поесть. Поел он, поставил палицу и говорит хозяину:

— Разбуди меня на утренней зорьке, урони мою палицу, я и проснусь.

А кривой барин в это время пирует с царем.

На следующий день рано утром ведет царь вторую дочь к реке. Села девушка на бережок, плачет, слезы так и льет.

Урони хозяин постоянного двора палицу. Проснулся богатырь и заторопился к реке, видит, сидит девушка у реки, плачет.

— Что ты плачешь, девушка? О чем слезы льешь?

— А как же мне не плакать?! Должен съесть меня Змей лютей! Сестру кривой барин спас, а меня не знаю, кто спасет!

Вдруг волны вздулись и вылетел из воды Змей о шести головах. Махнул богатырь палицей — сшиб три головы, махнул второй раз — еще сшиб три головы. Изрубил Змея и велел своим зверям-помощникам перетаскать куски в реку.

Выплела царевна из косы красную ленточку и повязала на шею волку. Обиделся медведь, что опять его обошли.

Пошла девушка домой веселая, а навстречу ей кривой барин.

— Сказывай, что я спас, не то убью!

А богатырь тем временем пошел на постоянный двор щей мясных поесть да пирогов пшеничных. Только поел, как все небо тучи черные обложили. Ведет царь к реке третью дочь. Плачет младшая царева дочка, слезами обливается. Поспешил богатырь к ней, говорит:

— Не плачь, царевна!

А сам на реку смотрит. Дал царевне лопатку.

— Если конь мой во время боя по колено в землю уйдет, отрой его три раза, а я с коня не сойду.

Только сказал, вздулись волны, и выходит из воды Змей о двенадцати головах. Взвился высоко Змей и хочет богатыря с коня свалить. Развернулся Змей и ударил хвостом лошадь богатырскую сзади. Ушел конь задними ногами в землю. Подбежала красавица, обрыла коня три раза. Встрепенулся конь и освободил ноги.

Изловчился богатырь, ударил змея палицей — отлетело три головы, ударил еще — отлетело пять голов. Еще извивается Змей, хочет пламенем опалить глаза

молодцу. Вот-вот спалит Змей богатыря. Бьются не на жизнь, а на смерть.

Увернулся богатырь и снес Змее последние четыре головы. Рассеялись черные тучи. Выглянуло солнце, осветило землю. Изрубил богатырь тушу, звери-помощники в реку перетаскали. Извлекла царевна из косы голубую ленточку, повязала ею медведя. Обрадовался медведь, кивает головой благодарно.

Идет младшая царевна домой, а навстречу ей кривой барин.

— Сказывай, что я спас, а не то убью!

А тем временем поехал богатырь на постоянный двор и попросил у хозяина три чашки — белую, красную и голубую. Отдал молодец чашки зверям, грамоту написал, велел отнести царю во дворец.

Сидят царь и кривой барин, пируют, а царевны плачут, не придумают, как им правду рассказать. Вдруг в самый разгар пира во дворец пожаловали собака, волк и медведь. Кладут они к ногам царя три чашки и грамоту. Обрадовались сестры и рассказали отцу, как было дело.

Послал царь за богатырем карету золоченую со слугами. Только не сел в нее молодец, а сел на своего верного коня и поехал во дворец. Как увидел кривой барин богатыря, испугался, хотел убежать, да не тут-то было. Схватил богатырь барина за шиворот да и вышвырнул из дворца. Так пропала царева защита.

Царь отдает богатырю полцарства, а тот не берет.

— Не надо мне царства твоего, — говорит, — отдай за меня младшую дочь!

Отпраздновали свадьбу. Посадил он красавицу жену на коня и поехал домой. Едут день, едут другой. Попадает им в лесу лачуга, выходит из нее старуха и говорит: «Здравствуй, добрый молодец, давно я тебя жду, на вот шелковую плеточку, ударь ею жену да себя, еще сильнее, еще красивее будете».

«Что-то тут не так, — думает богатырь. — Надобно

проверить». Взял он у старухи плеточку и легонько хлестнул старуху. Она тут же превратилась в старый корявый пенек.

Вышла из лачуги девушка, дочь колдуньи, богатырь и спрашивает ее:

— Скажи, куда старуха моих братьев дела?

— А ты, добрый молодец, хлестни этой же плеточкой камни, что перед тобой лежат.

Так и сделал богатырь. Хлестнул он сперва два больших камня — встали братья, хлестнул малые камни — встали кони.

— Ох, как долго мы спали! — потянулись братья.

Рассказал богатырь братьям, как со Змеем боролся, как девушек спас, как кривой барин царя обманул.

Слушали братья, дивились удальству младшего. Потом сели на коней и поехали к родному отцу, к родной матушке.

С той поры на земле русской солнце ясное светит, девушки хоромы водят, песни поют, а в песнях прославляют силу молодецкую богатырей муромских.

СЧАСТЬЕ

Жила-была в селе на крутом окском берегу, со старушкой матерью, веселая девушка Паша. Хорошо жили они, друг в дружке души не чаяли. В горенке чисто, тепло и уютно было, на окнах цветы круглый год цвели, взор радовали. Ни в чем они особенно не нуждались. На столе белые пироги с изюмом, пряники и всякие яства не переводились.

И сердцем Паша добрая была и работающая. Все село любило ее. В одном лишь ей не повезло: не взял милый замуж. Красотой, вишь, не вышла она. И что парню нужно было? И русая коса до колен, и песни поет так, что все отдашь, все забудешь. Однако же не взял. Не чаяла Паша, как переживет свое горе. Хлеб

душистый с медом в горле застревал, яблоки наливные не елись. И слышали соседи ее грустные песни, которые она пела на берегу крутом, с работы идучи.

Текла ее жизнь тихо и мирно.

Однажды летним днем погожим, когда облака кружевные плыли по небу, а поля пшеничные да овсяные наливались, луга приокские цветным ковром покрывались, выскочил из темной пещеры своей Кощей. Страшнющий, глазницами своими впалыми ворочает, ручищами длинными костлявыми машет, рот, как у змеи подколотной, раскрыт, зубами щелкает. Выскочил и выпустил из пещеры на землю русскую верную свою подругу — войну. Нагрянула она неожиданно-негаданно и разогнала своих главных помощников гулять по стране: смерть-старуху с косой, разбойников с больших дорог, детоубийц, пожар да черных воронов.

Загорелись села русские, послышались стоны воинов, раненых, плач девиц, уведенных в плен, слезы детей малолетних.

Вырастали могилы на кладбищах, разрушались села деревянные, города белокаменные. И встало войско русское на защиту своей земли родной. Пошел в войско и Пашин возлюбленный, Дмитрий. Ушел, не простившись с ней. Видела она, как он шел по пыльной дороге, но не окликнула, не заплакала, только комок стоял в горле, мешал дышать. Знала, что будет биться Дмитрий за их село Карачарово, за гладь Оки, за ширь лугов раздольных.

Не смела Паша своей тоской поделиться с матерью, не хотела душу перед ней раскрыть. Пришла она к старой тетке, что на краю села жила. Выплакала на груди старушки горе горькое, тоску свою и говорит:

— Не могу больше жить так. Кругом слезы, стоны. Тоска по Дмитрию душу раздирает. Как жить дальше? Научи меня, тетушка!

Утешила ее старушка:

— Пашутка, не плачь, слезами горю не поможешь,

а что я тебе скажу, так слушай: станет Кощей к тебе всякую нечисть подсылать, не обольщайся. Пуще прежнего в работе старайся, ведь работа воинам хлеб дает, обувь и одежду. А насчет Дмитрия не печалься: смелым будет — придет домой с победой, а вот если ты будешь слезы лить, да он по кустам хорониться — найдет его вражеская стрела. Не видать тебе пока его кудрей русых и серых глаз. Дам я тебе зеркальце, береги его пуще ока. Досталось оно мне от моей бабушки. Не простое оно: как захочешь дружка увидеть, поверни его на солнышко и три раза скажи: «Солнышко-ведрышко, сослужи мне службу, покажи мне милого, а если он в беде, выручи его из беды неминуемой погибельной», — и зеркало на врага злого наведи. Покажет тебе зеркало зазнобу, не вздумай крикнуть, а то пропадет его облик, и ему плохо будет.

Поблагодарила Пашутка тетушку и пошла домой. Работает день, другой. Раз приходит к ней в ясный

день девушка нарядная и зовет погулять в лес. Вспомнила Паша слова тетушкины и отказалась.

Побежала в чулан посмотреть, что милый делает. Вынула из сундука зеркальце, посмотрела да чуть с испугу его не выронила.

Видит — стоит Дмитрий на опушке леса за кустами, из лука целится, а на него сила несметная наступает. По ноге кровь течет, а стрел в колчане вовсе мало осталось. Чужеземцы совсем его к опушке прижали. «Милый, надейся на меня, — шепчут губы Пашуткины, — я на них зеркальце наведу, самого главного от тебя отводить буду, и как только он зажмурит глаза, стреляй в него».

Наводит Паша зеркальце на бегущего врага и видит: солнышко глаза ему слепит и сворачивает он прямо на кусты, как слепой. Тут Митя собрался с силой и выпустил последнюю стрелу.

Упал он тогда на траву и заснул богатырским сном. И видит он во сне Пашу, тихий уголок в конце улицы, где встречались, Оку серебристую, родные поля. Дрогнуло сердце воина. А Паша от великой радости, что Митя жив остался, пуще прежнего в работе старалась, в косьбе и в жнивье первой стала.

Много ли, мало ли времени прошло — долгожданной весной черемуха зацвела, луга зеленым бархатом оделись, белоногие березки ветви раскинули. Прогнали русские воины врага со своей земли и в других землях за морями, океанами детей, женщин и стариков от Кощея спасли. Настал на всей земле русской праздник небывалый.

Радовалась Паша — остался жив ее милый, солнышко ясное, луч жизни ее. Вернулся он в большой сельский праздник, когда девушки хоромы завели и костры зажгли.

Подошел Митя к Паше и говорит:

— Паша, помнишь меня, не забыла? Винюсь перед тобой...

А она от радости слов не находит, земли под собой не чувствует.

— Что ты, Митюша! — смогла только воскликнуть.

И подала ему белые руки. И радовалось их счастьем все село.

Борис КОСТИН

СОК ВОЛШЕБНОГО ДЕРЕВА

Жила-была в одной деревне вдова. Муж Степан у нее на фронте погиб, когда Родину защищал от злого врага, и осталась Дарья одна с тремя малыми детьми.

Бывало, придет она с поля усталая — сил нет с лавки подняться, а дети просят:

— Мама, дай хлебушка! Есть хочется, мама...

А где хлебушка возьмешь, когда враг всю землю разорил, всю деревню спалил? Вот и пойдет Дарья по соседям: один картошинку даст, другой — луковку, третий — стакан молока для детишек нальет, — глядишь, и поели ребятишки. А ведь и у соседей на столе не густо. Так всей деревней и растили сирот.

Подросли вдовьи дети — всем миром их в школу снарядили. Всем хотелось, чтобы ребята на деревне были грамотные да умные. И колхоз помогать начал вдове: то воз дров привезет солдатке, то пудик зерна ей выделит.

Помощниками росли у Дарьи сыновья: Михаил помогал ей в поле управляться, Николай в огороде картошку окучивал да похлебку варил, а младший Иванушка за курами присматривал и грибы-ягоды носил из лесу.

Дружная была семья у Дарьи, хорошие выросли парни.

Идут, бывало, три вдовьих сына по деревне — высокие, статные, русоволосые. Смотрят на них девушки,

не посмотрятся, так и замирает у них сердечко. И Дарья радовалась, на них глядячи. Пусть рубашки у них старенькие — зато чистые, пусть руки в мозолях и осадинах — зато работающие, пусть изба их давно покосилась — зато висит на стене в красном углу Дарьяна Почетная грамота.

Долго ли, коротко ли, а осталась мать совсем одна. Уехали сыны в большие города учиться, да так и не вернулись в деревню. Вновь осиротела Дарья. Правда, на месте старой избы построил ей колхоз высокий светлый дом под железной крышей с резными наличниками, а в чистой горнице рядом с грамотой висели под стеклом уже два ордена.

Хорошо было в Дарьином доме, чисто, тепло, да больно уж одиноко. Придет она с поля, сядет у окошка и сыновей своих вспоминает, письма читает. Одной-то и есть не хочется: не гудит на столе самовар, не сидят за столом милые сыновья, не скажет никто ей: «Спасибо за хлеб-соль, мама...».

А письма — что они? Разве заменят они детей в родном доме? А годы все идут, а болезни все донимают, а силы все уходят...

И так однажды захотелось Дарье повидать внучат своих, что собралась она в один зимний вечер, распрощалась с соседями, заперла дом и поехала в столицу к Михаилу, старшему сыну, — давно он звал ее к себе.

А Михаил к тому времени большим начальником стал.

Первое время хорошо жилось Дарье у сына: не надо печки топить, не надо дрова запасать, за водой ходить. И с внучатами хорошо ей было. Любили они бабушку, особенно младшенькая, Олюшка.

Бывало, перед сном позовет Олюшка Дарью к своей кровати и скажет:

— Расскажи мне, бабушка, сказку.

И начнет Дарья рассказывать Олюшке про лес и про поле, про голубой лен и жаворонков, про речку и дере-

венский родничок. Говорит, а у самой голос молодеет. И так ей хорошо становится, будто она в деревне бывала.

Слушает, слушает Олюшка бабушкину сказку да так и заснет. Заснет, а сама во сне улыбается. А Дарья еще долго сидит у кровати, свой дом вспоминает. Так и видится ей дом с резными наличниками и тропинка, что к полю ведет.

Все есть у Дарьи, сыта и ухожена, в тепле живет да в почете, а душа у нее что-то беспокойная. И руки у нее как будто лишние — нету деревенской работы в богатой сыновней квартире. Выйдет на балкон Дарья, посмотрит на макушки запыленных лип, на цветники вдоль улиц, на ленивых толстых голубей — и грустно станет у нее на душе. Нет здесь шумящих дубрав, привольных полей, нет колокольчиков с ромашками и быстрых деревенских ласточек. Даже вздохнуть здесь полной грудью и то не хочется — пахнет воздух бензиновой гарью.

Чахнуть, болеть стала Дарья.

Решил тогда отправить ее Михаил к брату Николаю на поправку. А Николай на доктора выучился и людей лечил в городе у самого синего моря. Вот и поселил он мать в своем доме на морском берегу, где слышно, как волны шумят, как чайки кричат, где жаркое солнце за одну неделю красит людей в шоколадно-коричневый цвет.

Глядит на все это Дарья, а душа у нее не радуется — болит душа. Много тут солнца — да не поют в небе жаворонки, много тут зелени, много пальм — да не видно родных березок, воды здесь целое море — да не вьется среди лугов милая сердцу речка.

Совсем плохо стало Дарье, совсем слегла.

Привез как-то сын домой самого главного профессора. Посмотрел тот Дарью, послушал и головой покачал.

— Нет здесь у нас такого лекарства, collega, чтобы твою матушку на ноги поставить. Слышал я, что дела-

ют его за тридевять земель из сока волшебного дерева. Да здесь, у моря, не растет оно...

Опечалился средний сын, не знает, как ему и быть. Все готов он отдать для родной матушки, да ведь здоровья не купишь.

Глядь, идет по улице почтальон, письмо в руке несет. А письмо-то было от Иванушки, брата меньшего.

«Милая матушка! — писал он в том письме. — Как живется тебе в чужих краях, не получше ли себя чувствуешь? А у меня радость великая — снова я работаю в родной деревне. Такое приволье здесь, столько тут солнца, столько воздуха, столько дел! Скоро пахать-сеять будем, ведь весна вот-вот на дворе.

А живем мы с женой в нашем доме с резными наличниками, и растет у нас сын Степушка, внучек твой. Приезжай сюда, здесь хорошо тебе будет, поправишься. Все соседи ждут тебя и низко тебе кланяются.

Твой сын Ваня».

Услышала Дарья, что пишет ее Ванюшка, и говорит среднему сыну:

— Не хочу я ни моря теплого, ни лекарств заморских — отвези-ка лучше меня к внучку моему Степушке.

Как ни упрашивал Николай матушку еще погостить, как ни обнадеживал ее, что приедет к ней еще один профессор, — не согласилась больше Дарья жить у теплого моря. Заладила одно: «Отвези меня, Коленка, в родную деревню!» — и ни в какую.

Делать нечего. Купил Николай матери билет на самолет, послал телеграмму брату Ивану, чтобы встречал он матушку, и горько вздохнул. Видно, плохой он врач, коли родную мать вылечить не смог. Не помогло ей ни теплое море, ни солнце южное, ни его сыновья любовь...

Поцеловала Дарья на прощанье внуков и сына, попрощалась с невесткой и отправилась в дальний путь.

Над горами и реками, над лесами и полями, над го-

родами и селами нес ее серебрянокрылый самолет — все ближе и ближе к родным краям.

Долго ли, коротко ли, а кончилась длинная воздушная дорога. Вывели Дарью под руки из самолета, а тут и Иванушка ее встретил. Села она в его машину, и покатила она по знакомой земле мимо знакомых деревень, через речку, где на заливных лугах столько раз была она на покосе. Мимо болотца, куда еще босоногой девчонкой ходила с лукошком за клюквой, через березовую рощу, где бывает осенью столько белых грибов, через заветный мосточек...

А как выехали из-за леса, увидела Дарья родную деревню, улицу с колодцами и свой дом с резными наличниками — замерло у нее сердце. И по-прежнему стояла у дома высокая белая береза со скворечником, которую посадил ее Степан перед уходом на фронт.

— Вот и приехали домой, матушка! — сказал Иван, помогая Дарье выйти из автомобиля. — Видишь, тебя моя Наташа ждет и твой внук Степушка.

Поцеловалась с ними Дарья, а в избу не пошла.

— Подведи-ка меня к березке, Иванушка, — попросила она. — Давно мы с ней не виделись...

Иван подвел мать к дереву, а она прижалась к березе щекой и заплакала от радости.

— Вот и свиделись мы, родная моя...

А береза будто востропнула, словно дрожь пробежала по ней. Или это ветер закачал ее длинные ветви?

— Ох, не держат меня мои бедные ноженьки, — пожаловалась мать. — Посади-ка, сыночек, меня на скамейку. Посижу я тут немного. А вы идите, не мешайте мне.

Села Дарья на скамейку, опустила голову и задумалась. Долго так сидела, всю свою жизнь вспоминала. Вспомнила и то, как принес Степан в свой последний день березку из леса, выкопал для нее яму, посадил деревце, полил его и сказал:

— Вот, Дашенька, и подружка тебе. Пусть растет

она у нашей избы, пусть зеленеет под окнами. А когда я с войной вернусь, когда она вырастет, я на нее скворечник повешу. Пусть вместе растут — и скворчата, и наши мальчишки.

И почему-то вздохнула. Видно, чуяло сердце, что не ему прибывать скворечник к березе...

Вдруг послышался Дарье тихий голос, будто слабый шорох.

— Здравствуй, Дарья! Наконец-то ты здесь...

— Кто это?

Дарья подняла голову и огляделась.

— Это я, Степанова береза... Что же это тебя так долго не было, подруженька? Стосковалась я по тебе.

— Так это ты, родная моя?

Дарья хотела встать и подойти к березе, да так и не смогла. Совсем ослабели у нее ноги. Горько вздохнула она, опустила голову и со слезами проговорила глухим, совсем старческим голосом:

— Вот какая я стала... Шагу ступить одна не могу. Видно, немного жить осталось мне на родной земле, моя Березонька.

— А ты не кручинься, хозяйка! Смотри, как солнышко светит, как тает снег. Слышишь, как ручеек журчит, как звенит в небе жаворонок? Весна ведь пришла.

— Вижу, Березонька, слышу! Да очень уж худо мне.

— А что твой сын Николай говорит? Он ведь у тебя врачом-доктором стал.

Опять вздохнула Дарья.

— Говорит: есть на свете только одно лекарство, которое мне поможет, да где его добудешь?

— Что это за лекарство, Дарьюшка?

— Где-то в дальних странах на самом краю земли растет волшебное дерево. Многих исцелило оно, многих поставило на ноги. Говорят, его сок и мне поможет...

Услышала это Береза и тихо зашумела. Заколыхались тонкие ветви, закачался белый ствол.

— А зачем тебе заморское дерево, Дарья? Ты же на русской земле родилась, в наших краях росла, так и лекарство надо здесь искать. Позови-ка сюда Иванушку, дам я тебе лекарство... Только пусть он кружку принесет и поставит на землю к моим корням.

Иван сразу смекнул, в чем дело. Прислонил он к Березе кружку, травинку приладил, и потекли вдруг по травинке, капая в кружку, прохладные ясные капли.

Но только Дарья слышала тихий шорох Березы.

— О Мать-Земля! Ты мать всего на свете. Ты мать лесов и полей, облаков и речек. Каждую травинку, каждую букашку вырастила ты — столько силы в твоих недрах. И мы с Дарьей — тоже твои дети. Помогни ей, Мать-Земля! Приложи к моим корням всю свою целебную силу.

Земля задрожала под ногами Дарьи, будто перевертывались к солнцу ее крутые пласты под плугом трактора, и увидела Дарья, как сильнее закапал в кружку березовый сок.

Отовсюду — от корешков одуванчика и тысячелистника, от жгучей крапивы и лебеды, от кустов сирени и рябины — потянулись к корням березы целебные соки земли, еще неизвестные людям.

— Кап, кап, кап! — вот и полна кружка.

— Дай-ка, сыночек, изопью я березового соку. Давно я его не пробовала, — сказала Дарья, и Иван протянул ей полнехонькую кружку.

Сделала Дарья первый глоток — и будто громче запели жаворонки над полями, над родной деревней, сильнее зажурчал ручеек, звонче закапала капель с крыши сараев.

Второй глоток — и ярче засинело небо, белее стала родная береза, зорче стали глаза, краше стало все вокруг Дарьи.

И с каждым глотком чувствовала Дарья, как рас-

примлется согбенная спина, как разглаживаются на лице морщины, как радостнее бьется сердце — молодой силой наполнялась каждая клеточка ее тела.

Вот и опустела кружка...

Легко, свободно поднялась Дарья со скамейки и трижды поклонилась родной Земле.

— Спасибо, Мать-Земля! — дрогнувшим голосом сказала Дарья. — И тебе, Береза, спасибо. Знаю, я еще пригожусь вам. Не забыли работу мои руки...

И поглядела вдаль, где до самого леса пестрело проталинами земли весеннее поле.

...Сказывали мне люди, что с того дня видели ее колхозники то на ферме, то в поле, то в лугах на покосе. И когда шла она рядом с сыном Иваном, казалось, будто идут по деревне брат и сестра — такая была она молодая и красивая. А однажды жарким летом видел я ее сам на краю льняного поля.

Я тогда мимо поля проходил, а Дарья стояла неподалеку от дороги и что-то говорила молодым колхозникам, лаская голубые цветы высокого, выше пояса льна. Голубело поле, голубело небо, а девушки слушали Дарью, и Мать-Земля так славно грела их босые ноги. Покачиваясь от легкого ветерка, лен целовал их заботливые руки.

Дарья повела рукой, обводя бескрайнее поле, и на ее груди блеснула золотая звездочка. Глаза девчат лучились тихой радостью, будто смотрели они в далекую и счастливую даль.

Не слышал я слов, что говорила Дарья, но знал одно: так говорить можно только о родной Земле. Потому что и сегодня, и завтра, и всегда человек может быть счастлив, если его питают соки родной Земли, если своей Земле он верно служит всю жизнь.

РОДНИЧОК И ТРОПИНКА

Жили-были на краю леса и на берегу небольшой речушки Родничок и Тропинка.

Родничок был чистый, светлый, и все вокруг ему нравилось. Нравились стоявшие на опушке березы, черемухи, склонившиеся над берегом, синее небо над макушками деревьев, пение зяблика и полет стрекоз. Ему было хорошо среди кустов и травы на склоне небольшого холмика.

Вода в Родничке была холодная и вкусная. И Родничок не скупился. Он рад был угостить своей водой и лесную пчелку, и длиннохвостую сороку, и рыжую лису, у которой где-то неподалеку таилась нора. Но больше всего он любил, когда к нему приходили люди.

Маленьким был наш Родничок. И зимой он замерзал. Но когда пригревало весеннее солнце, и снег ручейками убежал в речку, а в лесу становилось сухо, где-то за лесом вдруг слышались голоса, и к Родничку шли люди. Чаще всего первыми приходили ребяташки из деревни, которая была совсем рядом.

— Здравствуй, Родничок! Мы соскучились по тебе. Твоя вода вкуснее, чем из колодца, — говорили они и черпали его чистую воду.

Они были маленькие, эти девчонки и мальчишки, и еще не знали, что скоро уедут из деревни далеко-далеко, что будут пить воду из незнакомых Родничку рек и озер, а чаще — из водопроводного крана. Не знал Родничок, с какой грустью будут они его вспоминать, потому что он был частицей их детства, любимым уголком их Родины.

Родничок не думал об этом, он наливал до краев ребячьи ведерки и не жалел воды. Ребяташки, поставив ведро на пенек, делали несколько глотков и даже жмурились от удовольствия. А конопатый русоволосый мальчик в рваных ботинках и заплатанной одежде говорил:

— Ух ты! Даже зубы ломит. А вкусно-то как! Спасибо тебе, Родничок...

И чем больше воды отдавал Родничок, тем чище и вкуснее она становилась, и больше людей приходило к нему.

Приходили к Родничку и девушки с коромыслами в вышитых цветастых сарафанах, и косари с брусками на поясе и косами на плечах, и охотники с чуткими собаками, у которых уши так и волочились по земле, — и всем хватало воды. Не раз сиживал на пенёчке и пастух, наигрывая на рожке, пока коровы и козы бродили по опушке леса и щипали сочную траву. Здесь, у Родничка под березами, парни назначали свидания своим девушкам, и Родничок только радовался каждому.

А вот Тропинка была всегда недовольна. Кривая и колдобистая, она не переставала ворчать:

— Ходят тут всякие... Надоели! Покою от них нет. Всю затоптали лаптями да сапожищами, всю водой заплескали. Скоро ли они уgomонятся? Житья от них нет. Ладно, я вам покажу, как топтать меня...

И она вредила, как только могла: то мусора набросает в ведра, то схватит девушку за подол колючками репейника, то подставит мальчишке под ногу корень дерева. Зацепится, упадет парнишка, прольет ведро, заплачет, а кривая Тропинка радуется:

— Может быть, теперь ходить по мне не будешь?

Родничок не раз ее укорял:

— Почему ты такая зловредная? Ты помогай людям — и тебе будет радость.

— А я не хочу помогать, — отвечала Тропинка. — Я хочу одна жить. Не хочу, чтобы по мне ходили.

— Да разве можно так? — удивлялся Родничок. — Все на свете кому-нибудь должно быть нужно: и береза, и ветер, и упавший листок, и я, и ты...

Тропинка только хмуро ворчала в ответ:

— Проживу и без них.

Так и жили Родничок и Тропинка рядом много лет.

Слушали они, как поет соловей у реки, как плещется где-то рядом река, смотрели на высокое синее небо. Менялась листва на деревьях, другие соловьи пели в кустах у реки, каждый раз новые облака плыли над ними. Заметали их зимой вьюги-метели, глубокий снег покрывал их белой шубой, но каждой весной опять возрождалась их жизнь.

Только начали замечать Родничок и Тропинка, что реже стали ходить за водой люди. Уже давно за лесом не кукарекал петух, не мычали коровы, давно не приходил пастух поиграть у Родничка на рожке. Где-то, словно отдаленный гром, ворчали трактора, но больше не проходили парни с девушками по Тропинке, да и мальчишки что-то давно не появлялись тут.

— Наконец-то я отдохнул! — сказала как-то Тропинка, а Родничок грустно вздохнул. Ему так хотелось угостить людей своей водой, да они не шли к нему.

Печальный и постаревший, он начал зарастать травой. Никто не выбирал из него опавшей листвы, не черпал студеную воду. Умолк и ручеек, вытекавший из него в речку.

Недолго радовалась и Тропинка. Да, не ходили больше по ней босые ребячьи ноги, не топтали ее сапоги косарей, зато с каждым годом все больше стали одолевать ее трава да кустарник.

Прошли годы, и Тропинки не стало. Лишь изредка пробегала мимо лиса к своей норе, да напиться здесь уже было негде: совсем заглож Родничок, совсем забыли о нем люди.

А где-то за лесом шумела большая дорога — гудели машины. Люди ехали в город и не знали, что здесь, совсем неподалеку, на лесной опушке дремлет в земле Родничок, который так любил их.

Может быть, на этом и закончилась бы эта грустная история, только однажды, много лет спустя, вновь раздалась в лесу голоса.

— Как красиво здесь, бабушка! — сказал, пробира-

ясь через кусты и выходя на лесную опушку, мальчик в клетчатой рубашке и бумажной самодельной пилотке. — Так где же здесь твой Родничок? Где Тропинка?

Вслед за мальчиком на опушку вышел высокий седой старик с тростью в руках и огляделся. Прихрамывая, он обошел березы и встал у подножья холма возле муравьиной кучи.

— Вот здесь, Ванюша. Здесь, под этим кустом. Видишь эту канаву? Тут ручеек протекал. А на месте этого муравейника пенек стоял от спиленной сосны. Мы на него ведро ставили, чтобы водицы испить. Как тут все заросло! Тропинки-то совсем не видно. Вот здесь она была. А что, если...

Старик подошел к влажной ямке, отбросил полуогнившийся сучок и, с трудом встав на колени, начал палкой разгребать землю. Скоро среди мусора и корневниц травы блеснула вода.

— Он! — старик удовлетворенно поднялся с земли и огляделся еще раз. — Да тут одной палкой ничего не сделаешь, нужен инструмент. Давай-ка завтра наведем сюда еще раз, наведем тут порядок...

На следующий день вновь зашумели кусты и к холмику опять подошли дед с внуком. Старик нес небольшую толстую доску с воткнутым в нее топором, а у мальчика в руках были пила и лопата.

День был хороший, жаркий и ясный. В воздухе гудели слепни, где-то неподалеку стрекотала сорока.

— Ты, Ванюша, очищай Тропинку, протори ее малость, а я займусь Родничком, — сказал дед и воткнул в ямку лопату.

Работа спорилась. Летели в сторону комья земли, перепревшие листья, обломки сучьев — и скоро в яме забился ключик. Еще несколько взмахов лопаты — и по канавке потек робкий, едва заметный ручеек.

Ожил наш Родничок! Взглянул голубыми глазами на старика, и показалось лицо его знакомым. Кто же это?

Старик выкопал две глубокие ямки, взял пилу и пошел в лес.

Из лесу он вернулся с чурбаком, отпиленным от поваленной ветром сосны. Вкопав его, сходил за другим и начал ладить скамейку.

— Дедушка, дай я прибью! — попросил мальчик, когда тот положил доску на вкопанные чурбаки.

— А справишься? — дед немного помедлил. — Дай-ка я тебе сначала гвозди наживлю...

Несильными ударами обуха он вбил гвозди неглубоко в доску и подал топор внуку.

— Ну-ка, бей! Только не торопись.

Топор был тяжелый, но Ваня старался. Удар, еще удар, еще много ударов обухом топора — и доска была крепко прибита, даже ни один гвоздь не погнулся.

— Давай-ка сядем, внучек, обновим скамейку, — предложил дед. — Видишь, как тут хорошо стало. И ручеек опять потек. Я ведь это место и свой Родничок всю жизнь вспоминал, где бы ни был. А сколько стран повидал...

Дед вздохнул и потрогал раненую ногу.

— Как-то на фронте лежал я в степи и совсем уже прощался с жизнью. Наши ушли, а меня не заметили. Больно уж пшеница была густая в сорок первом году... Вот лежу я на спине, и палит мне солнце в лицо, будто пьет из меня последние капли крови. Пересохло все во рту, язык еле шевелится. Не знаю, что отдал бы я за один глоток воды, да где ее взять? Во фляжке — ни капли. И вспомнил я мой Родничок, его чистую холодную воду. Вспомнил, как еще мальчишками ставили мы на пенек свои ведра и пили, пили, пили...

«Так вот это кто! — подумал Родничок. — Это тот самый конопатый мальчишка, который приходил ко мне когда-то и хвалил мою воду. И внук Ванюшка похож на него...»

— Ох, как захотелось мне снова вернуться сюда! — продолжал дед. — Нет, думаю, рано сдаваться! Я еще

побываю в своей деревне, у своего Родничка. Перевернулся я кое-как на живот и пополз. Сколько раз от боли терял сознание — уж не помню. Выполз все-таки на дорогу. Очнулся уже в лесу. Так вот и воевал с партизанами больше половины войны. А в сорок пятом уже в Германии меня снова ранили, и опять в эту же ногу.

Старик поднялся и закончил:

— Как видишь, спас меня Родничок. Так хотелось снова его увидеть! Давай-ка сюда фляжку, вода, небось, уже отстоялась.

Ваня отстегнул от пояса солдатскую фляжку и подал ее деду.

Старик подошел к Родничку, зачерпнул воды и отпил несколько глотков.

— Ох, хороша! Даже зубы ломит... На-ка, внучек, испей, — и протянул Ване фляжку.

Ваня пил, пил, и никак не мог напиться.

— Вкусная вода. Спасибо тебе, Родничок!

Никогда за многие годы не был Родничок так счастлив, как в этот день. Будто сердце у человека, бился и трепетал в нем студеный ключ, а ручеек уже вновь проторил себе путь к речке.

Очнулась и Тропинка. Еще коротенькая и заросшая, она подошла к Родничку и робко произнесла:

— Прости меня, Родничок! Я ведь не знала, что нельзя мне быть без людей.

И добавила:

— И людям нельзя без трошинок...

Дед потрепал льняные волосы внука и сказал:

— Вот и проторил ты свою первую в жизни тропинку. Теперь и у тебя есть свой Родничок.

И правда! По многим тропинкам еще пройдет Ваня, много исходит дорог, много стран позидает, но никогда уже не забудет он этот день и эту скамейку под берегами.

Ведь у каждого в жизни должен быть свой Родничок.

МЕТЛА И ЧЕРЕН

Поспорили как-то черен с метлой, кого легче переломить.

— Тебя, черен, легче сломать, — сказала метла.

— Как это так?! — возмутился черен. — Да я же дубовый, а дуб, сама знаешь, дерево крепкое. А ты, метла, всего-то из тоненьких прутиков, и то из березовых.

— Ну и что? А вот попробуй, переломи.

— Что ж, и переломлю, — разгорячился черен.

Взял он метлу, уж и гнул, и мям, и ломал, а ей хоть бы что.

— Ну и как, переломил? — засмеялась метла.

— Ты же толще меня, — сконфузился черен.

— Нет, не поэтому. Подумай еще.

— И короче меня. А короткое трудно ломать.

— Опять не догадался.

— Ну так почему же? — крикнул с досады черен.

— А ты спроси у моих прутиков.

— Нас много, а ты один! — дружно закричали тоненькие прутики.

— Слышал, черен? А тебя, хоть ты из крепкого дерева, сразу переломить можно.

На том спор и кончился.

Артельная сила и гору сломила,

А одному не впрок и малый бугорок.

МУЖИК И ЛИСА

Взял мужик удочку и пошел рыбачить. На речке прорубь по льду прорубил. Сел на ящик и рыбку за рыбкой потаскивает да в кучку складывает. Наловил столько, что хватит на уху и на сковороде пожарить. Сложил рыбу в ящик, перекинул его за плечо и пошел домой.

Из-за куста лиса за мужиком подглядывала. С кучки рыбы глаз не сводила. Страсть как захотелось ей рыбки поест. Тут она и вспомнила, как давным-давно ее сестра у старика из воза рыбку за рыбкой побросала. Недолго думая, лиса побежала вперед мужика, легла поперек тропки и притворилась мертвой.

Подошел мужик к лисе и удивляется:

— Когда же она успела замерзнуть?

Пнул ее ногой — не мерзлая. Улыбнулся мужик лисьей хитрости, положил ее в ящик, а ящик закрыл на крючок.

— Эко какой воротник будет жене, не то что кроличий.

Вот тут-то и ахнула лиса. Не только рыбу выбросить — самой не вылезти. Взмолилась лиса:

— Мужичок, миленький, хорошенький, душой добренький, выпусти меня из ящика. Я ни одной рыбки не съела. Выпусти, век буду благодарить.

— Нет уж, лисонька, не проси. Твою хитрость я знаю. Нынче мужик не такой глупый и простофиля, как его раньше описывали. Сейчас он, прежде чем поверить, сначала проверит, а потом доверит. И вас, лис, хорошо знает... А воротник из тебя хоро-о-о-ший выйдет.

Лиса присмирела. А мужик шел, шел и говорит:

— Что, лисонька, напугалась, что воротник из тебя сошьют?

Он снял ящик с плеча и сказал, открывая его:

— Ну, иди, расти своих лисят. Нас, мужиков, сказка про твою сестрицу кое-чему научила. Пусть и твои лисята из каждой сказки урок извлекают, если хотят дольше бегать в своей шубке.

Лиса выпрыгнула из ящика, поблагодарила мужика за совет и побежала, только хвост раздувался. А мужик поглядел ей вслед, улыбнулся и пошел домой уху варить.

НА ВОРЕ ШАПКА ГОРИТ

Украд вор корову, привязал ее за рога веревкой к задку телеги и едет. Стоит в поле одинокий дуб, а на дубу сидит ворона и каркает:

— Кар-р-р, кар-р-р, кар-р-р.

Вор подумал, что ворона кричит:

— Укр-р-ал! Укр-р-ал!

— Не крал я, старая карга, — обругал ее вор и едет дальше, пошевеливая вожжами.

Летит сорока и стрекочет:

— Чар-чи-чи, чар-чи-чи, чар-чи-чи!

А вору слышится, будто сорока вороне говорит:

— Ты кричи, ты кричи!

— Зачем же, болтунья, кричать? Не крал я, — сказал вор, а сам лошади свистнул, чтобы она шагу прибавила.

Едет вор дальше.

Летит стая галок и весело рассыпает свое:

— Ка-а-а-а, ка-а-а-а, ка-а-а-а!

Вору думается, что галки над ним смеются:

— Ха-а-а-а, ха-а-а-а, ха-а-а-а!

— Что вы, глупые, смеетесь? Думаете, я соврал? Эх, вы! — а сам опять лошадь понукал. — Но-о, милая!

Кружится над озером чибис и тонюсенько выводит:

— Чи-и-ви, чи-и-ви, чи-и-ви!

Вор же подумал, что его спрашивают:

— Чьи вы?

— А на что тебе знать, чьи мы? — сказал вор и зло сплюнул.

И тут же на придорожном кусту сидит синичка и поет свою коротенькую песенку:

— Ви-ви-и-и, ви-ви-и-и, ви-ви-и-и!

Вор беспокойно оглянулся, будто синичка прокричала кому:

— Лови, лови!

Он подхлестнул лошадь, чтобы в лесу скорее скрыть-

ся, а лес уже рядом. Корова головой мотает, веревку натягивает, за телегой не поспекает. А вор и корову, и лошадь понукает, в лес торопится.

Только вор доехал до лесу, а там дятел по дереву-сухостой прыгает и носом долбит:

— Тук-тук-тук, тук-тук-тук!

А вору чудится, будто дятел указывает:

— Тут, тут, тут!

— Вот напасть какая! Нигде не спрячешься от этих птиц...

Вдруг дятел-трещотка как пустит по лесу свою дробь:

— Трррррр! Трррррр! Трррррр!

Вора с головы до ног жаром и осыпало. Он подумал, что его лошадь под уздцы взяли и останавливают:

— Тыррр, тыррр, тыррр!

Со страху схватил топор да как тяпнет по веревке, которой корова была привязана! Корова тут же повернула назад и во всю свою коровью прыть помчалась домой, мотая головой и размахивая обрубок веревки.

А вор что было силы ударил лошадь вожжами, и она понеслась по лесу, аж телега по корням запрыгала.

Так и не пришлось вору украсть корову. Недаром же говорят: «На воре шапка горит».

КАК СТАРИК ЗА ДРОВАМИ ХОДИЛ

У старика со старухой дрова кончились, а холод наступил сильный.

Старуха была сварливая, капризная. Вот и говорит она старику:

— Старик, ступай в лес, принеси дров. Печь истопим, тепло будет, а то и замерзнуть недолго. Да смотри, чтобы дрова были без сучков, без задоринок, хоро-

шо бы в печи горели, весело трещали да по печи искры рассыпали.

Обулся старик в старые подшитые валенки, надел овчинный полушубок, шапку-ушанку, рукавицы-шубенки, подпоясался веревкой, топор за пояс заткнул и пошел в лес.

На окраине леса стоит дуб-красавец, ветки во все стороны раскинул. От низу до сучьев прямехонек, чистехонек. Понравился он старику.

— Вот его я и срублю.

Обошел старик вокруг дуба, поглядел на него снизу вверх и задумался.

— Нет. Зачем же его на дрова губить? По осени сколько с него желудей нападает, свиньям корм-то какой — лакомство! А сколько из его древесины бондари наделают бочек, кадок и клепок. Колесники спиц для колес натешут, ободьев нагнут. А столбы для ворот какие крепкие выйдут. Да мало ли еще что...

Рядом стоит липа. Подошел старик к ней. А она такая высокая, стройная, как свечка прямохонькая, ветви на самой макушке шапкой раскинулись. Глянул старик на ее вершинку, аж шапка с головы свалилась — вот какая высокая.

— Вот это будут дрова. У нее под корой такое тело белое, что хоть режь да ешь. Колется хорошо и горит неплохо. Старуха будет довольна.

Вынул старик топор из-за пояса, по стволу обушком постучал. Зазвенел ствол.

— Нет, не буду губить на дрова такую милушку. Из ее молодой коры лапти плетут, а из старой мочало сбивают. Из мочала рогожи ткут. Из рогожи кули шьют. С цветов пчелы мед собирают. А деловой человек из ее древесины изготовит кадки, в которых только мед и хранят, да еще бабы тесто для хлебов ставят. А я на дрова ее срублю?

Пошел старик дальше по лесу.

Стоит на поляне белая береза, красавица леса. Тон-

кие ветви до земли достают. Белая кора с черными полосками — будто платье на девушке.

— Вот ее я и срублю. То-то старуха обрадуется, коль я ей березовых дров принесу. Она и блинов напечет, и меня накормит.

Замахнулся старик топором и задумался.

— Нет, не буду губить на дрова такую красавицу. Из ее коры-бересты туюсочки шьют, с ними за ягодами ходят. Из коры же и деготь гонят. Из ветвей метлы, веники вяжут. Вениками в бане парятся. Метлами двory подметают. Почки собирают на лекарство. Из древесины веретена для прях вытачивают, гребни выпиливают, лопаты вытесывают. А я такое дерево на дрова переведу?

Вскинул старик топор на плечо и пошел дальше.

Стоит клен, кудрявый, стройный, ну, прямо такой, про который в песне поется.

— Вот, пожалуй, его я и срублю. Колется он хорошо, дрова жаркие. Старуха хвалить за них будет.

Только размахнулся со всего плеча и... топор опустился.

— Вот же старый дурень. Придет мастер-умелец — вторую жизнь ему даст. Из его древесины топорница и лопаты вытесывают, ложки вырезают. Мой отец с кленовой ложкой всю войну прошел и домой принес, вот какая крепкая была. А охотники какие лыжи гнут?! И чтобы старухе угодить, я хотел такого красавца загубить и в угли превратить. Нет, не буду рубить.

И опять старик пошел дальше.

Стоит ясень, ровный, стройный, ветки только на вершине, и тихо ими шелестит.

— Ну, хватит выбирать, его-то я и срублю. Колется он без задиришки, хоть на ленточки дели. По волокнам блестячки словно стеклышки посверкивают. Думаю, угожу старухе.

Снял старик рукавицы, плюнул в ладони, размахнулся топором со всего плеча, да так и застыл.

— Тыфу ты, пакость какая! Такое дерево хотел срубить. Из него мастера-ободники ободья для колес и полозья для саней гнут, а я его в поленья дровяные хотел разрубить!

Надел старик рукавицы, топор на плечо — и пошел дальше.

Стоит на просторе вяз, толстый-претолстый. Ветви раскинул во все стороны, шумит ими, аж гул по лесу идет.

— Вот его-то я обязательно срублю, только отдохну немного и трубочку выкурю. Колется-то он плохо, с задиринами, ну что же. Пусть старуха поворчит, я уж к ее ворчанью привык.

Сел старик на корень вяза, раскурил трубочку и рассуждает:

— А ведь из его лубков кораба шьют, телеги обшивают. Из древесины дуги гнут, а дуги-то страсть какие крепкие бывают. Да мне, старому, его чурбаны и не расколоть. Завязнет топор — и не вытащишь, на то он и вяз.

Выбил старик золу из трубочки, встал, покряхтел и пошел дальше.

Стоит осина. Зеленой корой поблескивает, раскидистыми ветвями, словно колокольчиками, позванивает. У корня мхом обросла, словно шубу с меховой отделкой надела.

— Ее-то я уж непременно срублю.

Снял старик рукавицы с рук, топор — с плеча, обошел вокруг осины, обушком по стволу постучал, а ствол глухо-глухо загудел.

— Э-э-э, да у нее, слышно, середина трухлявая да еще такая сырая — хоть выжимай. За такие дрова старуха меня и в избу не пустит. Нет, не буду рубить.

Поправил шапку, с досады топор в пень воткнул и сам себя ругает:

— Вот старый пень. Ночь уже подходит, а я все в лесу дров не найду. И до каких пор я буду старухины

прихоти выполнять? Вон сколько сучьев валяется, сухие, гореть будут жарко. Ну и что из того, что не прямые да немного корявые?

Набрал старик сухих дубовых сучков вязанку, взял топор и пошел домой.

МАТРЕШКА

Жили-были старик со старухой, была у них дочь Матрешка. Когда пришла пора жать рожь, старик со старухой загоревали:

— Как мы теперь жить-то будем? — сказал старик, а старуха ему вторит:

— Оба старые, спины болят, ни согнуться, ни разогнуться.

Матрешка и говорит:

— Батюшка с матушкой, не горюйте, я уже выросла. Вот полосу и выжну.

Обрадовались старики. Наутро же старик запряг лошадку в телегу, старуха кошель с обедом положила, Матрешка со стариком сели в телегу и поехали.

Приехали на полосу, старик и говорит:

— Вот, доченька, полоса — жни, — и поехал домой.

Матрешка обошла полосу кругом, потом нажала с пятачок снопов, устроила холодочек и улеглась спать. В обед проснулась, из кошеля все съела и опять спать захотела. Закрыла глаза и спит себе.

Наступил вечер. Старик со старухой за столом сидят, Матрешку к ужину ждут и разговор ведут:

— То-то работница какая у нас выросла. Недаром мы ее берегли, ничего делать не заставляли. Все не жили, спала, сколько хотела, — говорит старуха.

— А меня что-то сомнение берет, — отвечает старик. — Чисто ли все подобрала? Хорошо ли снопы составила? Поеду, погляжу, — и поехал.

Приехал на полосу, а она не сжата. Только пять

снопов стоят, а под ними Матрешка спит. Обидно стало старику. Отвязал он ножичек от пояса, отрезал у Матрешки косы — она даже не шевельнулась. Уехал старик.

А Матрешка проснулась, наконец. Стала на голове платок поправлять, а кос-то нет. Подумала-подумала, пошарила-пошарила да и побежала домой. Даже кошель и серп не захватила. Заглянула в окошко. Старик сидит за столом одни.

Спросила:

— Матрешка дома?

— Дома, — ответил старик, сидевший у окна.

Думает Матрешка: «Как же так? Матрешка я, только голова не моя». Опять в окно кричит:

— Матрешка-то я!

Выглянул старик в окно и сказал:

— Нет. Наша Матрешка с косами, а ты без кос.

Постояла Матрешка у окна, вокруг избы походила. Все думает: «Видно, я косы на полосе потеряла. За столом никакой Матрешки нет. Вон и свет погасили».

И такой Матрешку страх обуял, что отец с матерью ее не признали!

Только чуть-чуть стало светать, пустилась она бежать на полосу, косы искать. Снопы перебрала — нет кос. Полосу обошла — нет кос. Принялась жать — нет кос.

Связала последний сноп, села на него и залилась горькими слезами. Стала платок с головы снимать, чтобы слезы вытереть, а под ним... косы! Пока она полосу жала, косы и отросли.

Старуха всю ночь не спала — ведь Матрешка дома не ночевала. На зорьке и говорит она старику:

— Старик, запрягай лошадку. Поедем Матрешку искать. Может, волки съели, хоть косточки соберем.

— Что ж, поедем, — ответил старик и запряг лошадку.

Приехали к полоске и видят: Матрешка сидит на

снопе, платком лицо вытирает. То-то радости было: полуса сжата, у Матрешки косы длиннее прежних.

Все вместе со жнитва они отправились домой.

В сказках все бывает: человек оживает, лень пропадает. А лучшее от лени средство — не лениться с детства.

ПЫШЕЧКА

Сидит бабушка Матрена на пороге растворенных сеней, вздыхает тяжело и сама с собой разговаривает:

— Был старик жив, и мы все праздники справляли не хуже других. А нынче пришел праздник, а у меня и горсти муки нет. Было бы хоть одно зернышко, я бы его на жерновах смолола, да из муки тесто на воде с солью замесила и пышечку бы испекла.

Только бабушка Матрена еще раз глубоко вздохнула, как в углу сеней что-то треснуло и зашуршало. Она оглянулась — это с кадки обруч соскользнул и клепка рассыпалась. А из клепки пшеничное зернышко выкатилось. Раньше в этой кадке пшеницу хранили, вот одно зернышко в клепках и застряло.

Увидела бабушка Матрена зернышко и обрадовалась. Взяла его, вымыла, высушила и на жерновах смолола. Собрала муку в чашку и приговаривает:

— Хоть и без молока, а на воде с солью, да замешу тесто и испеку пышечку. Вот и у меня будет праздник.

На улице коза паслась. Услыхала бабушкины слова и заблеяла:

— Ме-ке-ке-е, ме-ке-ке-е, зачем же без молока? Не си кружку, я тебе молока дам.

Идет бабушка с полной кружкой молока, что коза дала, и радуется:

— Вот и я пышечку на молоке испеку, хоть и без яичка.

По лужайке хохлатка ходила, зеленую траву клева-ла, бабушкины слова услышала:

— Как-как-кудах! Как-как-кудах! Зачем же без яичка? Садись на порожек, я тебе в колени и снесу.

Села бабушка на порог, а курочка скок ей в колени и снесла яичко. Похлопала крыльями и побежала на лужайку.

Взяла бабушка яичко и улыбается:

— Ишь, какое яичко крупное. Хорошая будет пышка, хоть и без коровьего масла.

Услыхала соседская корова бабушкины слова и через забор замычала:

— Му-му-му. Зачем же без масла? Давай ложку, я тебе масла дам.

Несет бабушка полную, аж с верхом ложку коровьего масла. От радости даже ахнула:

— Ах, какая будет у меня пышечка на молоке с яичком, хоть и без сахара.

На дворе у забора рос кипрей. Цветет он долго, а от цветов его медом пахнет. Бабушка его любила. Услыхал кипрей бабушкины слова и цветы каплями сладкого нектара наполнил. Увидела бабушка, как солнце в каплях искрится, взяла чайное блюдце и стряхнула в него капельки с цветков. Целая чайная ложка сладости набралась. То-то радости было.

— Ну и пышечка же у меня будет — и молоко, и яичко в ней, и масло, и мед. Не хуже, чем у других.

Замесила бабушка Матрена тесто, скатала в пышечку. Пышечка получилась сдобная, сладкая, пышная. Положила ее на сковороду. Хотела печь затопить, а дров-то и нет. Загоревала бабушка.

— Чем же я печь топить буду? Был бы жив дед: он бы мне принес дров березовых, сухих.

Под окном росла береза. Дед посадил ее в день свадьбы с бабушкой. Услыхала береза бабушкину нужду в дровах, зашелестела, зашумела и попадали с нее сухие сучки. Увидела бабушка — обрадовалась.

— Вот уж дрова так дрова. Дед всегда приносил мне таких дров, когда я собиралась блины печь. Хорошо горят и жаркие.

Набрала бабушка Матрена большое беремя дров, а разогнуться не может — спина болит. Увидела девочка Наташа, что бабушка не может дрова унести, и говорит:

— Бабушка, ты старенькая, и спина болит, давай я тебе в избу дрова отнесу.

Взяла Наташа у бабушки беремя дров, в избу отнесла, а потом еще принесла. Да столько наносила, что бабушке на всю неделю хватит печь протапливать. Поблагодарила бабушка Наташу, и девочка побежала к подружкам в куклы играть.

Наложил бабушка дров в печку, из горнушки уголек достала, подула на него и лучину зажгла. Подложила лучину под дрова, и они запылали. Пылают дрова, потрескивают, золотые искры по печке рассыпают, а бабушка смотрит на них и радуется. Печь протопилась, жарко в ней стало. Бабушка в нее сковороду с пышечкой поставила и заслоном прикрыла.

Испеклась пышечка, зарумянилась. Бабушка помазала ей головку маслицем. И уж такая пышечка хорошая стала, просто не только на загляденье, а даже на удивленье.

Положила бабушка пышечку на окно студить. Окно растворила. Лежит пышечка на окне, стынет, ветер ей бока холодит. А бабушка тем временем вынесла стол к окну под тень березы. И как только пышечка охолонула, разрежала ее на кусочки, на тарелку сложила и на стол поставила.

Бабушка Матрена гостей созвала: Наташу, козу, корову, хохлатку. И кошку Мурлышку позвала. Это она вернышко от мышей сберегла. Все уселись вокруг стола, только корова стояла — она большая и на стуле не уместилась. Всем по кусочку досталось. Все ели и хвалили, какая пышечка хорошая, сдобная и сладкая по-

лучилась. Береза листьями шелестела от радости, что пышечку хвалили, а кипрей цветочной метелочкой из стороны в сторону покачивал от удовольствия, что и он помог бабушке. Бабушка березу вокруг ствола водой полила, а возле кипрея сначала землю порыхлила и тоже полила.

То-то праздник был у бабушки Матрены, не хуже, чем у других.

ЯШКА

Обулась Луша в лапти, взяла берестяное лукошечко и пошла за ягодами. Увидел ее Яшка и тоже побежал за ней.

В лесу Луша ягоды собирает, в лукошечко ссыпает. А Яшка траву и ягоды только ногами приминает. Яшке ягоды есть хочется, а собирать страсть как неохота.

Луша уже полное лукошечко набрала, а у Яшки и посуды нет, куда ягоды собирать.

Ох, как хочется Яшке ягод поесть, а собирать лень. А ягоды такие спелые, душистые, сочные, аж слюнки текут. Вот и придумал Яшка хитрость.

— Луша, а у твоего лукошечка скоро доньшко оторвется. Смотри, как нитки оттянулись, даже ягодки в трещинки видно.

— Что же делать, Яша? — испугалась Луша.

— Высыпь их мне в подол рубашки, я подержу, а ты лычко с липки сдери и доньшко привяжи.

Жалко Луше ягоды в Яшкин подол высыпать, а делать нечего. Оторвется доньшко, высыплются ягоды в траву, их и не выберешь — все перемнешь.

Луша — девочка добродушная, доверчивая. Высыпала она ягоды, как Яшка сказал, и стала лукошечко осматривать. А Яшка тем временем как пустился бежать да скорее ягоды горстями есть.

Увидел старый пень Яшкин обман и вытянул ко-

пень поперек его пути. Яшка зацепился за корень ногой да и грохнулся со всего размаху на пузо. Пень рассмеялся, гнилушки во все стороны полетели и Яшку задела. Яшка на весь лес заревел. И ягод не наелся, и пень своими гнилушками «угостил». Рубашка от сока ягод покраснела — мать заругает.

Подошла Луша. Жалко ей стало не ягоды, а Яшку. Уговаривает его:

— Не плачь, Яша. Ягод я еще наберу и рубашку постираю. Только ты больше так не делай, не обманывай. Ладно?

— Угу-у, — протянул Яшка, размазывая слезы.

Луша стала опять ягоды собирать и в лукошечко сыпать. А донышко и не думало отрываться, нитки-то крепкие, они только от тяжести ягод немного оттянулись. Ягод кругом много краснеет, собирай только, не ленись.

Стыдно стало Яшке. Ягодки две-три сорвал, в рот положил, а потом все быстрее и быстрее принялся собирать и Луше в лукошечко сыпать. Скоро оно наполнилось.

Луша и Яшка сами наелись досыта и маме принесли. То-то радости было.

ГОРОШИНА

Когда горох сеяли, то одна горошина откатилась в сторону, да так там и осталась. Звали ее сестрички-горошинки к себе, а она не пошла.

— Хочу одна расти, одной просторней.

— Ты не дуб, а всего лишь горошинка. Иди к нам.

Не пошла горошинка к сестричкам, осталась одна расти.

Дождик поливает. Солнце пригревает. Горошины прорастают.

Вот и стебли уже большие.

Ветер дует, стебли к земле клонит. А они уцепились усиками друг за друга и не падают, только ветер по ним волной ходит, как по заводи.

Одинокая горошина тоже в большой стебелек выросла. Стебелек пустил длинные усики с завитушечками, а зацепиться ими и не за что!

Налетел ветер — сломал стебелек. Пошел дождик — к земле прибил. Постонал, постонал стебелек, похал, но макушку кверху поднял.

— Тянулся бы к нам. Мы бы тебя поддержали, — звала его стайка стебельков.

— Обойдусь и без вас, — гордо ответил стебелек.

Зацвели гороховые стебли. Поле словно бледно-зеленым ковром покрылось, а по нему белые и оранжевые цветочки рассыпались.

Зацвел и одинокий стебелек, белый цветок на макушечке раскрыл.

Вот уже и отцвели стебли, цветы в стручки превратились, новыми горошинами наполнились. Бока крутые, стручки тугие, спелые горошины в них шумят. Дождик пыль с них смыл.

У одинокого стебелька тоже стручок вырос, налился, поспел. А дождь пошел и опять его к земле прибил, да так прибил, что стебелек уже и не встал.

Колхозники приехали, весь горох убрали, в мешки ссыпали, в амбары увезли.

Только стручок с одинокого стебля остался в поле никем не замеченный, никем не подобранный, в землю втоптаный.

КАК ВЛАС ЛЮДЕЙ СПАС

В некотором царстве, в некотором государстве жили люди бедно-пребедно. Обувались в лапти лыковы и всю жизнь горе мыкали. Может, и жили бы они хорошо и не видели бы горя, да появилось у них прожорливое

чудовище. Столько оно много пожирало, что напасть было невозможно. Все люди днем и ночью работали, а ему все мало. Сами впроголодь жили, обувались, одевались кое-как, все ему отдавали, лишь бы оно их самих не сожрало. Страсть какое прожорливое это чудовище! Да еще сколько у него слуг, и их кормить надо. Так и дошло до того, что чудовище самих людей пожирать стало. Оно от злости рычало, ноздри раздувало, зубами лязгало, глазами искры метало, лапами землю рыло, аж комья до неба летели — страсть великая! Каждый день приходилось отдавать ему человека на съеденье.

Однажды слуги чудовища пришли к одной избушке и стучат в окно:

— Эй, Влас! Завтра твой черед идти на завтрак к нашему господину.

— Ладно, — отозвался Влас, выглянув в окошечко.

Окошечко было маленькое, и избушечка маленькая и до того старенькая, аж по самые окошки в землю вросла. Если разбежаться, то без труда можно через нее перепрыгнуть. Выглянул Влас в окошечко и видит: день-то наступил такой хороший, солнечный, птички поют, воробьи чирикают, ласточка над окном щебечет, теплый ветерок по Власовым русым кудрям скользит. Как жить-то хочется!

Оперся Влас локтями на подоконник, опустил голову, стиснул ее широкими шершавыми ладонями и крепко задумался. Думы у него были такие: как от чудовища избавиться. Думал, думал, набрал ведро ржавых гвоздей и наколотил их изнутри в кожу. Одежда получилась колючая, как из старой ежовины.

Наутро Влас встал рано. С родными и знакомыми попрощался. Жалеют знакомые, плачут родные, все люди вздыхают, а бедная мать и вовсе чувств лишилась. Влас ее уговаривает:

— Ты, мама, не убивайся обо мне. Может, жив останусь.

Очнулась мать, простонала:

— И-и-и, сыночек. Никого в живых не оставляло это чудовище, а тебя оставит? Аль ты всех сильнее?

— Не сильнее, а, может, хитрее, — загадочно ответил Влас и вышел из избушки, прихватив сшитую накануне одежду.

На улице Влас снял картуз, тряхнул русыми кудрями, поклонился всем и пошел по улице широкими шагами. Собравшиеся люди заплаканными глазами смотрели ему вслед, пока он не скрылся.

У горы, где жило чудовище, стоял помост. С помоста слуги чудовища бросали жертву в раскрытую пасть. Влас подошел к помосту и отослал всех слуг:

— Идите отсюда. Я сам к нему в пасть прыгну.

Слуги обрадовались и убежали далеко, чтобы не видеть и не слышать, как захрустят Власовы косточки в пасти чудовища.

Влас быстро вбежал на помост. На ходу надел колючую одежду и со всего разбегу прыгнул в раскрытую пасть чудовища. И пока летел, успел крикнуть:

— Может, мной подавишься!

— Хрррык! — только и успело прохрипеть чудовище, как Влас всеми гвоздями колючей одежды воткнулся в его пасть.

Чудовище хотело сразу проглотить Власа, да поперхнулось. Да так поперхнулось, что его слуги, стоявшие вдалеке, понеслись еще дальше и, как тараканы, запрятались в щели.

Гвозди воткнулись в кровожадную пасть, и не может чудовище ни проглотить, ни выплюнуть жертву. Кровь и пена потекли, а Влас еще сильнее ворочается и царапает пасть гвоздями.

Рычит чудовище, задыхается, пасть сжать не может, гвозди еще глубже вонзаются. От боли глазищи, что огненные шары, выкатило. Ноздри раздуло, что заводские трубы. Когти из лап выпустило, что багры пожарные. Шерсть вздыбилась, как у бешеной собаки.

Страсть-то какая! А Влас знай шевелится да понемногу продвигается.

— Вылезь, Влас, — с большим трудом прохрипело чудовище. — Я тебя никогда не трону.

— А других тронешь? Всех пожрешь, и до меня черед дойдет. Жри уж сейчас.

И Влас стал еще сильнее дрыгать руками и ногами, чтобы гвозди пасть раздирали.

Зарычало чудовище, захрипело, да так, что с одного ужаса можно было умереть. Из ноздрей пар повалил, кровь потекла, глазщи выкатились, вот-вот лопнут, когти в землю впились. А Влас, сжавшись в комок, кое-как добрался до глотки. От этого чудовищу стало совсем невозможно дышать, и оно грохнулось, аж по земле гул прошел. По его безобразному туловищу судороги прокатились. Вытянулось чудовище с разинутой пастью и сдохло.

Давит на Власа обмякшее тело чудовища, дышать стало трудно, а вылезти надежды нет — уж очень глубоко впились гвозди. Но он и этому рад: «Пусть я погибну, зато сколько людей спасу», — подумал Влас, и его сознание стало мутиться.

Увидели люди, как воронье закружилось над тем местом, где чудовище людей пожирало, и побежали узнать, что же случилось. Так и есть: лежит чудовище вверх лапами дохлое, а в разинутой пасти Власа видно. Притащили кто топор, кто багор — вытащили Власа. Сняли с него колючую одежду, в рот водички влили, поганую кровь чудовища отмыли.

Узнали об этом слуги чудовища и разбежались кто куда, до сих пор не сыщешь. Они побоялись Власа, а вдруг он оживет и за них примется. А Влас впрямь на ветерке ожил. Вздохнул раз, вздохнул другой и глаза открыл. Хотел встать, а люди подхватили его на руки и понесли к матери в избушку. Мать увидела его и глазам не поверила, а потом как начала обнимать да целовать сына, Влас насилу высвободился.

На радостях устроили такой пир, что все, кто там был, и сейчас помнят.

Владимир ГЕРАСПИОВ

ПРО МАЛЬЧИКА КОЛЮ, КОТОРЫЙ ЛЮБИЛ СКАЗКИ

Жил-был на свете малыш Коля. Обычный мальчик с серо-голубыми глазами. Ни худой, ни толстый, ни низенький, ни высокий. Было ему пять лет. А в этом возрасте дети обычно путают сказку с реальной жизнью. Верят тому, что в лесу можно наткнуться на избушку Бабы Яги, и не верят, что суп это нужное и полезное блюдо. Но когда взрослые часто пугают Бабой Ягой, которая утащит в лес, если не есть супа, то тут уже и в Бабе Яге начинаешь сомневаться. Вот папе Коля верит, и то не всегда, а только когда папа в сказочном настроении. Тогда он прячет в футляр свою пишущую машинку, берет Колю к себе на колени и начинает рассказывать сказки разными голосами. Получается даже лучше, чем на пластинке. Там одна и та же сказка, а тут все время разные. Но это бывает не так часто. А обычно папа сидит за столом и печатает. Коля не любит машинку. Захочет он поиграть с папой, когда тот печатает, машинка недовольно трещит:

— Нечего, нечего, нам некогда.

Папа целыми днями сидит над машинкой и становится серьезным-серьезным, не подступишься.

А недавно с Колей случилось такое... Как в сказке. Появился в Колинском детском саду новый сторож дядя Ваня. Он был похож на лешего, которого Коля видел в кино. У него и борода и усы большие и руки волосатые. Брови такие густые, что нависают над глазами. Он ходит медленно и всегда отдувается. Даже в жару на нем старенькая телогрейка. В некоторых местах из нее да-

же вата вылезает. На голове засаленная кепка. Живет он при детском саду в небольшой, в одно окно, комнате. Под окошком покосившаяся скамеечка у старого дуба, кривого и уродливого, у которого некоторые сучья совсем голые и черные. Часто дядя Ваня сидит на этой скамеечке, или метлу налаживает, или что-то вырезает из деревянных чурочек.

Ребята побаиваются сторожа и смотрят на него только издали, а Коля однажды осмелился, подошел к нему и с замиранием в голосе спросил:

— Вы леший?

Дядя Ваня даже вздрогнул от неожиданности и уронил ножичек, которым строгал. Испуганно оглянувшись вокруг и тихо ответил вопросом на вопрос:

— Откуда ты знаешь?

Коля тоже растерялся. Он думал, что дядя Ваня сейчас рассмеется или даже обидится, но тот был серьезен.

— Да я просто так подумал... — осторожно признался мальчик и прислонился спиной к корявому стволу дуба.

Дядя Ваня покашлял, надул щеки, почесал бороду, шумно выпустил воздух, немного помолчал.

— Ну и что же, что леший, — вымолвил он.

Глаза у Коли округлились. Было немного страшно, но и в то же время интересно.

— Самый настоящий, из леса? — прошептал мальчик.

— А что, бывают лешие понарошке? — рассердился дядя Ваня и топнул ногой. — Познакомь меня с таким, я ему бороду вырву за обман.

Он нахмурился. Брови, усы и борода его почти соединились на лице.

Но Коля уже совсем не боялся дядю Ваню, потому что из-под бровей светились лукавые глаза. Он торопливо пояснил:

— Я же первый раз в жизни вижу лешего.

Дядя Ваня поднял с земли ножичек, снова стал строгать деревяшку и проворчал:

— Ну, ты не так уж и долго на свете живешь. Всяко бывает.

Коля присел на корточки перед сторожем и с интересом разглядывал его жилистые руки, заросшее лицо, смешные, ребячьего покроя, сандалии на ногах.

— Дядя Вань, а почему же вы не в лесу живете?

Леший снова надул щеки, хлопнул по ним кулаками и уже добродушно проворчал:

— Ишь ты, какой любопытный. Все-то ему надо знать. Вынь да положь.

Он помолчал, положил ножик на скамейку, взял Колину руку в свои большие теплые ладони, наклонился к нему.

— А ты, малыш, никому не проболтаешься, что я леший? — он оглянулся вокруг. — Ведь всяко бывает. Оно, конечно, снаружи я, может, и страшненький, но внутри добрый. А ведь не разберутся, скажут, раз леший, то нечего детей пугать.

Коля был тронут дяди Ваниной доверительностью. Мальчику стало жалко его. Погладив руку сторожа, он с жаром в сердце воскликнул:

— Да вы красивый!

— Вот этого не надо, — посерьезнел дядя Ваня. — Что есть, того не отнимешь, а вранья не люблю. Это только Пашка врет.

— Какая Пашка? — спросил Коля.

— Ах ты, батюшки! — воскликнул дядя Ваня и в волнении даже кепку сдвинул на затылок. — Слова как воробушки. Что ж, придется рассказать, раз зачин есть.

Он вздохнул, пригладил ладонью бороду и усы:

— Я ведь в лесу жил в услужении у двух бабушек-ягушек. Одна добрая — Машенькой величают. Ласковая, доверчивая. Птички не обидит. Утром проснется, наберет в ведро водицы и ходит по лесу, поит цветы да слабенькие кустики выхаживает. И все песни поет.

А уж сестрица ее, Пашка, настоящая Яга — злая, хитрая, коварная. В ступе по лесу летает, где вредить можно — вредит. Отец их, лесной дух, повелел им вместе жить и наделил одним волшебством на двоих. Порознь будут — обе могущества лишатся. Пашка скрежещет зубами, а без Машеньки жить не может. Но вот беда — кроткая Машенька, доверчивая. И взяла Пашка верх, что ни скажет сестре, та верит. Мне-то жалко Машеньку, переживает она за все, что Пашка накуролесит. Сам посуди, что та вытворяла: заблудится прохожий, она его в чащобу заводит и в сухое дерево превращает. Зверье мелкое в страхе держит. Медведя зимой из берлоги выгоняет. А он, коль не выпится, известно какой, ходит по лесу, крушит все вокруг. Я Машеньке говорю, мол, ты злодейке пособляешь. Уйди от нее, и все беды лесного народа кончатся. А она отвечает: «Нам ведь папенька наказ дал вместе держаться. Как же я его послушаюсь?» Нет, говорю, когда добра и зла в меру, то еще терпимо. А уж если начинает побеждать зло, то лучше разойтись в разные стороны. Она соглашается, плачет, а против сестры идти не хочет. Бесхарактерная...

Дядя Ваня замолкает, долго гладит бороду, кричит, качает головой, затем продолжает:

— Ну и прознала Пашка про мои разговоры, закипела, как горячий самовар. Хотела меня в пенек трухлявый превратить, да Машенька не дала. А и сам я не промах, тоже есть кое-какая волшебная сила. Стал я критиковать Пашку на весь лес. Она как услышит, аж подпрыгивает от злости. Но служить стало невозможно. Что ни сделаешь, все не так. Брань от Пашки да досада. Плюнул я да и ушел из леса. Теперь вот у вас в садике работаю.

Дядя Ваня ласково посмотрел на Колю и погладил его по голове. Но тот был грустным и смотрел в землю.

— Что с тобой, малыш? — озабоченно заглянул ему в лицо сторож.

— А как же Машенька? — укоризненно спросил мальчик.

Леший судорожно вздохнул, в руках его треснула палочка, которую он строгал:

— Да, вот эта заботушка у меня и осталась. Ох-хо-хо!

Ваню уже искала воспитательница — наступила обеденная пора. Леший подмигнул ему на прощание и палец к губам прижал: молчи, мол. Молчать, конечно, надо. Да и кому расскажешь. Ребята в группе не поверят. Вера Николаевна пожалуется маме, что Коля ее своими фантазиями одолел. Поел Коля скучный суп, поваял в пюре котлетку, пострелял компотными косточками в мальчишек и пошел со всеми в спальню. По пути успел выменять за синее стеклышко круглое маленькое зеркальце — хорошо будет солнечные зайчики пускать. Лег Коля на кровать и стал думать о дяде Ване, о Бабе-Яге, и вдруг их детсадовская спальня куда-то пропала, и он оказался в глухом лесу...

Тихо кругом, только темные ели качаются и скрипят. В траве краснеют земляничинки, а под ними бегают-суетятся муравьи. Опустился Коля на корточки. Интересно ему стало. Муравей такой малюсенький, а тащит большущую травинку. Другимуравьята ему помогают. Коля нашарил у себя в кармане компотную косточку и положил на муравьиную дорожку. Те сразу облепили ее, бросив свою травинку. Пошевелили муравьи усиками, как будто поговорили друг с другом, и один куда-то побежал. Наверное, за подмогой.

И вдруг Колю по спине что-то больно ударило. Он вскрикнул и оглянулся. Никого. Только ели шумят и где-то высоко птицы переговариваются. Посмотрел Коля себе под ноги и увидел здоровенную еловую шишку. А тут вторая, третья — и все по спине. Отскочил Коля в сторону и задрал голову вверх. А там на подростке-елочке сидит-раскачивается маленькая старушонка. Нос крючком, волосы лохматые, юбочка заплатанная.

Увидела, что Коля заметил ее, по-разбойничьи свистнула и мигом спустилась вниз. Из-под губы у ней ужасные огромные зубы торчат. А она и лицо сморщила, чтобы страшнее было, захихикала:

— Что, цыпленок, боишься!

Коля сначала и вправду струсил. Да тут бы любой испугался. Ведь как-никак настоящая Баба Яга. А потом оправился и произнес с обидой:

— Никакой я не цыпленок, а Коля.

Баба Яга аж подпрыгнула от удивления, она ждала слез и страха.

— Ишь ты, ишь ты какой!

А Коля совсем осмелел. Поднял с земли шишки, по карманам рассовал.

— Ты что это, может, и кидаться будешь? — всплеснула руками Баба Яга.

— А что, вам можно, а мне нельзя?

Баба Яга снова захихикала, набрала в рот воздуха и с силой выпустила его в сторону елок. Поднялся страшный вихрь. Вокруг все потемнело. Со стенами ломались большие деревья. Их или выворачивало с корнем, или же расщепляло надвое. Когда все утихло, перед Колей предстала страшная просека, усеянная поверженными стволами. Над ней с отчаянными криками металась птица.

— Что, здорово?! — гордо воскликнула старушонка, хлопая в ладоши. И, увидев плачущего Колю, запрыгала от радости:

— Ага, испугался, испугался!

Коля всхлипывал и тер покрасневшие глаза кулаком. Ему было жалко птиц, у которых погибли птенчики. Он слышал их жалобные крики, и слезы навертывались на глаза сами собой. Чтобы показать этой злой старухе, что он не боится ее, Коля вынул из кармана шишку, запустил ее в Бабу-Ягу и попал прямо в нос.

Баба Яга сморщилась и с удивлением посмотрела на Колю:

— Ты чего это хулиганишь? — сердито закричала она, потирая ушибленное место.

— А вы не будьте злой, — насупился Коля.

— А какой же мне быть? — подбоченилась старуха. — Я родилась Ягой.

— Неправда, — спокойно ответил Коля, вороша ногой траву, — есть и добрые Бабы Яги, папа мне про таких сказки читал.

— Много твой папа знает... — ворчливо отозвалась Баба Яга и прилепила к носу какой-то зеленый листок.

— Мой папа неправды не говорит! — воскликнул Коля, покраснев.

Старушонка забормотала непонятные слова и закрутилась на месте. Вспыхнуло пламя, исчезли поваленные деревья, и возникла избушка на курьих ножках. Дверь избушки со скрипом отворилась, и на порог вышла очень похожая на Бабу Ягу старушка, но только волосы у нее были причесаны, платье опрятное и сама она не казалась такой страшной.

— Вот, сестрица, озорника поймала, — показала злая Баба Яга пальцем на Колю. — Смотри, как он меня разукрасил. — И она сняла с носа листок.

Аккуратная Яга осмотрела шишку, укоризненно покачала головой. Коля попытался все объяснить, но злая Яга притопнула ногой, прицелкнула пальцами, и у Коли вдруг куда-то пропал голос. Он лишь раз что-то мыкнул.

Злая Яга закричала с притворной обидой:

— Гляди, гляди, он еще и дразнится!

Аккуратная Яга отвернулась от Коли и подула сестре на нос. Та совсем воодушевилась:

— Давай его накажем, посадим в подполье к крысам.

Аккуратная Яга согласно кивнула головой.

Злая Яга снова забормотала что-то непонятное, и

Коля вмиг оказался в подполье. Из щелей едва просачивался свет, но постепенно глаза привыкли к темноте. Коля разглядел очертанья ящиков, бочек. Сам он сидел на небольшой скамейке. Сначала было тихо, но потом что-то зашуршало в углу. Коля вспомнил про крысы, и во рту у него стало сухо. Он нащупал в карманах оставшиеся шишки. Шуршание приближалось. Коля забрался на скамейку с ногами. Тут наверху раздался шаг. Загремела и открылась крышка люка, и вниз сползла железная лесенка. В проем заглянула аккуратная Яга:

— Вылезай, сыночек, вылезай.

Коля недоверчиво посмотрел вверх и увидел освещенное керосиновой лампой лицо, совсем не злое, а заботливое и жалостливое. Такое, как у его бабушки.

Яга провела Колю в горницу. Там стоял огромный потемневший дощатый стол. Вокруг него лавки. В углу росли грибы. По стенам пробивался мох. Пахло сыростью. Яга пригласила Колю за стол. Он взобрался на лавку, свесил ноги и положил локти на гладкую доску. Стол был пуст.

Яга села напротив и улыбнулась:

— Скажи, что ты любишь есть?

Коля удивленно заморгал и наморщил лоб.

— Апельсины, груши, халву, лимонад, пирожные...

Яга шлепнула ладонью по столу, и тут же перед Колей появились тарелки с оранжевыми апельсинами, большими желтыми грушами, разнообразными пирожными. Между тарелками высились бутылки с лимонадом. Коля даже открыл рот от изумления... Все было так красиво.

— Кушай, — ласково потчевала его старушка.

— Спасибо, — вежливо ответил Коля. Взял одну грушу и еле-еле смог ее одолеть.

— Что, разве невкусные? — расстроилась Баба Яга.

— Вкусные. Просто я недавно обедал, — признался Коля.

— Ах вон что... — Яга прищелкнула пальцами.

И в тот же миг Коля почувствовал такой голод и жажду, будто целую неделю не пил и не ел. Апельсиновой кожуры накопилась уже целая горка, а Коля чистил и чистил новые плоды. Ему было не по себе, но руки работали не останавливаясь, а рот сам открывался и закрывался, и челюсти двигались. Когда со всей пищей на столе было покончено, руки и рот снова стали слушаться Колю.

Баба Яга смахнула мусор со стола, и все куда-то пропало. Она удобно устроилась на лавке и спросила Колю:

— А ты очень смелый?

— Не знаю, — засмутился он. — Я пауков боюсь. — И, вспомнив про погреб, добавил: — И крыс, наверное.

— Нет, ты смелый, — сказала она убежденно. — Ты вон сестрицу не испугался, а она ведь знаешь какая вредная? Она тебя могла во что-нибудь превратить...

Коля подумал, что ведь и правда, за шишку на носу злая Яга могла страшно отомстить ему. Сердце его тут же упало.

— А ты не расстраивайся, — сказала аккуратная Яга, рассматривая свои ноготочки, подрезая их ножничками и как будто поняв его опасения. — Раз она тебя сразу не превратила, теперь и подавно не сделает этого. Ты ей для чего-то нужен. Да и я не дам тебя в обиду.

Коля немного успокоился и, вспомнив дяди Ванин рассказ, спросил аккуратную Ягу:

— А вас Машенькой зовут?

Яга подняла голову и удивленно посмотрела на Колю:

— Откуда ты знаешь?

— Мне про вас Леший рассказал.

Машенька обрадовалась и стала расспрашивать про дядю Ваню. От этой ее радости по комнате стали

летать разноцветные бабочки, запахло душистыми цветами и медом.

— А я уж было совсем загрустила. Одна да одна, — говорила Машенька. — Мне ведь леший тоже советовал от сестрицы уйти. Да куда пойду — некуда. Я и сестрицу жалею и зверюшек, которых она обижает. И что делать, не знаю.

В это время в окошко постучала клювом невесть откуда взявшаяся сорока и тревожно затараторила:

— Пашка идет, Пашка идет!

Машенька засуетилась, заволновалась. Вскочил с лавки и Коля, да споткнулся и упал. Выкатилось из кармана выменьянное зеркальце, упало и раскололось на кусочки. Собрала Машенька осколки в ладонь, накрыла другой ладонью, и зеркальце вновь стало целым. Посадила она в него волшебный луч, чтобы крыс отпугивал, и отправила Колю опять в подполье.

Долго ли, коротко ли, опять загредел люк, и в подполье залезла сама Яга Пашка. Она кряхтела, хихикала, притопывала. Увидев Колю целехоньким и здоровехоньким, рассердилась:

— Почему это тебя крысы еще не съели? Что-то они совсем заленились. Вот я им! — грозно крикнула она и хлопнула в ладоши. По земле зажурчала вода и полилась в крысиные норы. Послышался жалобный писк. Старушонка запрыгала от радости: — Здорово я придумала. Ха-ха-ха. Пусть покупаются.

Хотя Коля и боялся крыс, но ему их стало жалко.

А Пашка, не догадываясь о Колиных чувствах, усе-лась напротив него на чурбачок, подперла голову кулаком и сказала с притворной грустью:

— Бедная я, бедная. Знал бы ты, как одной мне тоскливо. Ой как хочется товарища! Сестрица меня не понимает, да и боязливая она. Одной приходится в лесу дела вершить. А меня все обижают, ругают. Хоть бы один похвалил. А ведь как стараюсь...

Яга Пашка сморщила горестно лицо, выдавила слезинку, потом вся подалась к Коле и зашептала:

— Иди ко мне в товарищи. Смелый ты, я таких люблю. — Пашка радостно заерзала и доверительно дотронулась до Колиной руки. — Давай, а? Я сделаю тебя царем леса. Все звери будут кланяться твоему величеству, а ты их будешь наказывать...

Коля отдернул руку и отвернулся. Яга Пашка заскрежетала зубами и быстро-быстро защелкала пальцами. От этого по всему подполью разлетелись маленькие шипящие молнии. Но потом она успокоилась и, веря еще в свой успех, сказала:

— Подумай, подумай, а не то... — Яга тяжело устращающе задышала: — Превращу тебя в лесную корягу.

С этими словами она, крихтя, полезла по железной лесенке наверх.

Снова в подполье стало темно. Коля вынул зеркальце, чтобы от волшебного Машенькиного лучика стало светлее, а из зеркальца на него глянула сама Машенька.

— Я все слышала, — сказала она тихо.

— Ну и что мне делать? — воскликнул Коля, крепко сжав зеркальце.

Машенька улыбнулась:

— Соглашайся пока быть царем, но только добрым. Поняла я сестру. Если ты поможешь ей сделать хоть одно злое дело, то я лишаюсь волшебства, а она навсегда становится волшебницей. Тогда всему лесу погибель...

Скоро пришла за ответом Яга Пашка. Получив согласие, обрадовалась и повела Колю в неожиданно выросший около избушки красивый дворец с золочеными башенками, с хрустальными лесенками и мраморными колоннами. Пол тронного зала застелен шкурами огромных медведей. По стенам расставлены чучела диковинных птиц. Посреди зала на полосатой леопардовой шкуре стоял чудесный резной трон, а около него с

ошейниками и на цепях сидели черные грациозные пантеры. Глаза их были грустными.

Яга Пашка торжественно произнесла:

— Ваше величество, юный лесной царь, говорите Ваше первое желание, я исполню его, чего бы мне это ни стоило.

Коля сказал твердо:

— Я хочу, чтобы все чучела и шкуры превратились в живых зверей и птиц и перенеслись бы в свои леса. Пусть получают волю и пантеры.

Яга Пашка в досаде притопнула ногой, сверкнула злым взглядом, но делать нечего — раз поклялась, надо исполнять клятву.

Все чучела, шкуры и пантеры пропали, будто их не было, а Пашка села на пол около трона и горестно вздохнула:

— Плохо начинаешь, Ваше величество.

Потом, видимо, что-то придумала, повеселела и нетерпеливо заговорила:

— Повели, чтобы все дупла и норы звериные замазать глиной и законопатить.

— А зачем? — строго спросил Коля.

— Зачем, зачем, да просто так, — раздраженно проворчала Пашка, — то-то зверюшки попищат... Посмотрим, поразвлекаемся.

Коля хотел рассердиться, но вспомнил, что с Ягой Пашкой нужно вести себя по-хитрому. Он медленно взошел на трон, уселся, наморщил лоб, будто бы в великой думе. Пашка смотрела на него ожидающе. Он не спеша промолвил:

— Подумаем.

Яга затопала ногами, зашипела:

— Когда не надо, то быстро думаешь.

Но в эту минуту двери тронного зала распахнулись, выскочил большой серый заяц и дробно застучал в барабан. Коля вздрогнул от неожиданности:

— Что такое?

Все еще недовольная Пашка пробурчала:

— Это значит, что звери идут к тебе за судом и советом.

Коля растерянно заморгал:

— Но ведь я маленький, я ничего не знаю.

И он беспомощно взглянул на Пашку. А та встрепенулась, потерла ладони:

— А ты не бойся, я помогу.

Коля подумал, что Пашка, хоть и злюка, но все-таки взрослая. Она может дать совет.

И тут в зал вошла, уверенно и горделиво, лисица в богатой, модной шубке, за ней скакала взъерошенная, испуганная белочка. Обе они поклонились Коле, и лисица начала вкрадчивым сладким голосом:

— Ваше величество, защитите меня, сироту. Моя нора в орешнике, значит, и орешник мой. А эта воровка, — кивнула лисица на белочку, — все мои орехи утащила, себе в дупло запрятала и даже платить за них не хочет.

— Ваше величество, — заплакала белочка, — мне нечем платить, а надо к зиме готовиться. А лисице все равно орехи не нужны, она их не ест. Они высохнут и никому не достанутся, а мои бельчата умрут с голоду.

— Ишь ты, ишь ты какая, — зашипела лисица, — а вдруг я захочу орешков? Не ела, не ела да вдруг стану есть.

Яга Пашка потянулась к Колиному уху и громко зашептала:

— Тут и думать нечего. Положено платить, пускай своими бельчатами и расплачивается. Лисе они понравятся.

Услышала это белочка, еще пуще разрыдалась, а лисица облизнулась.

— Но это несправедливо! — гневно воскликнул Коля.

Тут закрутилась Баба Яга, как юла, быстро-быстро, дворец и звери пропали, и они оказались снова на той поляне, где и встретились.

— Плохой ты царь! — закричала Пашка, топая но-

гами и страшно вращая зрачками. — Не хочу я такого! Лучше я тебя в корягую лесную превращу.

— А ты злюка! Правду про тебя Леший сказал, — бесстрашно ответил Коля.

— Ле-ший! — остолбенела от изумления Пашка. — Это он тебе голову замутил. Я с ним расправлюсь. Поплачет, поплачет, злодей. Где он, отвечай! — замахала кулаками Яга Пашка, и от нее даже дым пошел.

— Ни за что не скажу, — твердо ответил Коля.

— Ах так! — Баба Яга защелкала пальцами, забормотала какие-то заклинания...

В этот момент Коля снова очутился на своей кровати в садике. Он протер глаза, откинул одеяло, сел и подумал, что все это ему приснилось.

Но тут Коля увидел на подушке маленькое зеркальце. Он взглянул в него. Оттуда улыбалась ему Яга Машенька. Коля улыбнулся в ответ и даже подмигнул ей. И вдруг услышал ехидный голосок соседа по койке Сережки Сидорова:

— Колька-девчонка, Колька-девчонка. В зеркало смотрится, а-а-а!

Сережка высунул язык и заплясал на своей кровати. Он размахивал руками, и тесемка от его майки сползла с плеча, одеяло на постели сбилось в комок. Кровать скрипела. Другие мальчишки поддержали Сережку. Они тоже плясали на своих кроватях и тоже орали дикими голосами: «Колька-девчонка!»

Коля растерялся. В глазах его показались слезы.

Сережка вытаращил в притворном ужасе глаза и, указывая пальцем на Колю, завопил:

— А у него косичка растет, ха-ха-ха!

Уж этого Коля никак не смог выдержать. Он очутился на Сережкиной кровати, стал его колошматить кулаками, кусать за голые ноги. Сережка тоже не остался в долгу. Присоединились другие мальчишки. В общем, произошла великая битва, результатом которой были разорванные пододеяльники и расквашенные носы.

Вечером Коля с опущенной головой стоял у папиного стола и ждал, когда тот закончит печатать какую-то срочную работу. Машинка заливалась вовсю.

«Радуетея, наверное, что папа будет ругать и что у меня синяк на лбу», — с обидой думал Коля и, переступая с ноги на ногу, выковыривал ногтем из щели у ножки стола запекущую краску.

Наконец папа вынул из машинки последний отпечатанный лист, строго посмотрел на Колю и непривычно ледяным голосом сказал:

— Ну что же, молодой человек, выкладывай все на чистоту.

Коля шмыгнув носом, наклонился, почесал коленку и, наконец, поднял глаза на отца.

— Пал, — осторожно спросил он, — а ты никому не расскажешь?

— Смотря что, — ответил отец, удивленно посмотрев на него.

— У меня сначала секрет, — тихо промолвил Коля и добавил: — Чужой секрет.

— А чужие секреты порядочные люди другим не открывают, — строго посмотрел папа Коле в глаза.

— Но без этого секрета будет непонятно, — совсем отчаялся мальчик.

Отец смягчился и, помолчав, сказал:

— Ну хорошо. Обещаю, что никому не проболтаюсь.

И Коля рассказал все честно, ничего не преуменьшая и не прибавляя.

Папа выслушал и задумался. Его глаза уже смотрели по-доброму.

— Да-а, — сказал он, барабанив пальцами по столу. — Тут есть над чем подумать. В драке ты, конечно, не виноват. Ты защищал свою честь. А это для мужчины очень важно.

Коле было приятно слушать папины слова, и он торжествующе посмотрел на притихшую пишущую машинку. Вот так-то!

Долго не мог Коля уснуть этой ночью. Смотрел в окно на звезды, на рогатый месяц и думал, что-то делают сейчас дядя Ваня и Яга Машенька. Неужто всегда Леший будет прятаться от злой Яги, а добрая Машенька не сможет заставить сестру не совершать злые дела. Даже папа, который все-все на свете знает, не смог ответить на этот вопрос.

Смотрел-смотрел Коля на звезды, но они стали расплываться, превращаясь в белесое облачко, и в полудреме слышал он, как в папиной комнате неожиданно застрекотала пишущая машинка. «Почему она не спит...» — подумал Коля и уснул.

Следующий день был пасмурным, дождливым, скучным. На прогулку не выпускали. Ребята сидели за столиками и лепили из пластилина фигурки животных. Коле хотелось пойти к дяде Ване и рассказать о своих приключениях, но разве уйдешь! Воспитательница Вера Николаевна ходила от стола к столу и сердито поглядывала на Колю. А он без конца катал в ладонях пластилиновый шарик — ничего не хотелось лепить. У других ребят и медвежата получались, и зайцы, и человечки, и каждого воспитательница хвалила. Наконец она не выдержала и подошла к Коле.

— Ты почему не работаешь? — Вера Николаевна нахмурила брови.

— А я уже слепил, — невинно ответил Коля.

— Что же? — Вера Николаевна сжала губы, и глаза ее стали совсем сердитыми.

— Колобок! — протянул Коля воспитательнице на ладошке желтый шарик.

— Ко-ло-бок! — растерялась Вера Николаевна и вдруг улыбнулась. — А и вправду красивый!

Она взяла его у Коли, а ребятам предложила:

— Давайте поиграем в сказку про колобок. Медведь и заяц у нас уже есть, лису Любочка Коншина заканчивает. Поиграем, а потом малышам из ясельной группы покажем кукольный театр.

Ребята радостно закричали:

— Давайте!

И тут дверь в комнату отворилась, и вошла незнакомая сутуловатая женщина в плаще и с черной сумочкой. От ее туфель на полу оставались мокрые следы. Волосы убраны под берет. Губы ярко накрашены. На крупном носу наклеен пластырь. Женщина быстро оглядела ребят, на секунду задержав взгляд на Коле, и произнесла хриловато, обращаясь к Вере Николаевне:

— Я представительница родительского комитета.

Сказала и уселась на свободный стул у окна.

Вера Николаевна, искоса поглядывая на неожиданную гостью, стала объяснять ребятам, что должны говорить колобок, медведь, заяц, лиса. Коля почти не слушал воспитательницу, а исподлобья посматривал на незнакомую женщину и вспоминал, что где-то ее уже видел. А та ерзала на стуле, хмурила брови. Потом встала, с грохотом выдвинув стул, что-то тихо сказала Вере Николаевне и вышла из комнаты.

Воспитательница объявила ребятам, что ненадолго уйдет и пусть они немного поиграют сами.

Коля выскользнул из комнаты вслед за Верой Николаевной и на цыпочках пошел по коридору. За дверь комнаты, куда вошла воспитательница, он услышал громкий голос незнакомки. Дверь была приоткрыта. Коля прижался спиной к прохладной стене и замер.

— Я повторяю, — говорил противный хриловатый голос, — у вас мне все понравилось, кроме этого сторожа. Разве вы не понимаете, что у детей от его страшного вида невроты будут приключаться?! — И добавила возмущенно: — Это же леший какой-то!

— Что вы, он очень добрый, — услышался голос одной из воспитательниц.

— Нет, нет, я решительно против. Неужто вы не можете найти кого-нибудь попримличней? Заставьте его хотя бы побриться и подстричься, — неожиданно очень знакомо хихикнула женщина.

И Коля ее узнал. Он рванул дверь, вбежал в комнату, красный и взволнованный:

— Дядю Ваню мы вам не дадим! А вы Баба Яга Пашка. И на носу у вас царапина от шишки еловой!

Все воспитательницы вскочили с мест, а представительница с неожиданной резвостью запрыгнула на стул и завизжала:

— Уберите от меня этого хулигана!

Потом громко с издевательской сказала:

— Я же говорю, что дети у вас нервные, видите, бредят Бабой Ягой!

И она боязливо потрогала свой нос с наклеенным пластырем.

Коля, не ожидая, когда воспитатели опомнятся, выскочил из комнаты, несмотря на гневный окрик Веры Николаевны. Он со всех ног побежал искать дядю Ваню. Но Лешего не было ни во дворе, ни в саду. На двери его комнатенки висел замок. Совсем отчаялся мальчик. Сел на ла-

АФОНЯ

вочку под окошком и заплакал. Он размазывал слезы кулаком, а они все лились и лились. Солнце сквозь слезы дробилось на несколько светящихся шаров, деревья расплывались и ходили ходуном, как в пляске.

«Откуда Пашка узнала, что Леший работает в их саду», — горестно думал Коля. И вдруг сердце у него упало. Он все понял. Не зря вчера ночью стрекотала машинка. Ведь она подслушала его рассказ папе и ночью отпечатала Пашке телеграмму. Значит, она предатель?! Коля залился слезами пуще прежнего и вдруг услышал над собой знакомый голос:

— Кто тебя обидел, малыш?

Коля поднял голову и увидел дядю Ваню в пиджаке и с сумкой в руках. Глотая слезы и всхлипывая, Коля все рассказал Лешему.

Дядя Ваня погладил его по голове, усмехнулся в усы:

— Не виноват ты здесь, сынок. Всяко бывает. А Яги Пашки я не боюсь. Ничего не сделает она мне. Главное, чтобы Машенька ушла от нее. Зло без поддержки быстро умирает.

Дядя Ваня сел перед Колей на корточки, вынул из кармана фигурку, которую вчера вырезал. Это был маленький Леший. Он вложил его Коле в руку.

— Это тебе подарок за смелость и доброту.

А на следующий день в садик поступила работать новая нянечка. Звали ее тетя Маша. У нее были такие же глаза и такая же улыбка, как и у Яги Машеньки. Ничего не стал спрашивать у нее Коля. Он понял, что уж теперь Яга Пашка потеряла злую власть над лесным народом.

Данилка в эти летние каникулы отдыхал в лесном поселке у дедушки своего, лесника. Вот пошли они однажды на старую гать сосновые посадки осматривать. А Данилка возьми и оторви две верхушки у саженцев, да и оторвал-то так, для забавы, а не за надобностью какой.

Рассердился тут дедушка Валентин. «Ты, — говорит, — зачем балуешь? Деревья-то — они живые!» — «Да ну тебя, деда, — ответил внук, — вечно выдумываешь, деревья, как камни, — мертвая природа. Мы по природоведению проходили».

«Мертвая? — сощурился дед. — Ну пошли-ка в старый ельник, и цветочков по дороге пособираем». — «Да чего я там забыл? Темно и паутины много», — стал отнекиваться Данилка. — «Вот то-то — темно! — обрадовался дед. — Вишь, у каждого леса, у каждого дерева свой характер имеется». Сказал так старый лесник, а сам нагнулся, сорвал ромашку и в сторону ближайшей березы ткнул. «Вон, вишь, береза? Нежная, белокожая, светится вся, с зелеными кудрями, невеста и только. А ведь это не совсем так. Чуть ветерок, она ветками, как руками, машет. Зато красоту людям дает, сок, бересту, горит жарко».

«Все это, дедунь, одна ботаника, а никакой не характер», — опять возразил Данилка. Дед фыркнул: «Ботаника! Скажешь! Лес — он живой, он человека чувствует. Злой человек без ушиба или шишки из него не выберется, а то и деревом придавит. Что, не веришь?! Ну так слушай».

И стал дед Валентин рассказывать сказку, да сказку не простую, а современную.

«В некотором поселке, в одном леспромхозе жил да был Афоня. Звали его Афоня-древостребитель. Заедет

в лес на тракторе и не столько бревна возит, сколько молодь давит. «По мне, — говорит, — лучше свет и вольный воздух. Хочу, чтоб поле было, и все тут!» Раз с ним поговорил лесник, другой, да толку мало. Что тут поделаешь? Шептунной!

А он знай не унимается. «Я, — говорит, — вообще этот ельник ваш заповедный видеть не могу!» Пожгу да пожгу. Рассказывают, однажды в полночь, как дурной, с факелом по ельнику бегал. «Уйди, — кричит, — чудище, уйди и на психику не дави!» А ельник-то действительно мрачный, глухой. Только не пожег его, а пришел домой испуганный, с шишкой на лбу. «Чем-то, — говорит, — металлическим долбануло». Одно слово — спятил. Откуда железо в деревянном лесу! Все так в поселке и порешили.

Тут как раз случись воскресник. А перед его домом три дубка молоденьких стояли и тополек. Афоня выскочил и на деревца с топором, все как есть порубил. Ворозато, с оглядкой, побыстрее, а сам орет каждому встречному: «А че? Затеняют мне, солнца с ними не вижу! А че? — воздух чище будет!» Это он про тополиный пух. Орет, сам оглядывается, будто оправдывается. Никто и не возразил. С чего только, думают, такая заноза из тебя вышла?

Только на другое утро после порубки случилось чудо. Отросли деревья за ночь. Выскочил Афоня, глаза, что тарелки, язык закусил и за топор. Хотел снова их порушить, пока не видел никто. Подошел, посмотрел, а дубки-то порослевые, из пеньков отросли, потоньше вчерашних, но такой же высоты. Ну и хрясь! хрясь! — готово дело, срубил и пожег.

А на другое утро снова стоят дубки с тополком, будто нетронутые, и листочками: «Зирь-зирь-зирь». Будто хихикают. День Афоня с деревьями насмерть рубится, день и другой день, а они все отрастают да отрастают. Уж народ смеяться начал: «Здорово кто-то над Афонькой шутит, за ночь снова дубки с тополком

подсаживает». Афоня же молчит, никому не говорит, что деревья-то порослевые, не посаженные. Чувствует, что столкнулся с неведомой силой и с того ходит смурной, разозленный. «Вот докажу, — про себя шепчет. — Царь я природы, аль не царь!»

Притаился Афоня на четвертую ночь. Глянь-поглянь, отрастают вдруг деревца в один миг. Кору быстро сбрасывают, и выходят из дубков три молодца, а из тополька в зеленом сарафане — девица. Берутся за руки, становятся в хоровод и поют:

Ой, злой человек, загубить нас хотел,
Ой, злой человек, порубить пожелал,
Ой, злой человек, ты беду накликал,
Только дров наломал, только дров наломал,
А нас не споймал, нас не споймал.

Трет Афоня глаза, никак понять не может — что с ним. Встал тут странный хоровод, и один молодец спрашивает: «Кто мы есть?» А все хором отвечают: «Трехсотлета дети!» — «Для чего живем?» — «Мы на пользу живем!» — «Отчего растем?» — «Мы от пользы растем!» — «Где погибель наша?» — «А в кольце коры!» — «Кто отмститель наш?» — «Трехсотлет-отец!» Сказали так, ударившись об землю, оделись корой и опять стоят еще крепче, краше и осанистей.

За голову Афонька схватился. «Одолеть хотят, издеваются, разыгрывают меня, ой разыгрывает кто-то!» И давай по комнате из угла в угол мотаться, всю ночь пробегал. Чувствует под утро — голова горяча, схватился за лоб. «Уж не схожу ль с ума?» — думает.

Однако решил попробовать, выскочил с ножом к деревцам и давай кольцевать. Надрезает кожицу, кольцом снимает, а дубки с тополком будто стонут, слезы на нагих стволах, как пот. Только ничего Афонька не видит, как затмение нашло: глаза красные, взгляд мутен. Протопал потом домой, заперся и весь день не выходил.

Вышел наутро, деревца уж сухие, на ветру звенят,

будто жалуются. Пошел Афоня на работу. И рассказывают, будто шел он полем, а на подходе к лесу дуб-трехсотлет стоял. И ударил дуб Афонию в ясен лоб, да ядреным желудем. Закричал тут Афонька диким голосом, домой кинулся и сидел он там взапертях восемь ден подряд да еще пятюк».

«Дедунь, — прервал тут сказку Данила. — А как же он, и на колодец за водой не ходил? Человек без воды может прожить только семь суток, мы по природоведению проходили». — «А кто его разберет, — задумался дед, — может, по ночам ходил. Да ты слушай, не перебивай. Отсидел он так все тринадцать ден, а как вышел — все и ахнули. Нацепил-то он на башку колпак черен, а чего под ним, то неведомо.

Все же ребятишки подглядели вскоре, что растет у него на голове молодой дубок. Лоб зудел-зудел, шелушился, почковаться начал и дубком на свет так и прыснул! Вот потеха была! Приходили юннаты к нему. «Мы, — говорят, — Афанасий Сергеич, в Москву про вас отписали, что вы есть редкий феномен природы. Вот скоро комиссия нагрянет, будут решать, куда вас?» — «Как куда?» — Афоня встревожился. «Ну, куда вас — к живой природе иль к неживой, может, в ботанический сад сдадут, может, в зоо, а может, в банку куда». «Человек я, человек!» — расвирипел тут Афоня, ногами затопал и юннатов прогнал.

А его еще пуще дразнят; молодые парни, его ровесники, на улице встречают: «Здравствуй, дерево!» — говорят. Директор лесхоза к себе вызвал. «Сколько раз говорил я тебе, Афоня, что твое древоистребление добром не кончится, а тебе хоть дуб на голове теши! Только скоро у нас выставка открывается «Человек и природа», все свои произведения демонстрировать будем. А тебя на центральное место, ты у нас главное произведение, мы тобой гордиться будем. Полное слияние человека с природой показывать будешь». Не выдержал тут Афоня, выскочил из директорских дверей, ду-

бом за притолоку зацепил, а в глазах слезы стоят.

Тут еще осень. Деревья лысеют и желтеют, и Афоня с ними, желтым листом да волосом так и сыплет. За пилу схватился, отпилить хотел, но побоялся, а ну как заражение крови? Что делать, — смертным воем воеет парень. Спасибо, кто-то подсказал. «Иди, — говорит, — к лесничему, он хозяин леса и таким, как ты, дубам помогать должен».

И пришел он к волшебнику, а волшебник тот в сидей форме ходил да в фуражке, и были у него дубовые листья в петлицах, назывался-то он лесничий, но все прекрасно знали, что никакой он не лесничий, а обыкновенный волшебник. «Волшебник-волшебник, — сказал ему Афоня, — спаси-помоги. Видишь, что на мне растет. Хожу и сам чувствую — деревенею».

Усмехнулся тут лесной волшебник. «Ищи, — говорит, — свищи свинью, которая под этим дубом копать бы стала! У глупости корни длинные». Не понял тех мудрых слов Афоня-древостребитель. Пошел в хлев, свинье голову сунул, копай, мол, хавронья, может, вырвешь с корнями напасть мою. А хряк здоровенный в хлеву стоял, ка-а-ак тяпнет за маковку нашего Афоню — искры из глаз! Последний лист с него слетел, да, видно, и спесь с гонором с тем листом. Пошел опять к волшебнику, бухнулся в ноги и заревел: «Спаси-помоги, лесной хозяин! Все, чего хочешь, проси, только освободи от напасти!»

Посмотрел на него лесничий. «Ничего мне от тебя не надо, только надо, чтоб ты покался. Приходи в старый ельник, на большую поляну, да ровно в полночь. Судить тебя будем лютым судом, да так, чтоб кровавыми слезами своими ты умылся. А не придешь — ходить тебе всю жизнь дубом!»

Пригорюнился Афоня, для него в старый ельник идти хуже казни, чует вину свою, ой чует! Ну да делать нечего.

Пришел он в полночь в ельник, на большую поля-

ну. Там уж вокруг все деревья собрались. Великие и малые, всех званий-величаний. Тут и сосна-переросток, и лещина-подросток, и старый осокорь-батюшка во главе семейства осокорят-пацанят, с ним почтенные ели с хвойной вязью на лапах. В общем, кого только нет, и весь-то лесной люд строго так на Афоню поглядывает.

Жутко стало на душе у Афоньки, потому что видит, как идет на него лесничий — лесной колдун. А лесничий-то уже не лесничий, на ходу у него сотни рук отрастают, а руки-то уже не руки, а ветви, а ноги-то не ноги, а сотни корневищ толстенных, и все шевелятся, вот уж катится на змеином клубке сам дуб-трехсотлет. «Ты зачем, — кричит, — малых детушек моих извел, добрых молодцев?!» Зашатался тут Афоня с того крику, наземь сел.

Трехсотлет же дальше держит грозную речь. «А и знаешь ли ты, что загубил единственну поросль мою. А и знаешь ли ты, невежа, что те дубки род свой ведут с Куликова поля, от дубравы той, что Россию спасла, в себя засадный полк приняла! Есть ли тебе пощада?!» Закричали деревья все: «Нет пощады ему!!!» Зябко делалось Афоне, мутно, нехорошо.

А Трехсотлет, осиротевший отец, еще пуще того кричит: «Ты зачем лесную молодь губил?! Думаешь, нам беду нанес? Ты само отечество свое родное, душу гусеницами испоганил!»

Данила не выдержал в этом месте и опять перебил деда. «Вот-вот, — оживленно заговорил он, — ведь из этих деревьев скипидар бы сделали, а он их трактором! Мы по природе...» — «Опять ты со своим ведением! — осерчал дед. — Двадцать тыщ веществ из дерев добывают, и что?! Лес — он заглавная надежда, опора. От Наполеона защитил и с фашистом сражался, фашист его танками и чем только ни жег, весь-то покалеченный лес. И татары в нем вязли, и шведы в засеках, а русских людей он кормил, поил, обувал, от всех напастей

берег. Слушай-ка лучше дальше, что Трехсотлет сказал. «Мы, — говорит, — леса — Россия сама!»

Лихо тут стало Афоне, лихо и от чего-то стыдно. Дух захватило, затомило всего, ком к горлу подкаптал.

«Ну а теперь откроем ему тайну?» — спросил у всех дуб-великан. «Откроем, откроем», — зашумели деревья.

И опять прервалась сказка. Прошли они несколько шагов молча, и дед заговорил, вздохнув: «Тут, вишь какое дело, бой был у партизан в ельнике... да-а... сколько пуль и осколков в елкиных телах и корневых буграх. Может, килограммы, тонны? А все бы в нас попало. Он стоит на защиту, на любованье, хороший ельник, только стрелка компаса в нем мотается, будто руды здесь залегают. Один раз геологи ошиблись даже...» Дед усмехнулся и замолчал надолго.

«Деда, — не выдержал Данила, — ну что дальше-то было?»

«Дальше? Дальше полезли на Афоню елки-калечки, трясут покореженными ветками, стонут сквозными ранами, рассеченными. Раступились калечки, выпустили стройную ель вперед, а она стоит молча, стыдливо лапами прикрывается. Загудел дуб-трехсотлет: «Не стыдись, сестра, нечего тебе стыдиться!» Разошлись еловые лапы в стороны, и почувствовал тут наш Афоня во лбу зуд знакомый, металлический, потому что в теле елкином сидело рьяное, злое железо — хвост осколочной мины впивался и остался, навеки врос. Прикрыла елка раны опять, попятилась.

«Не стыдись, сестра, — заскрипел старый дуб, — пусть он плачет! Ты отца его спасла, все осколки в себя приняла, пусть он стесняется!»

Вспомнил тут Афоня, за что невзлюбил мрачный ельник, тут отца ж его поранило, и сюда ж отец и помирать ушел. Вспомнил детство, все вспомнил и... заревел. Третий раз в жизни плакал, убивался, как ма-

ленький. Жалко было отца, себя жалко и деревья жалко. Горько, пусто было.

А деревья собрали все слезы, протягивают их на ветвях, глядь — на хвое да листьях уж кровинки блещут. Окунулся в них Афоня с головой, закружилась голова, и провалилось все в колодезь-бездну.

Проснулся он утром дома. Будто и не было ничего. Схватился за голову — нет на голове дуба. И на душе как-то... в общем, будто всю гниль да чернь осиновую из человека повытянуло. Услышал он, как птицы поют, как травы шумят. А за окном уж снова растут три дубка и тополек молодой.

С тех пор носит Афоня дубовые листья в петлицах, любит он лес, защищает его, и лес его тоже любит. И Афоней его уж не кличут, величают Афанасием Сергеем».

«Деда, а это вправду было?» — спросил Данила.

«Погоди, вот мы уж и пришли». Лесник подошел к высокой стройной ели и положил рядом с ней букет васильков и ромашек. Два сухих таких же букета лежали на корневых буграх, ствол ели перевязан был красной лентой, а из груди у нее торчал стабилизатор противохотной осколочной мины.

Павел РАЧКОВ

ХРУСТАЛЬНЫЙ БУКЕТ

Приключилось это давно, лет двести назад, а может, и больше, на земле Владимирской, на берегу тихой речки Гусь. Старые люди сказывают, в ту давнюю пору богатый купец Аким Мальцев открыл там хрустальный завод. Сейчас уж никто не припомнит: при нем ли это случилось или при его наследниках. А случилось вот что.

Работал на том заводе хрустальных дел мастер Ра-

зумей. Делал он хрустальные вазы, рюмки, бокалы. Хозяин продавал их богатым людям. Бедным-то не до хрусталя было. Вазы он делал на загляденье! Его работы показывали в Москве, в Петербурге, в Париже.

И была у Разумея дочка Белянушка. Славная девочка, но болезненная. Чем болела Белянушка? Никто этого не знал. Бабушка Лукерья Саввишна, как умела, лечила Белянушку: поила липовым цветом, парила ноги в настое трав — не помогало. Белянушку надо бы показать доктору, но докторов тогда было мало, и лечили они только богатых.

По соседству с Разумеем жил его выученик Демьян по прозвищу Ясноглаз. У этого Демьяна были братишка Тимоша и сестренка Фрося. Оба крепкого здоровья и очень сердечные ребяташки.

Тимоша, чтобы потешить больную подружку, поймал на конопляное семя снегиря, а Фрося сшила Белянушке куклу. Но Белянушка немножко порадовалась краснозобой птичке и выпустила ее. Куклу тоже отложила в сторону. Она даже ходить не могла, все лежала на толчане у печки, обложенная кожушками.

У Тимоши была собачка Тузик. И Тузик помогал Фросе с Тимошей развеселить Белянушку. Он умел очень смешно ловить свой хвост. Развеселят ее, бывало, но не надолго.

Бабушка Лукерья Саввишна спрашивала Белянушку:

— Чем же тебя потешить, горькая ты моя?

— Мне бы цветочков, — отвечала Белянушка.

— Цветочков?

— Да. Колокольчиков лиловых, ромашек белых, васильков голубых. Поглядела бы я на них — мне и стало бы легче.

Оно, может, и правда, помогла бы ей красота луговых цветов, да где их взять-то в такую пору? Зима на дворе, январские морозы трещат.

— Какие теперь цветы, — отвечает бабушка. — Сейчас один чертополох с ветром в поле спорит.

Только она это сказала, а Чертополох тут как тут:

— Кто меня звал?

— Никто тебя не звал. Убирайся, бес колючий!

Чертополох уколол бабушку и скрылся.

— У-у, идол! Не может пройти, чтоб не уколоть.

— Не тревожь понапрасну! — крикнул из сеней Чертополох.

Где же взять цветов? В те годы только у очень богатых помещиков были теплицы и оранжереи, где цветы росли и зимой. Обогревались теплицы дровами. Дров, конечно, много надо, да что это барину — мужики крепостные напилят и привезут сколько надо. Съездить бы куда, попросить цветочков для Белянушки, да разве дадут.

Рассказала Лукерья Саввишна про Белянушкино желание Разумею.

— Душа замирает, как она просит цветов! Сердце бы свое превратила в букет и поднесла ей. На, любуйся, милая ты моя! Кажись, сотворись такое чудо: принес бы в дом кто цветы — и Белянушка наша пошла бы на поправку! Выздоровела бы, ей-богу, выздоровела бы!

Разумей долго чесал затылок, потом отвечал так:

— Ты, Белянушка, с цветами погоди уж, когда придет весна-красна.

— А долго до весны?

— Теперь уж не долго. Январь, считай, кончается. За ним февраль — кривые дороги, большие сугробы, а там уж и март — веселые капли. В марте солнышко с зимой почнут спорить: солнышко повернет на лето, а зима будет на мороз воротить.

— А кто победит? — спрашивает Белянушка. — Лето?

— Знамо, лето. Оно сперва пришлет свою дочку весну-красну с теплом и с цветами.

— Ох, больно долго ждать-то, — вздохнула Белянушка.

— Потерпи, дочка, может, и пораньше что получится. Есть у меня одна думка.

Бабушка Лукерья ухватилась за слово:

— Придумай что-нибудь, Разумеюшко. Чай, не зря тебя так зовут. Ты всегда горазд на выдумки, да для других, а тут твоя кровиночка — помереть может. Думай неотступно. Говорят, есть такой цветок с самоцветным камушком посередке — больной поглядит на него, а еще лучше рукой потрогает — и хворь отпустит.

Разумей слышал про такой цветок. Лягушкин глаз называется. На болоте растет. Да где ж его добыть в такую пору. Мороз заковал все.

Поутру, встретившись у стеклоплавильной печи-гуты, Демьян спрашивал Разумея:

— Как там Белянушка, не пошла на поправку?

— Нет, все так же, — отвечал Разумей. — Цветочков просит, да так жалобно — за сердце хватает. Погляжу, говорит, на ромашки, васильки, колокольчики — и выздорою.

— А что, бывает, — соглашался Демьян, — человек загадает что-нибудь, если сбудется — ему и легче, а не сбудется — совсем захиреет.

Прилетела к ним частая гостья Сорока.

— А-а, Сорока-белобока! Погреться прилетела? — спрашивает Разумей, — или за красивыми стеклышками?

— За красивыми! За красивыми! — затрещала Сорока.

Дал Разумей Сороке красивых стеклышек и поделился с Демьяном своей задумкой:

— Что, если из хрустала попробовать сделать ромашки и колокольцы? Как думаешь, получится?

— Получится! У тебя, Разумей Васильевич, все получится! — Тут Сорока затрещала: «Из хрустала! из

хрустала!» — Вот, видишь, и Сорока говорит: из хрустала.

Сорока пообещала принести Разумею камушек, который ей подарила лягушка.

— Украла, небось, — пошутил Демьян.

Сорока очень обиделась. Ведь не все сороки воровки. Эта, чего ей надо, всегда попросит. Лягушка камушек ей подарила за спасение лягушонка. Лягушонок грелся на лопушке, а его подхватила ворона и полетела. Сорока затрещала: «Караул! Караул!» Ворона испугалась и бросила лягушонка. А он лапкой за куст зацепился. Лягушка-мать плакала. От огорчения у нее за ушами даже пузыри вздулись. Вот тут Сорока и отличилась. Она освободила лягушонка. Лягушка-мать прыгнула в тину, достала камушек и подарила Сороке со словами: «Этот камень, если его расплавить на огне, имеет большую силу».

Разумей попросил Сороку принести лягушкин камень. Поглядим, мол, что он собой представляет.

— Принесу! принесу! — затрещала Сорока и улетела.

Разумею заниматься хрустальными цветами было некогда. Хозяин на ту пору новую вазу заказал. И приказал, чтоб была лучше прежних, чтоб краше ее во всей России ни у кого не было. Сам, говорит, ее в Петербург повезу — царю в подарок. А время мастеру дал самое малое. Когда тут еще цветами заниматься?

Пришел Разумей похлебать щец, спрашивает:

— Как тут наша Белянушка?

Лукерья Саввишна ему отвечает тихо, чтоб Белянушка не слышала:

— Не дотянет она до весны. Видишь, в лице-то ни кровиночки. И все цветов просит.

Похлебал Разумей щей, обтер усы и сказал:

— Не горюй, Белянушка, будут у тебя цветы.

Белянушка обрадовалась:

— Колокольчики лиловые, ромашки и васильки будут?

— Все будет.

— А когда?

— К следующему воскресенью.

— Ой, папаня, я буду ждать, — загодя радуется девочка.

— Жди.

Сам надел зипун, завязал фартук и пошел на завод. В сенцах его нагнала бабушка Лукерья и тихонько, чтоб не слышала Белянушка, принялась корить:

— Наобещал. Она ведь ждать будет. Придет воскресенье, что тогда скажешь?

— А ничего. Принесу букет — вот и весь сказ будет.

— Где ты его возьмешь. У печки-гуты цветы не растут. Там мухи и те дохнут.

— Растут, еще как растут, — улыбнулся Разумей.

— Ну-ну, выдумщик. Поглядим, что ты придумал.

Белянушка стала считать дни, когда отец принесет цветы. И все волновалась, как бы мороз не загубил их. Просила папаню, чтоб завернул хорошенько, как домой понесет.

Отец успокоил:

— Тем цветам, какие я тебе принесу, никакой мороз не страшен. Жди. Теперь уж не долго.

Друзья навещали Белянушку часто. Тимоша с Тузиком устраивали для нее игры. Тузик словно понимал, что надо потешить больную, старался показать свое уменье. Он то на задних лапах ходил перед ней, то пытался свой хвост ловить. Ну, Белянушке и повеселее немножко.

Разумею, чтоб управиться с вазой к сроку, назначенному хозяином, и найти час-другой на букет для Белянушки, приходилось занимать время у ночи: работать по два-три часа сверх двенадцати, как тогда было заведено у хозяев.

Очень его донимал хозяйский приказчик Можжевельный посох. Он был сухопарым, долговязым, а на голове и по всему лицу у него розовели шишки, как на

можжевельной палке. Вот и прозвали Можжевельным посохом. Так этот приказчик по пяти раз на день заходил проверить, как Разумей исполняет приказ хозяина.

И все-таки Разумей ухитрился сделать цветы из хрустала. Букет получился отменный. Демьян уверял, что цветы даже лучше живых. А чтобы Разумей не спорил с ним, Демьян постучал по колокольчикам стеклянной палочкой.

— Во! Слышишь? Разве луговые колокольцы так звенят?

— Будет ли в них сила, чтоб поднять Белянушку? — сомневался Разумей.

— Лягушкин-то камень тут? Расплавил?

— Нет. Сорока пообещала, а не принесла.

— Болтунья наша Сорока, — сказал Демьян. — Хуже нет, когда обещанное не исполняют.

Весь их разговор слышал Чертополох. Он, как всегда, словно из-под земли выскочил и громко заявил:

— У этого букета никакой силы нет. Он не поможет больной.

— Почему? — спросил Разумей.

— Васильки, ромашки, колокольчики — какая же в них сила? Вот если бы ты меня взял в букет — совсем другое дело.

— А ты кто такой? — спросил Разумей, будто он впервой видит колючий бурьян.

Чертополох приосанился и важно представился:

— Чертополох Бурьянович! Царь цветов.

Демьян не мог удержаться от смеха. Насмеявшись, сказал:

— Царица цветов — Роза.

— Все почему-то так думают, — сказал Чертополох. — Но ведь у меня колючек гораздо больше, чем у Розы. Они у меня и на стеблях, и на листьях, и даже на самой лиловой цветочной кубышке.

Чтоб Демьян убедился в этом, Чертополох его слегка уколол.

— Колючек у тебя больше, — согласился Демьян.

— В сто раз больше! — воскликнул Чертополох.

— Но зато у Розы какие цветы!

На это Чертополох ответил, что Роза растет в садах, на клумбах. Если бы и ему дали такую землю, то он был бы еще красивее и колючек у него было бы еще больше.

— Чертополох, куда его ни посади, Чертополохом и останется, — сказал Демьян.

За это его самозванный царь цветов уколол пребольно и повернулся к Разумею. Разумей растерялся. Он понял, что Чертополох обладает злой силой и будет ему строить всякие козни. Решил с ним поосторожнее обойтись. Сказал уклончиво:

— Куда я тебя, такого большого, пристрою в букет?

— А ты возьми моего сыночка, — предложил Чертополох. Да как затрещит! И тут же появился маленький Чертополошек. Маленький, но уже колючий. — Иди, иди сюда, малыш, покажись дяде Разумею. Уж больно ты застенчивый.

А застенчивый-то скок Демьяну на ладонь — и уколол, постреленок. Демьян трясет рукой, а Чертополохи смеются.

Разумей отказался взять в букет и маленького Чертополошка. Места, мол, ему не нахожу. Старый Чертополох предложил выбросить из букета ромашку.

— На что тебе эта гадалка. Спроси ее про погоду и она нагадает: «Либо дождик, либо снег, либо будет, либо нет».

— Ромашка красивая, — возразил Разумей.

— Тогда васильки выбрось, или колокольчики, — не унимался Чертополох. — Зачем тебе эти слабаки-недотроги? Чуть тронул — они и пищат. — Он стукнул своими сухими колючками по колокольчику — раздался мелодичный перезвон. — Видишь, какие они недотроги?

Разумей не знал, как и отказаться.

— Тут видишь, какое дело, Чертополох Бурьянович, дочка у меня больная...

Чертополох не дал и договорить:

— И ты сомневаешься? Дочка вялая, еле ходит, а он еще раздумывает. Я как начну колоть — сразу зашевелится!

Разумей замахал руками:

— Нет, нет! Нам это не подходит.

— Ну, гляди! Я этого не прошу. — И с этими словами исчез.

Тут появилась Сорока. Принесла Разумею камень. Она, оказывается, его долго искала. Осенью чистила гнездо и печально выбросила вместе с мусором. Под снегом нашла. Разумей дал Сороке цветных стеклышек, и она улетела.

— Вроде и не камень, а семечко какое, — сказал Разумей, разглядывая лягушкин камень. — Ну, что бы Сороке денька на два пораньше принести. Простой свинец, сплавленный со стеклом, и то вон какую силу имеет. А это, видать, не простая штука.

В тот самый час хозяин Самовар Акимович с приказчиком ходили по заводу и зашли к Разумею. Наверно, удивляетесь, что за имя — Самовар? Прозвище это. Хозяин был тучен, краснолиц и весь так и пышал жаром, как начищенный самовар. Вот и прозвали.

Демьян первым заметил Самовара Акимовича с Можжевельовым посохом, шепнул Разумею:

— Прячь букет!

Разумей спрятал.

Хозяин посмотрел, как идут дела у мастера Разумей. Похвалил его за узор, сделанный в виде снежинок. Этот узор. Разумей нарезал алмазом. Повертев вазу в руках, Самовар Акимович сказал:

— Не опоздай. Дорога ложка к обеду. А то мне не с чем будет ехать в Петербург.

Можжевельовый посох начал тут выказывать хозяину свое усердие, напустился на Разумей:

— Я тебе говорил, что хозяин едет в Петербург? Пять раз говорил!

Разумей отвечал: «Постараюсь сделать». А работы оставалось еще много. Грани надо было шлифовать, полировать, а снежинки и другие узоры травить кислотой.

Чтоб сбить пыл с приказчика, Демьян пустился на хитрость: начал хвалить Разумея.

— Этой вазой, — сказал он хозяину, — Разумей заморским мастерам нос утрет.

Хозяин, стоя у жаркой печи, с непривычки вспотел, достал платок, стал пот утирать. Потому с ответом Демьяну помедлил, а Можжевеловый посох подумал, что хозяин не согласен с Демьяном, и высунулся:

— Ты, Демьян, так говоришь потому, что не видал работ заморских мастеров.

Хозяин ему на это:

— А я видал, и скажу тебе: наш Разумей заморским мастерам не уступит.

— Не уступит! Вот те крест, — не уступит! — Подхватил Демьян.

Можжевеловому посоху это не по нутру пришлось. Он начал крутить туда-сюда своим длинным носом, вроде бы принюхиваться, и тут заметил спрятанный Разумеем хрустальный букет.

«Плохо спрятал», — подумал Разумей, но услыхал злорадный смех Чертополоха и понял, что это он навел приказчика на букет.

А Можжевеловый посох уже показывает букет хозяину и каркает:

— Мастер Разумей посторонним делом занимался. Вот почему ваза не готова.

Разумей смутился, отвечает сбивчиво:

— Дочка Белянушка у меня болеет... Все цветов просит. А где их возьмешь в эту пору? Вот я и решил... потешить.

Хозяин залюбовался букетом. От печи на цветы па-

дал свет, и они сверкали, словно живые, росой утренней окропленные. При прикосновении позванивают переливисто так, словно в них волшебная музыка спрятана.

— Ну, что скажешь, заступник заморских мастеров? — спрашивает хозяин приказчика.

— Это очень хорошо! — отвечает Можжевеловый посох. — Хочу дать вам совет: дарите царю не вазу, а этот букет.

Разумей с Демьяном притихли, ждут, что скажет хозяин. Ведь если он послушает совета приказчика, то Белянушку обрадовать будет нечем. А она ждет. И как ждет — сил нет глядеть на ее ожидание!

Хозяин повертел букет в руках и сказал:

— Славная вещица. А все-таки царю повезу вазу. Чтоб к сроку была готова.

— Не успею, ваше степенство, — отвечал Разумей.

— Успеешь. Я два раза приказывать не люблю. — Повернулся к приказчику, наказал, чтобы проследил, и, будто он ничего не слышал о больной девочке, передал букет Можжевеловому посоху со словами: — Эту вещицу отнеси ко мне домой. Пусть Оринка порадует.

Распорядился и ушел. Приказчик за ним следом. Демьян заступает ему дорогу, говорит тихо, но внушительно:

— Оставь букет!

Можжевеловый посох ему:

— Ты что, не слышал приказ хозяина?

Напрасно Разумей с Демьяном говорили ему о больной девочке.

Можжевеловый посох отвечал так:

— Это есть чепуха! Материал — хозяина, печь, инструмент — хозяина, значит, и букет — хозяйский.

Демьян хотел пострадать приказчика — сжал кулаки. Тот с перепугу завизжал, как поросенок:

— Это бунт!

Разумей загородил Демьяну дорогу:

— Леший с ним.

Можжевеловый посох попятился, торопливо прикрыл дверь и понес букет хозяйской дочке Оринке.

И тут сразу выскочил Чертополох, говорит Разумею:

— Промахнулся ты, мастер. Взял бы меня в букет, — хозяин и не прикоснулся бы к нему и даже не взглянул бы.

Демьян опять прогнал злую нечисть. И стали они с Разумеем думать, как выполнить обещание, данное Белянушке. Если бы не ваза, которую тоже надо сделать ко времени, Разумей успел бы сделать второй букет. Что тут делать?

Демьян сгоряча посоветовал:

— Делай букет.

Так Разумей поступить не мог, потому что хозяин тогда не поглядел бы, что он хороший мастер, прогнал бы его с работы, а это значит: помирай с голоду. Что же придумать?

Демьян придумал. И только начал было: «А что, если...» Но тут пришли к ним Тимоша с Фросей, принесли в кузовках еду: Тимоша — Демьяну, Фрося — дяде Разумею. Ее Лукерья Саввишна попросила по-соседски. Сама-то она не могла уйти от больной внучки. Разумей с Демьяном похвалили ребятшек и принялись за еду. Едят да спрашивают, что, мол, делали? «С горки катались», — отвечают.

— Белянушку навещали? — спросил Разумей. — Как она там?

— Все так же, — отвечает Фрося. — Цветочков ждет. «Скоро, — говорит, — папаня принесет, я погляжу на них — мне легче станет. И я буду с вами ходить с горки кататься».

Разумею эти слова, как кипятком по сердцу. А Тимоша еще добавляет:

— Вы уж, дядя Разумей, не опаздывайте, а то она, внаете, как ждет.

Разумей в ответ ничего не сказал. Тимоша и догадался: «Не получается у дяди Разумея букет». И Тупик словно догадался, заглядывает Разумею в глаза и поднимает то одно ухо, то другое, будто спрашивает: «Не получилось? Как же теперь?» Фрося тоже разволновалась. Тут Демьян и рассказал ребяткам, как хозяин с Можжевеловым посохом ястребами налетели и унесли готовый букет.

Тимоша возмущается:

— Вы бы сказали, что для Белянушки делали.

Разумей только махнул рукой:

— Что им наши слова.

Пошли домой Тимоша с Фросей с пустыми кузовками и стали думать, как быть.

И Демьян с Разумеем неотступно думали.

— Послушай, — говорит Демьян. — Ты делай новый букет, а я за тебя вазу доделаю. Ты не сомневайся. Я постараюсь.

Разумей взял с полки вазу и передал ее Демьяну со словами:

— Выручай, Демьянушка Ясноглаз. Ты уже премного горазд. Верю в тебя.

Так они и порешили.

Тимоша тоже придумал: надо выбрать время, когда Оринка со своей нянькой будет на улице. Тимоша залезет в форточку и заберет букет.

Фрося выслушала его план и говорит нараспев так:

— Нехорошо. Это, выходит, мы воровать пойдем.

— Так ведь для Белянушки.

— Воровать и для Белянушки — негоже.

Тогда Тимоша говорит:

— Никакое это не воровство. Букет дядя Разумей сделал для Белянушки. Это они, хозяин с приказчиком, у него украли, а мы пойдем и заберем.

На это Фрося ответила:

— Тогда надо не в форточку лезть, а в дверь идти.

— Да нас и на порог не пустят.

— Пусть, — сказала Фрося. — Тетка Степанида открывает. Она добрая.

Пошли они к хозяйскому дому. Впереди Тузик. Он то и дело оглядывается, словно спрашивает: «Туда ли мы идем? У этого большого дома раньше мы никогда не бегали».

На улице, бывало, Фрося с Тимошей с горки на санках катаются, а нянька Оринку возит. И Оринка еще кричит на нее, старую: «Но! Скорее! Скорее хочу!». Та встанет дух перевести, Оринка ее хворостиной. Степанида выбьется из сил, скажет: «Моченьки моей нет. Каталась бы сама, вон, как Тимоша с Фросей катаются — любо поглядеть». А Оринка пуще хворостиной машет да кричит: «Не хочу с ними кататься! Пошел! Пошел!» Как тятенька ее на рысаков кричит, так и она на старую няньку. Потом что придумала: «Прогони Фроську с Тимошкой с моей горки. Одна хочу кататься!» — «Почему горка твоя? — спрашивает Тимоша. — Нам ее Демьян с Разумеем устроили. И мы помогли». — «Все равно моя! Уходите!» Няньке приказывает: «Прогони их!» — «Да что ты снег-то купила, что ли?» — говорит ей Фрося. «Купила!» — и кричит на всю улицу.

Вот какая была хозяйская дочка Оринка, которой достался хрустальный букет.

На ту пору, когда Тимоша с Фросей и Тузик подошли к хозяйскому дому, Оринка была дома и, как всегда, капризничала. Степанида просто не знала, чем ее и ублажить.

— Вон, глянь-ка, какую красоту тебе тятенька прислал, — показывает на букет, сама ахает да языком причмокивает, в ладоши прихлопывает. — Ах, какой красивый букет!

Оринка отворачивается. Степанида яблоко ей дает:

— Вот яблочко. Глянь, какое оно румяное, как наша Ориночка.

И яблоко ей не надо. Это зимой-то! Кинула на пол. Степанида измучилась с ней — сил нет. «Чего же тебе,

сахарная ты моя? — спрашивает, а про себя думает: Мучительница! Извела ты меня совсем своими фокусами». А Оринка увидела в окно Тимошу с Тузиком и потребовала:

— Хочу собаку. Пусть Тимошка отдаст мне своего Тузика.

Степанида ей:

— На что тебе Тимошин Тузик? Да тебе тятенька — только попроси — не такого дворнягу — красивого пса купит.

Не нужен ей красивый. Подавай ей сию минуту Тузика.

Пошла Степанида на улицу, привела Тимошу с Тузиком и Фросю. Вошли ребята в хозяйский дом, радуются: думали, их не пустят, а вышло вон как, пригласили даже. Оробели поначалу, стоят у порога, снег с валенок околачивают. А Тузик сразу пробежал на середину залы и встал перед Оринкой на задние лапы. Очень ей это понравилось. Ну, она сразу за свое:

— Тимошка, отдай мне Тузика.

— Ишь какая, проси что другое, а Тузика не отдам.

— Отдай!

— Не отдам.

Тимоше жалко расстаться с Тузиком. Ведь ему папенька принес его маленьким щеночком. И все, чему его научил Тимоша, сейчас он Оринке показал в лучшем виде.

— Нет, — повторил Тимоша, — Тузика не отдам.

Тогда Оринка сказала, что и он у нее может попросить чего-нибудь. Она не пожалеет. Фрося потихоньку шепчет брату: проси, мол, хрустальный букет за Тузика. Тимоша вроде бы и не слышит. Ведь ему расстаться с Тузиком, что крестьянину с лошадью или хозяйке с коровой. А Фрося знай шепчет:

— Для Белянушки жалеешь?

И тогда Тимоша решился.

— Ладно, Оринка, бери Тузика за букет.

Степанида забеспокоилась:

— Как бы нас хозяин не забранил? Букет-то хрустальный. Вещь дорогая, вон как звенит.

Оринке что ее слова.

— Мой букет! Что хочу, то с ним и сделаю. Вот захочу и разобью сейчас.

И бросила бы на пол букет взбалмошная девчонка, да спохватилась: за Тузика нечем будет тогда платить.

— Забирайте, — говорит, — свой букет и уходите. Я одна буду играть с Тузиком.

Тимоша хотел было рассказать, как надо обращаться с Тузиком, чего он любит, чего не любит. Оринка затопала ногами:

— Сама знаю! Уходите!

Фрося растолковала Тузику, почему он должен остаться у Оринки, он согласился. Для Белянушки и он готов послужить.

Оринка говорит:

— Тимошка, скажи Тузику, что он теперь мой. Теперь я его хозяйка, и пусть он играет со мной.

Тимоша посылает Тузика:

— Иди к Оринке.

Попросил Оринку, чтоб она хоть на улице иногда разрешала ему играть с Тузиком. Оринка отвечает:

— Купи себе собаку и играй. Тузик мой. Я одна буду с ним играть.

Тимоша и Фрося стали прощаться с Тузиком. Он подал им лапу.

— Теперь иди к новой хозяйке, играй с ней, — сказал Тимоша и отвернулся: слезы утирал. — Прощай, Тузик.

А Оринка уже гонит Фросю с Тимошей. Нечего, дескать, играть с чужой собакой. Ну, они взяли букет и пошли. Теперь скорее к Белянушке. Вот она обрадуется! Фрося просит Тимошу: «Держи хорошенько, не урони».

Оринка в это время принялась за Тузика. А он ее

не слушает, на дверь поглядывает. Степанида волнуется, как бы от хозяина не попало ей за такой обмен. Что сама думает — вслух говорит. А Оринка ей:

— Перестань! — И командует Тузику: — Укуси! Укуси!

Тузик не поймет, почему он должен укусить Степаниду? Глядит, хвостом крутит. Та свое — укуси! Тузик начал сердито ворчать, но не на Степаниду, а на Оринку: чего, мол, зря меня на человека натравливаешь?

— Собака-то умнее тебя, — тихонько сказала Степанида.

Оринка это услышала и совсем из себя вышла.

— Кусай, тебе говорят!

Тузик не слушается. Тогда она схватила его за хвост. А он этого страсть как не любил! Взвизгнул отчаянно. Тут как тут невидимкой Чертополох явился. И сразу уколол Тузика, а заодно и Оринку.

— Ты чего колешься? — визжит Тузик.

— Ты сам меня уколол! — кричит Оринка.

— Нет, это ты меня уколола! Еще раз уколешь — я тебя укушу.

Чертополох тут же уколол Тузика, и он тяпнул Оринку.

О, что тут было! Тузик скулит. Оринка кричит, трясет укушенной рукой, топает ногами. А Чертополох злорадно хохочет. Стравил человека с собакой и радуется. Тузик со всего маху кинулся на дверь, она распахнулась и пес убежал.

Фрося с Тимошей еще не дошли до своей ледяной горки, а Тузик их уже догоняет. Забежал вперед, ластится: не прогоняйте, мол, не оставляйте больше у Оринки — она злая. Ребятишки все поняли. Что тут делать? Сейчас Степанида прибежит, заберет обратно букет. Так оно и есть. Бежит Степанида, за ней Оринка. Одна кричит: «Букет, букет давайте обратно!» Другая: «Возьмите свою кусачую собаку!»

— А на что он мне такой кусачий?! — кричит Оринка, показывая на Тузика, и хочет отнять у Тимоши букет.

Тимоша от нее увернулся, Тузик ему помогал: хватал за полы то Оринку, то Степаниду. Фрося с замиранием сердца глядела, как бы Тимоша в суматохе не уронил букет. И тут появился Можжевеловый посох.

— Мальчишка украл букет?

Тимоша кричит:

— Не воровал я. Оринка захотела сменить на Тузика.

Приказчик не поверил, бросился за Тимошей. Тузик оставил Оринку со Степанидой и начал гоняться за приказчиком, схватил зубами подол длинной дубленой шубы и оторвал большой клочок. Долго крутилась эта карусель. Можжевеловый посох все-таки изловчился, схватил Тимошу и со словами: «Ах ты, каналья!» резко тряхнул его за воротник. У Тимоши из рук выпал букет и разлетелся звонкими брызгами.

Все остолбенели, потом заахали. Фрося даже заплакала от огорчения. Только Оринка не пожалела букета.

— Вот и хорошо, вот и хорошо, — сказала она. — Ни вам, ни мне.

Мимо проезжал Самовар Акимович на своем породистом рысаке, запряженном в сани.

— Тпруу! Что тут происходит?

Приказчик докладывает:

— Ох, ох, мальчишка украл букет. Я поймал мальчишку и... и набил, и разбил...

— И набил себе шишку? — хохочет хозяин. — Мало тебе шишек. А это что? — показывает хозяин на рванный полшубок.

— Ох, ах, это паршивая собачонка Тузик. Сейчас я вам все расскажу.

Приказчик вскочил было на концы полозьев, но хозяин торопился, махнул вознице, езжай, мол. И тот пустил рысака, а Можжевеловый посох полетел вверх

тормашками. Тут на него опять налетел Тузик и вырвал из полшубка еще изрядный клочок.

Ребятам смешно. На минуту забыли даже о своем горе, а как глянули на свои пустые руки — загрустили. С чем теперь к Белянушке идти?

И вот наступил тот день, который называл Разумей. Фрося, Тимоша и Тузик с утра были у Белянушки. Сам Разумей с Демьяном ушли на завод: ваза для царя была еще не готова. Белянушка все спрашивала: «Скоро ли папаня принесет цветы?» Бабушка Лукерья утешала ее, потерпи, мол, часик-другой, придет папанька. Он же тебя никогда не обманывал.

Тимоша не выдержал и потихоньку рассказал Лукерье Саввишне, что произошло у ледяной горки. Лукерья Саввишна, оказывается, знала уже об этом от Фроси. Она похвалила Тимошу:

— Ты молодец, не пожалел для Белянушки

Тузика. А что не получилось, как хотел, так в том вина не твоя — Оринки взбалмошной.

Тимоша сказал, что он самый верный друг Белянушки.

— Белянушка ведь хорошая. Когда она не хворала, играла со мной и Фросей и тебе помогала: коз пасла, грядки полола и поливала.

— Не тужи, — сказала Лукерья Саввишна. — Разумей с Демьяном что-нибудь придумают...

В то самое время, когда Тимоша с Фросей горевали, а Лукерья Саввишна утешала их, мастер Разумей сплавлял новый хрустальный букет с лягушкиным камнем. Брошенный в печь, камень вспыхнул ярким светом.

— О, какая в нем сила! — воскликнул Разумей.

Демьян принес вазу.

— Ну-ка, ну-ка, Демьянушка Ясноглаз, покажи, как ученик довел до ума работу учителя?

Взяв у Демьяна вазу, Разумей долго крутил ее в руках. Конечно, он отличил свои снежинки и другие узоры от тех, что сделал Демьян, но только он, такой тонкий мастер, и мог отличить. Никто другой не догадался бы, что ваза наполовину сделана учеником — до того чистую и тонкую работу показал Демьян!

— Изрядно, изрядно. Ай, какой ты молодец, Демьян! Разумей обнял своего ученика.

— Ты, Демьян, пойдешь дальше меня. Старые люди так говаривали: мастер славен не только тем, что сделано его руками, но паче того учениками своими. И больше почитается тот, кого ученики превзойдут своим мастерством. Ты, Демьян, превзойдешь меня. От тебя братишка Тимоша научится. Смышлен мальчонка и глаз верный имеет. Так оно и пойдет, и не оскудеет земля Владимирская и вообще русская земля умельцами. Спасибо тебе, Демьянушко, — растроганно так сказал и низко поклонился.

— За что благодарите, Разумей Васильевич, — за-

смуцался Демьян. — Это я должен благодарить — за науку.

— Я за то тебя благодарю, Демьянушко, что уменье мое воспринял, и так преуспел, что в нужную минуту выручил своего учителя.

Демьяну не терпелось взглянуть на новый хрустальный букет.

— Сейчас увидишь, — сказал Разумей. Он покрутил железным стержнем в печке и выхватил оттуда букет.

Мастерская осветилась радужным светом, наполнилась хрустальным перезвоном.

— О, диво дивное, чудо чудное! — воскликнул Демьян. — И как это тебе удастся, Разумей? Я, наверно, никогда не смогу делать такие вещи...

— Придет время — сделаешь, — сказал Разумей.

— Нет, ты настоящий волшебник! Мастерство твое непостижимо. Этот букет гораздо лучше первого.

Полюбовались они еще немного делами рук своих и поспешили домой — Белянушка заждалась. Разумей с вазой зашел в контору. Можжевеловый посох зажмурился от ослепительного сияния хрусталя, сказал: «Очень хорошо» и помчался к хозяину с таким видом, словно он сам сделал вазу.

Демьян с букетом, завернутым в холстину, поджидал Разумея на улице. Увидел его, спрашивает:

— Ну, как понравилась ваза?

— И не взглянул как следует.

— Верит мастеру Разумею.

Скорее, скорее домой. Заждалась Белянушка. Демьян шагает впереди, Разумей за ним, долговязым, едва поспекает. Снег под ногами хрустит, как ядреная капуста.

Дома у Разумея Тимоша, Фрося, Лукерья Саввишна и Тузик утешают Белянушку. Бабушка говорит:

— У папани сегодня день тяжелый: срок вышел вазу сдавать. Он, наверно, поэтому и задержался.

Тузик решил бежать навстречу Разумею с Демь-

яном. Тимоша открыл ему дверь, — в избу влетела Сорока и затрещала: «Чертополохи! Чертополохи!» Тимоша быстро хлопнул дверью, но маленький Чертополох успел проскочить в избу и сразу устремился к Белянушке. Все гонят незваного гостя, а он, как зверек, огрызается.

Бабушка схватила ухват, прижала колючего пропыру к стене и, прихватив фартуком, чтоб не уколоться, выбросила за дверь. А за дверью-то стоял старый Чертополох. Он успел сунуть в притвор свой отросток. Бабушка его прищемила дверью. Чертополох заорал:

— Ой! О-о-й! Отдай мою любимую руку!

Бабушка приоткрыла дверь, чтобы он убрал свои колючки, а Чертополох старается протиснуться в щель. Тогда бабушка накинула дверной крючок. Чертополох орет что есть мочи.

— Ори, ори! Сейчас я тебя... — бабушка взяла под лавкой косарь, которым пол скребут и лучину колют, и отрубила торчащий колючий отросток.

Положила бабушка под лавку косарь и видит: обрубок на полу зашевелился. Потом из него с шумом вырвался дым. Вот дым рассеялся и на том месте, где лежал колючий обрубок, появился букет цветов. Он похож был на тот, что разбился, только в центре торчал длинный колючий стебель. Букет вдруг начал подпрыгивать и приближаться к Белянушке.

Белянушка обрадовалась:

— Гляди, бабушка, цветы сами ко мне пришли!

Сорока кричит:

— Чертополох! Чертополох! — и так и налетает на букет.

Тузик принюхался к букету и начал яростно на него лаять.

И тут вошли Разумей и Демьян. Разумей сразу заметил чертополошный букет и закричал:

— Белянушка, не прикасайся к этим цветам! От них тебе худо будет!

— Но ты других не принес.

— Принес, Белянушка, принес!

Разумей сдернул с хрустального букета холстину — и вся изба наполнилась светом, заиграли солнечные зайчики, на колокольчиках лиловые, на ромашках — белые, на васильках — голубые. Демьян постучал по колокольчикам палочкой — раздался перезвон.

Вдруг что-то задымило и зашипело. Глянули, а это чертополоший букет сгорел. Не устоял, значит, перед настоящей красотой.

Разумей поднес букет Белянушке. Она тронула его рукой, и все увидели, как лицо ее, до той минуты серое и землистое, вдруг стало розоветь. Она встала со своего топчана. Фрося и Тимоша хотели было подхватить ее под руки, но Белянушка отстранила их и пошла по избе, сперва робко, потом смелее, смелее. Тимоша и Фрося от радости начали плясать. И Белянушка, глядя на них, начала приплясывать. Тут и Демьян пустился вприсядку, Лукерья Саввишна с Разумеем захлопали в ладоши.

Вот какая сила была в том хрустальном букете, сделанном замечательными мастерами!

Алексей КНУТОВ

КАТЕНА

В одной деревне жил горбатый старик. Он был такой старый, что никто не помнил, сколько ему лет. У него была длинная седая борода и лохматые седые волосы. Изба старика стояла около речки, где росла густая трава. Жители деревни боялись старика и старались не попадаться ему на глаза, потому что считали его колдуном. Кроме старика, в избушке жили черный кот и большая лохматая собака. Ни кот, ни собака в деревню не ходили. Кота люди иногда видели около

речки, и тогда они швыряли в него камни и гнали прочь. А собака показывалась только у изгороди.

На другом конце деревни стояла старая изба, в которой жил пастух Никишка. У него было три дочери. Самую младшую звали Катеной. Жили они бедно. Жена Никишки часто болела, а потом умерла. Весной Никишка наматывал кнут на плечо, брал мешок и говаривал, уходя на чужбину:

— Эх, кабы одну из вас замуж отдать осенью...

Но наступала осень, а замуж сестер никто не брал. Уж давно они выросли, стали ленивые, все рядились да гуляли. А всю работу домашнюю Катена делала, в награду же ей доставалась от сестер одна ругань да обноски.

— Нам замуж выходить надо, — говорили они. — А тебя, оборвыша, все равно никто не возьмет.

Вот однажды ушел Никишка на чужбину да и не вернулся больше. Ждали его дочери, ждали — не дождались. Решили разделить все, что в доме было, на две части. Попросила Катена свою долю. Ничего не дали ей сестры, только обругали да выгнать еще пригрозили. Горько стало Катене. Пошла она вечером за коровой, задумалась, батюшку Никишку вспомнила. Брела, брела по высокой траве да и зашла к самому дому старика. И наткнулась на черного кота. Испугалась Катена, хотела назад бежать, ведь кот этот был старого колдуна — мало ли что может случиться? А кот замурлыкал и потерял о Катенину ногу. Жалко стало кота Катене: все его бьют да прочь гонят. Был у нее с собой кусочек черного хлеба, положила Катена его на траву перед котом и ладошкой по шерсти погладила. Съел кот хлебушек и заговорил вдруг человеческим голосом:

— Спасибо, Катена. Доброе дело ты сделала. Скажи, что тебе хочется? То и исполнится.

Не успела Катена испугаться, как кот исчез.

— Корову бы найти, — сказала Катена. И только

успела она это произнести, глядит — а корова уже перед ней стоит, траву щиплет.

Прошло некоторое время. Еще злей стали сестры. Поругались они меж собой, потом к Катене приставать стали. Все им кажется, что в доме плохо убрано, платья не стираны, обед невкусный. Плохо стало на душе у Катены. Захотелось ей снова кота увидеть. Пошла она к тому месту на речку, только кота не встретила, а попалась ей навстречу собака. У Катены ноги подкосились от страха. Попятилась она, к дереву прижалась и подумала, что сейчас эта страшная собака на нее бросится. А та подошла тихонько, легла перед Катеной, хвостом помахивает. Успокоилась Катена, осмелела, наклонилась к собаке и погладила по спине. Была у нее горбушка хлеба, отломилла она кусочек и перед собакой положила. Съела собака хлеб и человеческим голосом заговорила:

— Ты меня накормила — я тебе добром отплачу. Подумай, что тебе хочется.

— Ох, если бы работа сегодня сама переделалась, — вздохнула Катена.

Пришла она домой — а там все прибрано да перемыто. Только сестры все равно лютуют, не унимаются:

— Ты где шляешься, негодная?! — закричали они.

«Все от бедности нашей, — подумала Катена. — Жили бы мы в достатке — и сестры были бы добрей». На другой день пошла она на речку и опять встретила собаку. Посмотрела собаке в глаза и желание загадала: «Ах, если бы бедность ушла!»

Ушла бедность. Стали сестры есть и пить хорошо, и одеваться, как богатые. Да только добрей не стали. Приказали они Катене на глаза не попадаться. А сами ходят и ругаются:

— Да что за дом у нас такой некрасивый: половицы скрипят, крыша соломенная! В такой дом, — кричат они, — ни один жених не поедет!

Пошла Катена к собаке и попросила новый дом по-

строить. Вернулась с речки, а рядом со старой избой плотники уже всюю новый дом рубят. Большой, просторный получился дом. Сестры хорошо зажили. Только Катене лучше не стало. Глядят на нее жители да головами качают: «Среди богатых — да бедная!». А сестры всем объясняют: «Такая уж она неудачная».

Долго ли, коротко ли жили они, да однажды позвали сестры Катену и заявили:

— Вот что, Катена, не похожа ты на нас, видно — не родня нам. Нам надо замуж выходить, а тебя все равно никто не возьмет. Не позорь нас: бери платья наши старые, иди куда хочешь.

Загоревала Катена, вспомнила о коте и собаке. И пошла вечером на речку. Только не встретила ни кота, ни собаку. А стоял на том месте горбатый старик.

— Здравствуй, — сказал он, — давно тебя жду.

— Здравствуй, дедушка, — ответила Катена.

— Дай мне руку, — попросил старик. — У тебя горе, а люди в горе должны руки друг другу подавать.

Протянула Катена ему руку. Старик и говорит:

— А теперь слушай, Катена, и не отпускай руку. Если отпустишь — ничего не смогу сказать.

И рассказал ей старик, что это он превращался в кота и собаку. А на самом деле он принц из королевства Булаевского, что за темными лесами, за двумя царствами находится. Был когда-то он злым, непослушным, мучил животных, дразнил стариков. Вот раз шел мимо замка старик с длинной бородой. Стал принц его дразнить, ножку подставлять. Рассердился старик и сказал: «Будешь ты и котом, и собакой, и стариком горбатым. Принцем станешь только тогда, когда на добро добром ответишь. Если кто-нибудь тебя пожалеет — сила у тебя для добра появится». Это был волшебник Эльбакар.

— А теперь, — сказал старик, — прежде, чем отпустить руку, проси у меня то, чего тебе не хватает. Только себе проси, а не сестрам.

Подумала Катена и прошептала:

КАК ТАНЕНКА КРАСОТУ СЛОВИЛА

Жила-была на свете девочка по имени Таненка. Лицом белая, щечки румяные, головушка русая. Любила она на санках с гор кататься, и так ловко правила, что неслась до самой речки — аж дух захватит! И будто не санки это вовсе, а сами гуси-лебеди несут высоко, на самое небо, далеко.

Набегаются — вернется домой. Едва руки от мороза отойдут — слышит голос матери, первой вышивальщицы в деревне: «Бери иголку, дочка, работай». Смешно Таненке — какая же это работа — блестящей ниткой шелковый стебелек стежками выводить? Шьет-пошьет, пока за столом сон не застанет.

Простудилась как-то мать лютой зимой, заболела. Последними ее словами были: «Иголки, Таненка, из рук не выпускай».

Остались они с сестрой Еленой одни. Сестра старшая замуж вышла, свою семью завела, а Таненка при ней. То за ягодами соберется, то по грибы. Глянуть не успеешь — лукошко душистой земляники несет. Про грибы и говорить нечего. Подружки весь день по лесу шастают — едва полкорзины наберут. Таненка на час выйдет, чуть от дома по тропке побежит — глядь, полнехонек короб. «Меченая ты, что ли?» — удивлялась подружка Фая с черной косичкой за спиной.

Наберет, бывало, Таненка разноцветных стеклышек и убежит от подружек. Опрокинется во дворе на траву-мураву и рассматривает солнце через стеклышки. То розовым оно станет, то синехоньким. Темное стекло попадется — свет померкнет. Страшно станет. Уберет стекло — лучики веселенькие опять играют, и на душе радостно станет. Файка найдет, удивляется: «Чего улыбаешься?» — «Миру радуюсь, — отвечает Таненка, —

— Счастья.

— Ну, а теперь иди домой и жди, — с этими словами отпустил старик ее руку. И вдруг все исчезло: не стало ни дома, ни старика. А то место, где стояла изба, покрылось густой травой. «Словно и не было ничего», — удивилась Катена и пошла домой. А там — переполох: сестры наряжаются, румянятся.

— Что случилось? — спрашивает их Катена.

— Ах, не до тебя! Сваты к нам едут!

А через неделю приехали в деревню послы и сваты с молодым королем королевства Булаевского. Собрались самые богатые невесты на площади, кланяются послам и королю. А бедные стоят робко в сторонке, с ними и Катена. На богатых невест король и не посмотрел, а прямо к бедным направился. А послы да богатеи его отговаривают: мол, бедняки там одни — нечего смотреть. А король их и не слушает. Увидел Катену и говорит:

— Вот она — моя невеста.

Застеснялась Катена своего простого платица, хотела в толпе спрятаться, но король взял ее за руку и повел в карету. И поехали они прямо во дворец на бал. Ахнули жители деревни. Позеленели от зависти сестры.

А когда свита королевская возвращалась в свое королевство Булаевское, никто не узнавал в красивой королеве Катену.

С той поры живет Катена в своем королевстве, добрыми делами славится. А сестры без Катены делать ничего не умели и не хотели, друг с другом бранились. От злости скоро состарились и превратились в сварливых старух.

какой он разноцветный, яркий. Видишь, гуси к пруду идут? Хочешь, сейчас синими будут?»

Смотрит Фая то на гусей, то на Таненку, и у самой рот до ушей расплывается: «Чего выдумала!»

Собрались они как-то на речку. Коробку со стеклышками с собой прихватили. Взяла Таненка красный осколок в кулак и с разбегу сиганула в речку. Водоросли, как мохнатые руки чудища, за волосы цепляются. Приложила стеклышко — все расплылось в красноватом тумане. «Ой, какое все красивое!» — хотела она крикнуть и... давай глотать воду. Чует, за косы ее кто-то держит.

— Дуреха! Утонешь, — ругается Файка и из воды вытаскивает. Сама синяя от страха сделалась. Глаза чуть не выпрыгнут: «Дивная ты, Таненка, как есть дивная. Почто рот под водой растяпила?»

Долго потом Таненка кашляла. На печке, на горячих кирпичках оттаяла.

Летом пошла на луг, березками отороченный. Колокольцы луговые по коленям хлопают. На ней белый сарафан с синей каймой. Навстречу сестра старшая Елена. Лицо печальное-печальное: «Беда, Таненка, немец войной пошел». Пригнулась девочка от этой вести, будто пуля над ней просвистела.

Мужа Елены сразу в армию забрали. Таненка в город, в военкомат подалась. В госпиталь направили, санитаркой. Кому повязку переменить, кому воды подать. Врачи-то думают, что они лекарством человека вылечивают. Про себя Таненка знала — без ее рук хворь не одолеешь. Ох, сколько горя она видела!

Приходила, однако, и радость. Поставят человека на ноги, одолеет он раны, улыбается, будто снова на свет народился. Тепло станет на душе у Таненки. Минометчика одного долго выхаживала, как кукла, в бинтах был, а жив остался.

Получила как-то она письмо. Соседка написала, что Елена умерла под операцией. Трех деток оставила. Мал

мала меньше. Не долго думая, вернулась Таненка в деревню.

Зашла в дом. Сидят они на лавке, сердечные, как галчата в гнезде. Лохматые, чумазные, исподлобья поглядывают. Одичали. У младшей ноги до пола не достают. Черные дорожки к столу, к печке, к двери потоптали. В избе грязь и стужа. Присела Таненка четвертой на лавку. Самой-то восемнадцатый годок.

— Давайте-ка, ребятишки, пол вымоем. Негоже так жить. Неси, Оленька, ведро. Петруша пусть тряпку найдет. Ты, Ларочка, как самая младшая, веник возьми.

Сбегала она к соседям. Заняла дров. Печь истопила. Полы вместе выскоблили. Половицы желтые, свежие, чистотой пахнут. Городские гостинцы развернула — буханку хлеба, кусочки сахара, банку рыбных консервов.

Утром пошла устраиваться на фабрику, где до войны сестра работала, — блузки, скатерти, салфетки вышивала. Взяли Таненку. Только теперь тут шили маскировочные халаты, комбинезоны, солдатское белье.

Отработает смену — и с санками в лес по дрова. Нарубит хворосту. Печь истопит. Детишкам чугунок картошки сварит. Вечером глаза слипаются, а надо еще постирать, пошить. Утром опять на смену. Откуда силы взять? Но думалось ей, что там, на фронте, еще трудней.

«Закончится война, — думала Таненка, — мы победим. Весь лужок солнечный, довоенный, так и выпишу. С колокольчиками фиолетовыми, желтоглазыми ромашками в белых ресницах, голубыми перышками васильков. Чтоб пахло травами, лесом нашим березовым, землей родной...»

Доверили фабрике в то время срочное задание — боевые знамена вышить. Решили отдать заказ лучшим вышивальщицам-комсомолкам. Чтобы дома, как можно быстрее, выполнили. Взяла Таненка свое полотнище. Алый бархат в глаза бьет. Свернула, за пазуху сунула. Морозище. Дымы белые над трубами высоко стоят.

А ей тепло, щеки горят. Летит домой, как на крыльях.

Вышивала по ночам, при свете коптилки. Ваночка с салом, фитилек из ваты свит. Света — чуть, а колоти — полно. Вышила-таки серп и молот на боевом знамени, номер части. Сдала заказ самая первая.

Продержалась Таненка с детьми, пока не пришла победа. Такой май у нее на сердце расцвел — не знала куда себя деть. Картинка задуманная так и стоит перед глазами. С бумаги перевела на полотно. Стала вышивать владимирским красным швом силуэт Кремля. Разноцветные ракеты горят. Радостные лица. Праздник на душе у каждого. Месяц головы не поднимала по вечерам.

Принесла на фабрику, развернула. Мастерницы ахнули. Откуда взяла? Дома, отвечает, взяла, сама придумала. Порадовались за нее на фабрике. Панно музей запросил. Чтоб не одни они, фабричные, красоту эту видели — другие люди полюбоваться могли. С тех пор стали ее звать Таненка-художница. Уж сколько рисун-

ков придумала — и не счесть! Одна забота у художника — поймать красоту, показать ее людям, чтоб душа смягчилась. Как поймать? Про то никто не знает...

Живет Красота красавенная, мимолетная далеко, где синий лес кончается — небо начинается, где синее море кончается — земля начинается. Гуляет она как-то в белой шапочке, в белом плаще, в голубых сапожках по белу свету. Смотрит — на большом празднике веселятся, танцуют люди. Только один у колонны стоит грустный такой, волосы курчавые, черные. Перо гусиное в руке. То погрызет его, то оставит. Подошла Красота к нему сзади. Ладонями глаза закрыла. Сказала на ухо что-то такое, чего никто не слышал. Улыбнулся человек и стал писать быстро-быстро на листе бумаги. Отложил перо и побежал в залу танцевать вместе со всеми.

Идет Красота дальше. Уже ночь наступила. Спят и пахари, и рыбаки, и рудокопы. Одно окошко светится в темноте во всем мире. Заглянула в него Краса. Рыжий человек, вся куртка красками испачкана, работает кистью. На холсте желтое поле. В отчаянии бросил кисть. Обхватил руками голову. Сидит, застылый, не шелокнется. Пригляделась Краса: вся комната такими полями уставлена. А он, видно, недоволен. Прошла на цыпочках по комнате, наклонилась и шепнула человеку слово заветное, первожданное. Встрепенулся он, силы прибавилось. Схватил кисть и стал писать еще одно поле. Знойное и тревожное, радостное от оранжевого, на горизонте грустное от черного. Спешит, торопится сделать, как Краса подсказала. Картина та и до сих пор людям нравится.

Идет Краса дальше. Уж утро. Сиреневый дождь лепестков с кустов осыпается. Аромат голову кружит неопиcуемый. Люди завтракать собираются. В одном низеньком доме у распахнутого окна седой человек — бородка клинышком. Не ест, не пьет, на узеньких линейках замысловатые знаки ставит. Расскажут они людям,

ГОЛУБОЙ КОЛОКОЛЬЧИК

что творится у него на душе. Постояла Краса за кустом сирени, полюбовалась на вдохновение его. Этому и говорить нечего. Перо по потным строчкам само бежит. Вроде и не слышал, не видел ее человек, а так ее, Красу, понял, как будто давно про нее все знал. «Чуден и велик человек, право», — усмехнулась про себя Краса, тонкую бровь взметнула.

...Заглянула она как-то в деревню, среди леса затерянную. Крыши изб, как сложенные крылья птиц, среди елок припрятались. Остановилась у синего домика с кружевными белыми наличниками. Видит, девушка пяльцы приготовила, нитки разложила, а что вышить — никак не решится. Иголка лучшая куда-то запропастилась. Подошла Краса поближе, к вишне цветущей прислонилась. Стоит, улыбается, ветку покачивает. Чудится девушке — зовет ее кто-то: «Поиграй со мной, Таненка, поймай, догони!» Выбежала девушка к вишне, тронула ветку, лепестки, как перышки, на землю полетели: «Кто звал? Нет никого!» И тут как плеснуло — вот же он, рисунок! Вишня, как невеста, в белом. Быстрее на полотно перевести! И шить, шить скорее. И иголка на месте! Закончила работу и глазам своим не поверила: по белоснежному полю батиста нежные побегги белой гладью вьются. В середине вишенка. Расцвела под окошком, раскрыла зыбкую свою красоту.

А Краса Мимолетная дальше по свету пошла. Что-бы тем, кто трудится, облегченье сделать, радостью созданного одарить.

Про Таненку слух прошел, что игла у нее волшебная — сама узор дает, сама шьет. Будто Красой подарена.

Жила в одном городе девочка. Ее звали Наташей. Однажды она гуляла в поле и увидела голубой колокольчик. Он рос далеко от воды и совсем завял. Наташа пожалела бедный цветок. Она принесла из ручейка воды и напоила его.

Голубой колокольчик ожил, улыбнулся и сказал:

— Спасибо, девочка. Не дала мне погибнуть. И я принесу тебе радость...

С тех пор прошло много времени. Наташа подросла, а когда девочке исполнилось семь лет, мама подарила ей новое платье.

— Ой, какое красивое, — обрадовалась Наташа. — Какне на нем чудесные голубые колокольчики!

И вдруг она услышала приятный тоненький голосок:

— Здравствуй, девочка. Вот и я тебя порадовал.

— Кто же это говорит? — удивилась Наташа.

— Это я. Голубой колокольчик. Помнишь, ты дала мне напиток?

И тут Наташа все вспомнила.

— А как же ты попал на мое платье? — спросила она.

— Со мной случилось удивительное происшествие. Хочешь, я о нем расскажу?

— Очень, очень хочу, — ответила девочка.

Голубой колокольчик сошел с платья, забрался Наташе на руки и начал рассказывать.

— Долго я рос на сухом пригорке, скучно мне было, и поиграть не с кем. Но вот однажды утром, когда солнце еще не согнало с моих лепестков росу, в поле пришла женщина. Она оказалась доброй феей и, увидев меня, проговорила:

— Чудесный цветок! Хороший будет подарок детям.

что творится у него на душе. Постояла Краса за кустом сирени, полюбовалась на вдохновение его. Этому и говорить нечего. Перо по потным строчкам само бежит. Вроде и не слышал, не видел ее человек, а так ее, Красу, понял, как будто давно про нее все знал. «Чудец и велик человек, право», — усмехнулась про себя Краса, тонкую бровь взметнула.

...Заглянула она как-то в деревню, среди леса затерянную. Крыши изб, как сложенные крылья птиц, среди елок припрятались. Остановилась у синего домика с кружевными белыми наличниками. Видит, девушка пяльцы приготовила, нитки разложила, а что вышить — никак не решится. Иголка лучшая куда-то запропастилась. Подошла Краса поближе, к вишне цветущей прислонилась. Стоит, улыбается, ветку покачивает. Чудится девушке — зовет ее кто-то: «Поиграй со мной, Таненка, поймай, догони!» Выбежала девушка к вишне, тронула ветку, лепестки, как перышки, на землю полетели: «Кто звал? Нет никого!» И тут как плеснуло — вот же он, рисунок! Вишня, как невеста, в белом. Быстрее на полотно перевести! И шить, шить скорее. И иголка на месте! Закончила работу и глазам своим не поверила: по белоснежному полю батиста нежные побеги белой гладью выются. В середине вишенка. Расцвела под окошком, раскрыла зыбкую свою красоту.

А Краса Мимолетная дальше по свету пошла. Чтобы тем, кто трудится, облегченье сделать, радостью созданного одарить.

Про Таненку слух прошел, что игла у нее волшебная — сама узор дает, сама шьет. Будто Красой подарена.

ГОЛУБОЙ КОЛОКОЛЬЧИК

Жила в одном городе девочка. Ее звали Наташей. Однажды она гуляла в поле и увидела голубой колокольчик. Он рос далеко от воды и совсем завял. Наташа пожалела бедный цветок. Она принесла из ручейка воды и напоила его.

Голубой колокольчик ожил, улыбнулся и сказал:

— Спасибо, девочка. Не дала мне погибнуть. И я принесу тебе радость...

С тех пор прошло много времени. Наташа подросла, а когда девочке исполнилось семь лет, мама подарила ей новое платье.

— Ой, какое красивое, — обрадовалась Наташа. — Какие на нем чудесные голубые колокольчики!

И вдруг она услышала приятный тоненький голосок:

— Здравствуй, девочка. Вот и я тебя порадовал.

— Кто же это говорит? — удивилась Наташа.

— Это я, Голубой колокольчик. Помнишь, ты дала мне напиток?

И тут Наташа все вспомнила.

— А как же ты попал на мое платье? — спросила она.

— Со мной случилось удивительное происшествие. Хочешь, я о нем расскажу?

— Очень, очень хочу, — ответила девочка.

Голубой колокольчик сошел с платья, забрался Наташе на руки и начал рассказывать.

— Долго я рос на сухом пригорке, скучно мне было, и поиграть не с кем. Но вот однажды утром, когда солнце еще не согнало с моих лепестков росу, в поле пришла женщина. Она оказалась доброй феей и, увидев меня, проговорила:

— Чудесный цветок! Хороший будет подарок детям.

МАЛЕНЬКИЕ СКАЗКИ

Клятва

Сказав так, она вынула из своей желтой сумочки волшебную кисточку и нарисовала меня в альбоме.

— Ты будешь жить долго-долго, — сказала она и улыбнулась.

— Так я стал бумажным цветком, но по-прежнему оставался голубым. Фея принесла меня в свой дворец. В нем было много людей. Они разглядывали меня и улыбались. И я перестал жалеть, что стал бумажным.

Но таким я оставался недолго. Вскоре меня отнесли к волшебнику. Все называли его Гравером. Он бережно, словно я был хрустальный, положил меня на блестящий металлический барабан. Потом взял в руки острую волшебную палочку и медленно обвел ею вокруг меня. Это было несколько не больно. И тут я увидел, что стал железным и потерял свой голубой цвет. А волшебник все прикасался палочкой к барабану, и на нем оставались такие же, как я, колокольчики.

На следующий день мы попали к другому волшебнику. Он находился в светлой высокой комнате. Здесь стояли умные машины. Они очень слушались своего хозяина. Барабан, на котором мы находились, положили на одну из таких машин. Я увидел под собой небольшое озеро. Вода в нем была голубая. Мне очень захотелось в ней искупаться, чтобы снова стать голубым. Волшебник нажал маленькую кнопку, барабан завертелся, и мы окунулись в озеро. Потом вынырнули и прокатились по белой полотняной ленте, которая унесла нас с собой. А дальше...

— Знаю, знаю, — перебила Наташа, — знаю, что было дальше. Полотняную ленту отнесли к портнихе, и она сшила из полотна платье! Это вас не волшебники, а люди такими красивыми сделали.

Наташа была довольна. Она узнала чудесную историю путешествия голубого колокольчика.

Поймала на озере цапля карася и хотела съесть, а он и говорит:

— Не ешь меня: твоя сестра скучать станет. Я с ней в большой дружбе живу.

— А чем ты докажешь? — не поверила птица.

— Да я за нее хоть в воду брошусь, — поклялся карась.

Цапля решила проверить его слова, бросила желтого в пучину вод. А карасю это и нужно было.

О глупости

Доверила куропатка своих птенцов лисе, а сама в луга полетела. Повстречался ей дятел и давай попрекать:

— Разве лисе можно доверять, глупая.

— И вовсе не глупая, — обиделась куропатка. — Я с лисы слово взяла. Если она их не тронет, тогда что скажешь?

Покачал дятел головой и говорит:

— Тогда скажу, что глупее лисы в лесу зверя нет.

Петушья гордость

Расхвастался петух, что умнее его среди кур не встретишь.

Позавидовали ему птицы, а одна и говорит:

— Подарил бы мне свой гребень, может, и я умнее стану.

— Не могу, — отказал петух, — меня без него всякий за курицу примет.

Добрый совет

Пожаловался заяц ежу, что ему от волка житья не стало:

— Вчера еле ноги унес.

— Чудак, — подвинулся еж, — видно, правду люди говорят, что дурная голова ногам покоя не дает. Чего зря бегать. Ты бы в клубок свернулся...

Светлана БАРАНОВА

ЕЛОЧКА

Она родилась в лесу, возле железной дороги, там, где бегут-торопятся куда-то поезда.

Когда подросла Елочка, ей стали говорить лестные слова: какая она молодая, красивая, пушистая, стройная. Ну просто обаятельная!

Особенно хвалила ее старая Ель, у которой нижние ветви давно стали сухими, а иголки совсем осыпались. Ель хвалила юную соседку и возмущалась, что никто из проезжающих по железной дороге не выходит из вагонов и не любит Елочку.

— Да ты у нас самая лучшая Елочка леса! У тебя иголки синие. А это замечательно, когда иголки синие. Тебе не здесь стоять, а где-нибудь в сквере с прекрасными статуями рядом. Торопись, жизнь проходит, не то зачахнешь, как я, в этом дурацком лесу!

Елочка слушала Старую Ель и думала: конечно, хорошо бы перебраться в сквер, где гуляют нарядные люди, где стоят благородные голубые Ели. Только жаль было Елочке покидать своих друзей и старую Ель, и молодые березки, которые стояли рядом и без умолку шептались с ветром, и птиц, весело щебетавших, приносящих всякие интересные новости. Жаль было и дорожку, по которой бежали-торопились поезда.

Но старая Ель все уговаривала:

— Тебя оденут в яркие огоньки, ленты повяжут, и будешь ты королевой. Вот послушай, что я тебе расскажу: росла рядом со мной такая же красавица, как ты. Давно это было. Приехали однажды сюда люди и увезли ее с собой. Потом синицы рассказывали мне — видели красавицу в городе, стоит в сквере, вся сверкает огнями даже кружится.

Елочка удивленно посмотрела на Старую Ель и решила попробовать, как это — кружиться? Но ей не удалось этого сделать: что-то мешало. Наверное, ее скромность.

В это время прилетела серая Свиритель и сказала:

— Не слушай ее, Елочка, все она выдумывает — нельзя кружиться деревьям. А кружатся те, у кого голова идет кругом. Ту елку срубили. Ты знаешь, что такое «срубили»? Нет? Лучше тебе и не знать.

Старая Ель завозмущалась:

— Ты — серая, тебе и в лесу хорошо, а она — голубая, королева леса. Ей нужно показать себя.

Свиритель не согласилась:

— Королева леса! Смешно, даже, зачем королеве леса в городе жить?

Елочка призадумалась. Вот именно, зачем? И теперь стала слушать Старую Ель не так внимательно.

Проходили месяцы и годы, и Старая Ель стала меньше говорить. А потом совсем замолчала. Елочка выросла, стала еще стройней. Но теперь никто не напоминал ей об этом. Только иногда из проносившихся мимо вагонов смотрели на нее люди, чему-то улыбались и показывали друг другу на Елочку. Она все ждала какого-то чуда.

И вот однажды чудо свершилось. Чудо всегда свершается, если его очень ждать. Это было ночью. Елочка увидела поезд издали: по движущимся окнам она поняла, что это поезд. Она уже приготовилась попрощаться с ним, как вдруг заметила, что поезд замедлил ход и

остановился, выпустил из своих дверей веселых людей. Они были одеты в красные, желтые блестящие костюмы и что-то держали в руках. Елочка вспомнила, как Свиристель говорила ей об острых топорах, которыми люди рубят деревья, и сердце ее сжалось. В эту секунду ей стал так дорог и мил ее лес, и небо, и ветер, и она пожалела, что слушала когда-то Старую Ель и даже собиралась покинуть лес.

Люди приближались. Они остановились перед ней и молчали несколько минут. Один человек проговорил: — Что может создать Природа!

Они восхищались почему-то не ею, Елочкой, и говорили не ей приятные слова, а Природе. Человек в красном костюме подошел совсем близко и повесил на ее ветви золотистую ленту, потом вторую, третью, четвертую... И вдруг Елочка покрылась разноцветными огоньками. Ей стало тепло и радостно, и она поняла, что в руках у людей совсем не острые топоры, а много прекрасных игрушек, которые они дарили ей, Елочке.

Люди украсили ее и водили вокруг нее хороводы, пели песни, танцевали, шутили и смеялись.

Поздно ночью они попрощались с Елочкой. Уходя по заснеженной тропинке, люди обращивались и поднимали в приветствии руки.

Счастливая Елочка тоже подняла свою голубую ветвь, и ее иголки радостно зашелестели.

Владимир ЕЛАГИН

ФЕНЬКА

В одном городе жил воробей. Звали его Фенька. Был он из породы тех воробьев, каких тысячи, и все же не такой, как все.

Фенька имел громадную квартиру с подогревом. Размещалась она в двух буквах рекламы «Кафе».

«Фе» — светилось, а «Ка» — нет. Вот и прозвали воробья Фенькой. Тот самый воробей, который живет в «Фе».

В отличие от своих соседей, был Фенька большой задира, хвастун и проказник. Но слыл и воробьем начитанным. Он много знал и обо всем подолгу любил рассуждать с другими птицами.

— Почему задира? — спросите вы.

О, еще какой! — подтвердят его соседи.

Вздумал однажды подселиться к Феньке бездомный воробей. Мол, и так живешь просторно, пусти! Тут Фенька ему такую трепку устроил, что у бедняги перышки полетели.

А Фенька еще долго шумел со своего балкона. «Я покажу, как жилплощадь занимать, я покажу...»

С трудом воробиха его успокоила.

Фенька хоть и задира, но и храбрец. И это птицы подметили. Все воробьи как воробьи — для своих постелей случайные перышки подбирают, травинки разные. А Фенька до чего додумался? Пикирует на голубей и пух из них дергает. Чтобы помягче в постели было.

Любит Фенька выйти на балкон и полететь во весь голос.

— Чик-чирик, чирик-чик! — так и раздается по всей округе.

Рассердилась однажды соседка-ворона.

— Гр-р-ражданин Фенька! Прекратите! — строго потребовала она. — Сколько можно?! Безоб-р-разие! Какой соловей нашелся!..

Фенька как будто этого и ждал. Он не стал браниться:

— А знаешь ли, дорогая ворона, что соловей — мой дальний родственник?!

Ворона от неожиданности чуть на землю не свалилась.

— Крак, как? — удивлялась она. — Птицы добрые, рассудите. Ну и пройдоха же ты, Фенька! К соловью в рождественники записался...

На шум прилетела сойка, появились другие пернатые. Стали разбираться, что к чему.

— Дер-р-р-жу пари, Фенька снова врррет, — наступала ворона. — Ведь в прошлый р-раз до чего дока-тился! Помните, птицы?!

— Помним, помним! — закричали кругом.

— Фенька утверждал, что рождественники его в Средней Азии живут, в самой пустыне.

— И даже в тундре...

Долго шумели птицы, но вскоре все подтвердилось. Вызвали филина, и тот рассудил: Фенька прав!

По-другому посмотрели птицы на своего соседа. Кто-то вспомнил, как Фенька за три дня предсказывал морозы, сколько он уничтожил за лето различных сельскохозяйственных вредителей. Называли и другие его доблести и достоинства.

Порассуждали птицы и согласились: воробей — птица полезная. Ну, а если и пошумит ненароком, так то же Фенька! Без него было бы скучно...

СОДЕРЖАНИЕ

Сказки Ивана Никитича Климова, муромского сказочника,
в записи В. А. Светозарова

Илья Муромец	3
Старик и журавль	9
Матрешка и медведь : : :	15
Василиса Премудрая : :	20
О сильном русском богатыре Зеленом	28
Бура-Яга и внучка : : :	33
Лиса, волк, медведь и заяц	37
Кот семихвостый	42
Крестьянин и медведь	44
Иванушка-прокатись горошинка	50

Наталья Суздальцева

Сказки старого Муромца	
Жадный поп : : : :	58
Младший брат, богатырь муромский	60
Счастье : : : :	65

Ворис Костин

Сок волшебного дерева : : :	69
Родничок и Тропинка	77

Варвара Киреева

Метла и череп	84
Мужик и лиса	84
На воре шапка горит	86
Как старик за дровами ходил	87
Матрешка	91
Пышечка / : : :	94

Яшка	: : : : :	97
Горошинка	: : : : :	98
Как Влас людей спас	99
Владимир Герасимов		
Про мальчика Колю, который любил сказки	103
Аркадий Пастернак		
Афоня	: : : : :	123
Павел Рачков		
Хрустальный букет	: : :	130
Алексей Кнотов		
Катена	. : : : :	154
Любовь Фоминцева		
Как Таненка красоту словила	159
Николай Сидоров		
Голубой колокольчик	: : :	165
Маленькие сказки	: :	167
Светлана Варанова		
Елочка	. : : : :	168
Владимир Елагин		
Фенька	. : : : :	171

СОК ВОЛШЕБНОГО ДЕРЕВА

Для детей младшего школьного возраста

Редактор М. С. Локалова
Художник О. О. Бороздина
Художественный редактор Ю. А. Пичугин
Технический редактор Т. Н. Яковлева
Корректор Т. В. Виноградова

ИБ № 1036

Сдано в набор 21.01.88. Подписано в печать 12.04.88. Формат 84X108/32.
Бумага типографская № 2. Гарнитура школьная. Печать высокая. Усл. кр.-отт.
10,14. Усл. п. л. 9,24. Уч.-изд. л. 7,82. Тираж 150 000. Заказ 909. Цена 30 коп.

Верхне-Волжское книжное издательство Государственного комитета РСФСР
по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 150000. г. Ярославль,
ул. Трехфолева, 12

Типография № 2 Росглавополиграфпрома, 152901, г. Андропов, ул. Чкалова. 8.

30 коп.

ЯРОСЛАВЛЬ
ВЕРХНЕ-ВОЛЖСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1988